

LEFT ВОСХОЖДЕНИЕ BEHIND®

РОЖДЕНИЕ
АНТИХРИСТА

65 000 000
проданных
экземпляров

ТИМ ЛАХЭЙ

ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

LEFT BEHIND[®]

КНИГИ СЕРИИ
LEFT BEHIND®

ОСТАВЛЕННЫЕ

Роман о последних днях Земли

ОТРЯД СКОРБИ

Продолжение истории об оставленных

НИКОЛАЕ

Восстание Антихриста

ЖАТВА ЧЕЛОВЕКОВ

Мир разделяется

АВАДДОН

Демон-губитель сбросил оковы

ВОЗМЕЗДИЕ

Место: Иерусалим. Цель: Антихрист

ВОПЛОЩЕНИЕ

Зверь воцаряется

НАЧЕРТАНИЕ

Зверь правит миром

ОСКВЕРНЕНИЕ

Антихрист восходит на престол

ОСТАТОК

На пороге Армагеддона

АРМАГЕДДОН

Вселенская битва эпох

ЯВЛЕНИЕ ВО СЛАВЕ

Последние дни

ВОСХОЖДЕНИЕ

Рождение Антихриста

РЕЖИМ

Зло наступает

ВОСХИЩЕНИЕ

В мгновение ока

ДА ПРИИДЕТ ЦАРСТВО

Окончательная победа

LEFT BEHIND®

ТИМ ЛАХЭЙ

ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

ВОСХОЖДЕНИЕ

РОЖДЕНИЕ
АНТИХРИСТА

ТЕРРА **ТЕРРА**
ИЗДАТЕЛЬСТВО | PUBLISHING HOUSE

КНИГОВЕХ™
КНИЖНЫЙ КЛУБ | BOOK CLUB

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)
Л29

Оформление художника
А. БАЛАШОВОЙ

ЛаХэй Тим, Дженкинс Джерри Б.

Л29 Восхождение: Роман / Пер. с англ. — М.: Книжный Клуб Книговек, 2012. — 464 с. — (Left Behind).

ISBN 978-5-4224-0577-0

Роман «Восхождение» открывает трилогию книг, посвященных событиям, предшествующим Восхищению. Какой была жизнь до всемирных исчезновений у Рэйфорда Стила и его жены Ирен, у Бизона и доктора Циона Бен-Иегуды? Почему Вив Айвинз играет настолько важную роль в жизни Николае Карпати? Почему именно Николае стал антихристом? И как ему удалось взойти на вершины власти за столь короткое время?

УДК 821.111
ББК 84(4Вел)

Left Behind #13: Восхождение, Russian
Copyright © 2005 by Tim LaHaye & Jerry Jenkins
Russian edition © 2012 by Knigovek Book Club
with permission of Tyndale House Publishers, Inc.
All rights reserved.
Left Behind® is a registered trademark of Tyndale
House Publishers, Inc.

ISBN 978-5-4224-0577-0

© Книжный Клуб Книговек, 2012

*Фрэнку Мюллеру
несравненному чтецу*

*С особой благодарностью
Дэвиду Аллену
за техническую консультацию*

ПРОЛОГ

Когда закончился двадцатый век

Солнце висело прямо под краем солнцезащитного щитка, заставляя Рэйфорда Стила жмуриться, невзирая на темно-серые линзы. Его второй пилот, Крис Смит, вдруг ткнул пальцем в приборную панель и сказал:

— Упс! И как давно эта штука горит?

Рэйфорд прикрыл глаза рукой и увидел, что на экране горит: «Двигатель 1. Масляный фильтр». Давление масла было нормальным, даже на указанном двигателе, крайнем слева.

— Пожалуйста, проверку масляного фильтра двигателя номер один, — сказал он.

Крис полез в правый карман за инструкцией на случай чрезвычайной ситуации. Пока Крис искал нужный раздел, Рэйфорд схватил журнал обслуживания, который должен был бы просмотреть перед тем, как отъехать от ворот в Чикаго и направиться в Лос-Анджелес.

Он быстро просмотрел его. Да, точно, перед вылетом из Майами в аэропорт О'Хара в двигателе номер один надо было бы заменить масляный фильтр. В старом фильтре были замечены металлические стружки. Хотя, видимо, их количество находилось в допустимых пределах, поскольку механик подписал протокол и самолет долетел до Чикаго без проблем.

— «Медленно сбрасывать обороты до тех пор, пока сообщение не исчезнет с экрана», — прочел Крис.

Рэйфорд последовал инструкции, следя за экраном сообщений. Обороты были сброшены до нуля, но сообщение не исчезало. Через минуту он сказал:

— Не помогает. Что дальше?

— «Если сообщение МАСЛЯНЫЙ ФИЛЬТР ДВИГАТЕЛЯ не исчезает на холостом ходу, ПЕРЕКЛЮЧАТЕЛЬ УРОВНЯ ТОПЛИВА... ПЕРЕВЕСТИ В ПОЛОЖЕНИЕ ВЫКЛЮЧИТЬ».

Рэйфорд схватился за рычажок переключателя.

— Подтвердить отключение переключателя уровня топлива номер один.

— Подтверждаю.

Рэйфорд плавно двинул рычаг в сторону и вниз, одновременно увеличивая нажим на правую педаль руля. Двигатель номер один отключился, и автомат управления тягой увеличил мощность оставшихся трех моторов. Скорость полета медленно снижалась. Вряд ли кто-то это заметил, подумал Рэйфорд.

Они с Крисом решили идти на другой высоте, и он приказал ему запросить диспетчера воздушного движения в Альбукерке, чтобы им дали разрешение снизиться до 32 000 футов. Затем они установили автоответчик, чтобы предупредить остальных участников воздушного движения о том, что они, возможно, не смогут набрать высоту или маневрировать, если возникнет аварийная обстановка.

Рэйфорд не сомневался, что теперь они доберутся до аэропорта Лос-Анджелеса без проблем. Рэйфорд ощутил, что правую стопу сводит, и вспомнил, что ему пришлось увеличить нажим на педаль, чтобы скомпенсировать неравномерную тягу оставшихся двигателей.

«Давай, Рэйфорд, веди машину».

После того как он проинформировал «Пан-Континентал» о возникшей ситуации, диспетчер сообщил ему о плохой видимости в аэропорту Лос-Анджелеса.

— Когда подойдете ближе, запросите сводку погоды.

Рэйфорд объявил пассажирам, что он отключил двигатель номер один, но это ничем не грозит и посадка в Лос-Анджелесе будет обычной. Однако чем ниже шел самолет, тем отчетливее Рэйфорд мог сказать, что мощность чрезмерна. Ему не хотелось заходить на второй круг, поскольку переход с холостого хода на полную мощность на трех моторах потребовал бы большой работы рулем управления, чтобы компенсировать разницу в тяге.

Диспетчерская Лос-Анджелеса была в курсе ситуации с двигателем и дала тяжелому самолету «Пан-Континентал» очередность на посадку. На высоте 10 000 футов Рэйфорд начал сверять цифры снижения.

— Тормоза в автомате, — сказал Крис.

— Уровень три, — ответил Рэйфорд.

Контроль полета Лос-Анджелеса снова соединил Рэя и Криса с диспетчерской, которая дала им разрешение приземлиться на левую полосу номер двадцать пять и сообщила о скорости ветра и дальности видимости на полосе.

Рэйфорд включил рулежные фары и приказал Крису установить нулевой триммер руля. Рэйфорд ощутил, как увеличивается давление под его правой стопой. Ему придется следовать за автоматом тяги, когда будет меняться мощность, и подстраивать под нее нажим на руль. Никогда при посадке ему не приходилось так туго, да и погода еще не способствовала. Низкая облачность мешала ему видеть полосу.

Рэйфорд с Крисом подгоняли скорость под положение закрылков, чувствуя, как автомат тяги отвечает, снижая мощность для торможения самолета

— Вошли в глиссаду, — сказал он. — Закрылки тридцать, проверка посадки.

Он установил приборную скорость на 148 узлов, соответствующую такому тяжелому самолету при посадке с закрылками на 30 градусов.

Крис следовал указаниям. Он вытащил КПП из-за щитка.

— Шасси, — сказал он.

— Пошли.

— Закрылки.

— Тридцать.

— Воздушные тормоза.

— Готовы.

— Посадочная проверка завершена, — сказал Крис.

Теперь самолет мог сесть сам, но Рэйфорд решил на всякий случай не оставлять управления. Так гораздо проще садиться на автопилоте, чем перехватывать управление, если тот вдруг отключится.

— Последние координаты подхода, — сказал Крис.

Когда Рэйфорд отключил автопилот и тягу, раздался громкий гудок.

— Автопилот отключен, — сказал он.

— Тысяча футов, — ответил Крис.

— Понял, — ответил Рэйфорд.

Они были в самой середине облаков и вряд ли увидят землю до момента приземления.

Механический голос объявил:

— Пятьсот футов.

Он объявит еще пятьдесят, тридцать, двадцать и десять. До приземления оставалось девяносто секунд.

Внезапно Рэйфорд услышал радиопереговоры.

— Запрещаю, Ю-Эс Эйр 21! — говорил диспетчер. — Взлет запрещаю!

— Прием, башня, — послышался ответ. — Перебой со связью. Вас понял. Ю-Эс Эйр-21, взлет разрешен.

— Нет! — ответила диспетчерская. — Ю-Эс Эйр 21! Взлет запрещен!

— Пятьдесят футов, — отсчитывал механический голос. — Тридцать.

Рэйфорд вышел из облаков.

— Разворот, кэп! — заорал Крис. — На полосу выруливает «Боинг-757»! Уходим на второй круг! Уходим!

Рэйфорд не мог себе представить, как уйти от столкновения с семьсот пятьдесят семь. Время замедлилось, перед глазами как наяву предстала вся его семья, он увидел, как они скорбят, он почувствовал вину за то, что оставляет их. И вину перед пассажирами. И командой. И теми, кто находился на борту самолета компании «Ю-Эс Эйр».

Медленно повернувшись, он заметил красную точку в центре экрана на панели инструментов, рядом с которой горела цифра 2. Механический голос продолжал отсчет, Крис вопил:

— Вверх! Вверх!

Рэйфорд ударил по кнопкам захода на второй круг дважды для максимальной мощности и крикнул:

— Господи, пронеси!

— Аминь! — взвыл Крис Смит. — А теперь летим!

Рэйфорд ощутил, что снижение прекратилось, но вряд ли этого было достаточно. Он представил себе вытаращенные глаза пассажиров «Ю-Эс Эйр», стоявшего на земле.

— Закрывки двадцать! — рявкнул он. — Набор высоты. Убрать шасси.

Руки Смита порхали над приборной доской, но расстояние все равно сокращалось.

Самолет внезапно нырнул влево — три работающих двигателя создали небольшой крен. Рэйфорд не успел компенсировать его рулем. Если бы он не успел среагировать, конец крыла зацепил бы землю. Оставалась какая-то доля секунды до столкновения с хвостом «Боинга-757» — который был высотой почти с четырехэтажный дом, — и они перевернутся. Рэйфорд закрыл глаза и приготовился к столкновению. Он слышал ругань диспетчера и Криса. Какая дурацкая гибель!..

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Двадцатью четырьмя годами ранее

Сожительство Марилены Тити и Сорина Карпати было основано на чем угодно, кроме физического влечения. Да, между ними было то, что на вульгарном Западе называлось бы близостью. Но Марилену, когда она была сначала его студенткой, а потом и ассистенткой в Румынском университете в Бухаресте, привлекал исключительно его интеллект. Она понимала, что оба они не слишком хороши собой. Он был невысок и худ, и копна жестких рыжих волос, несмотря на их густоту и его отвращение ко всякого вида стрижкам, не могла скрыть растущей лысины на темечке.

Она была плотной и невзрачной, не красилась, не делала маникюра, не ухаживала за своими черными волосами. Коллеги, которые, по ее мнению, полностью отделились во власть чужеродной культуры, подразни-

вали ее, говоря, что ее безвкусная одежда и практичные туфли — пережиток прошлого века. Они давно оставили попытки сделать из нее то, чем она все равно никогда не смогла бы стать. Марилена не была слепа. Зеркало не лжет. Ни макияж, ни духи не изменяют ее ни внешне, ни внутренне.

И она спряталась внутри себя и физически и духовно. Она не променяла бы свою жизнь ни на какой покупной аристократизм. За последние несколько десятилетий бури прогресса превратили ее крохотную родину из задворок Европы с самым низким уровнем жизни в технологическое чудо. Но Марилена могла бы обойтись без всего этого. Она жила в собственном роскошном мире, созданном ее собственным разумом и возделанном ее неистощимым любопытством.

Возможно, она и правда родилась на век позже. Ей нравилось, что ни одна из восточноевропейских наций не могла похвастаться происхождением от древних римлян. И хотя современные румынки выглядели, одевались, разговаривали, танцевали и вели себя словно западные «иконы стиля», Марилена не поддавалась даже безумию фитнеса, которое заставляло ее сверстниц гонять на велосипедах, заниматься спортивной ходьбой, бегом трусцой и карабканьем на все высоты ее родины.

Марилена знала о том мире, который существовал вне уставленной книжными полками и компьютерами двухкомнатной квартирki, которую она делила со своим

мужем в течение шести лет. Но кроме случайных вылазок на автобусе — она уже не помнила ради чего, — ее редко тянуло пойти куда-нибудь дальше университета, где она теперь тоже служила профессором литературы. Всего каких-то четыре квартала пешком, вместо того чтобы десять минут ехать на автобусе.

Сорин предпочитал свой старенький велосипед, который затаскивал в свой кабинет каждый раз, как приезжал в университет, а потом на пятый этаж их дома, когда возвращался. Словно его было где ставить в их квартирке. Но то, как он прятал свой велосипед, отражало его недоверие к человечеству, с чем Марилена не могла поспорить. Несмотря на все свое осуждение религии, особенно тех ее ветвей, которые утверждали, что человек греховен от рождения, любой человек, насколько знала Марилена, ограбил бы и лучшего друга, будь хоть малый шанс. Любой, кроме, наверное, таинственной русской эмигрантки, которая проводила по вторникам вечерние собрания в вестибюле местной библиотеки. Марилена уже несколько месяцев посещала их, но пока ничего определенного не могла сказать о еще примерно тридцати посетителях. Однако Вивиана Авинцева будила в ней какое-то глубокое чувство.

Госпожа Авинцева, красивая, безукоризненно одетая женщина лет тридцати пяти, казалось, тоже тянется к Марилене. Невысокая, с сильной проседью, Вивиана говорила словно бы для одной Марилены, хотя смо-

трела на других, чтобы удерживать их внимание. И естественно, когда после двенадцатой встречи молодая женщина осталась, чтобы задать вопрос, лектор спросила ее, не хочет ли она выпить.

Госпожа Авинцева, которая ходила, прижимая к груди книги и папки, напоминала Марилене ее университетских коллег. Но Вивиана не была преподавателем, хотя и блистала интеллектом.

— Это, — сказала она, кивая на грудку книг, — моя постоянная работа.

«Как чудесно!» — подумала Марилена. Она сама никогда не представляла себе ничего лучшего, чем расширение границ собственных познаний.

Они нашли почти пустое кафе в квартале от автобусной остановки Марилены и сели за крохотный круглый столик. Вивиана не стала тянуть и сразу же начала разговор:

— Вы знаете этимологию вашего имени? Марилена покраснела.

— Горько-светлая, — сказала она.

Вивиана кивнула, не сводя с нее глаз.

Марилена пожала плечами:

— Я никогда не придавала...

— А я придаю! — сказала Вивиана. — Правда. Горький, — медленно произнесла она. — Это слово не обязательно должно иметь негативную коннотацию. Возможно, печаль, немного одиночества. Пустота? Незавершенность?

Марилена слишком быстро потянулась к бокалу и расплескала вино прежде, чем под-

несла его к губам. Сделала слишком большой глоток, промокнула губы салфеткой. Покачала головой:

— Я не ощущаю в себе незавершенности.

Марилена не могла выдержать взгляд старшей собеседницы. Вивиана склонила голову набок и внимательно рассматривала Марилену, улыбаясь, но не открывая губ.

— А это из-за света, — сказала она. — Горечь, что бы она ни влекла за собой, уравновешена.

— Или просто моей покойной матери нравилось это имя, — сказала Марилена. — Она была не из тех, кто вдумывается в смысл имен.

— Но вы не такая.

«Да, — захотелось сказать Марилене. — Да, я думаю обо всем».

Но это выглядело бы хвастовством.

Где европейская сдержанность? Почему русские говорят так прямо? Они не такие грубые, как американцы, конечно же, но дипломатии в них мало. Вопреки себе, Марилена не могла обижаться за это на госпожу Авинцеву. Марилене казалось, что этой женщине она не безразлична, но эта забота одновременно и привлекала, и отталкивала. Она не могла поддерживать русскую в попытке перейти границы ее личного пространства, но не могла и отрицать, что двусмысленность этого внимания странным образом согревала ее.

— Ваш супруг больше не спит с вами, — сказала Вивиана.

Вивиана сказала это так, словно хотела сменить тему, но Марилена все поняла. Это была фланговая атака, попытка пробудить ее горечь. Госпожа Авинцева явно была уверена в тайном значении ее имени. Марилене это показалось совершенно противоречащим здравому смыслу, но ведь именно противоречие здравому смыслу и удерживало Сорина от посещения вечерних собраний.

Марилена покачала головой:

— Он неверующий.

Вивиана улыбнулась.

— Неверующий. — Она прикурила сигарету. — Вы счастливы с ним?

— Да так, ничего.

Женщина подняла брови, и Марилена еле удержалась от того, чтобы позволить себе ослабить защиту.

— У него блистательный интеллект, — добавила Марилена. — Он один из самых начитанных людей, которых я встречала в жизни.

— И поэтому вам «ничего» жить с ним.

Марилена настороженно кивнула:

— Мы прожили вместе восемь лет.

Вивиана отодвинула кресло и закинула ногу за ногу.

— Расскажите, как вы познакомились.

Почему эта настойчивость так двояко влияла на Марилену? Любому другому она ответила бы: «Я не так близко с вами знакома, чтобы рассказывать вам о моей личной жизни». Но, несмотря на такую прямоту вопроса, Марилена ощутила, как ее обволакивает волна заботы, сочувствия, интереса.

Она была одновременно и сбита с толку, и очарована.

Она позволила себе улыбнуться.

— У нас был в некотором роде роман.

— О! — Вивиана подалась вперед и выдохнула дым. — Я должна выслушать все с самого начала. Он был женат?

— Был. Но брак оказался несчастливym. Он даже не носил обручального кольца, хотя белая полоска на пальце еще не загорела.

Ностальгия охватила Марилену, и она вспомнила дни своего доктората в тени тихой яркости странного профессора, влюбленного в классическую литературу. По ее вопросам, ее увлеченности, ее статьям он мог сказать, что она здесь не только для того, чтобы пройти необходимую программу. Он привлекал ее к работе, в то время как остальные студенты были довольны своей ролью слушателей их ежедневного диалога.

— Он был для меня как бог, — сказала Марилена. — Мне казалось, что он знает абсолютно все. Я не могла найти темы, вопроса, аспекта, которых бы он не изучал и не обдумывал. Я внезапно поняла, что такое любовь — не то чтобы я вдруг поверила, что люблю его. Но я всегда с нетерпением ждала его занятий. Я погружалась в работу, чтобы быть к ним готовой. Я всегда жила ради его похвалы, мне всегда хотелось, чтобы он восхитился мной, чтобы счел меня равной себе — не по интеллекту, конечно же, но хотя бы посмотрел на меня как на товарища в поисках знаний.

Наверное, это вино так повлияло на нее, подумала Марилена. Сколько времени прошло с тех пор, как она в последний раз была с кем-нибудь такой откровенной, такой искренней? Да еще с буквально незнакомым человеком. Просто Вивиана Авинцева заставила ее вспомнить Сорина в те дни, когда она была еще очень впечатлительной. Ее тянуло к женщине, которая казалась такой знающей, такой заботливой, готовой открыть совершенно новый мир для новичков. Откуда Вивиана могла знать, кто способен отозваться на то, что лежит вне пределов их обыденности? Кто окажется чутким к правде, которую большинство сочтут грубой и мистической, лежащей вне пределов традиционной академической науки? Что подумали бы коллеги Марилены? Она прекрасно знала что. Они подумали бы точно так же, как сейчас думал о ней Сорин. Его безразличие просто кричало, как и его отсутствие на встречах после всего-то двух недель посещений, и случилось это уже три месяца назад.

— Вы не пытались добиваться его? — сказала Вивиана Авинцева.

— Даже и не думала. Но я тянулась к его интеллекту, это да. Я хотела быть рядом с ним, просто с ним, на его семинаре или как-то еще. Но мне казалось, что это он добивается меня.

— Казалось?

— Так и было. Он спросил меня, не хочу ли я стать его ассистенткой. Я подумала, что он просто оценил мой ум. Ничего более. Он счи-

тал меня ниже себя, но я позволила себе подумать, что он хотя бы оценил мою любознательность и преданность науке.

Казалось, что Вивиана не моргает.

— Вы не привыкли к ухаживаниям.

Тут было нечего возразить. Марилена почти не разговаривала с мужчинами, она не только никогда не заигрывала ни с кем из них, она даже не думала, что на нее могут обратить внимание. И уж точно не доктор Карпати. Даже когда он настоял, чтобы она называла его Сорином. И когда пригласил пообедать с ним. И когда они встречались в нерабочее время.

Даже когда он стал вести себя с ней более свободно, когда обнял ее за плечо, пожал руку, обнял за талию, она смотрела на него как на брата или, вернее, на дядюшку, поскольку он был на десять лет ее старше.

— Но в какой-то момент вы должны были понять, — сказала Вивиана. — Вы вышли за него замуж.

— Когда я впервые приняла его приглашение и зашла к нему домой, туда, где мы теперь живем, — сказала Марилена, — большую часть ночи мы провели в обсуждении великой литературы. Он приготовил ужин — очень дурно, — но я слишком робела, чтобы согласиться, когда он так сказал. Мы посмотрели два фильма, первый был мрачный, заставляющий задуматься. Сорин сидел рядом, опять совершенно по-родственному прислоняясь ко мне. Я была так наивна.

Глаза Вивианы ожили.

— Затем последовал фильм о любви, верно?

Неужели все это так предсказуемо? Или таков дар Вивианы? На встречах она часто демонстрировала свою способность предсказывать будущее, но неужели она так хорошо видела и прошлое?

— И это не была комедия, — сказала Марилена. — Серьезная любовная история, полная страсти и страданий.

— И настоящая.

— Да.

— Расскажите.

— Что?

— Расскажите, как он соблазнил вас.

— Но я не говорила...

— Но ведь он соблазнил вас, Марилена? Я же знаю.

— Он обнял меня за талию, и мы так и сидели, а во время самых эмоциональных сцен он прижимал меня к себе.

— И вы вместе провели ночь, не так ли?

Потрясающе! На самом деле Сорин отправил ее домой за вещами после того, как они занимались любовью.

— Не очень-то благородно с его стороны, — сказала Вивиана. — Немудрено, что такое длилось недолго.

— Но оно продолжалось до последнего времени.

Вивиана покачала головой, не скрывая жалости.

— Вы просто сосуществуете, — сказала она. — И вы это понимаете. Вы скорее брат и

сестра, чем муж и жена. И вместе вы больше не спите.

— У нас только одна постель.

— Вы понимаете, о чем я.

— Но ведь и мне больше не хотелось с ним спать. Правда. Меня привлекал ум Сорина. И до сих пор он меня потрясает. Нет на свете другого человека, с которым мне так хотелось бы беседовать, спорить, обсуждать различные идеи.

— Вы никогда не любили его?

— Я никогда не думала об этом. Соблазнение, как вы это назвали, помогло мне понять, чего я на самом деле хочу. А я хотела быть в кругу блистательного ума. Он тоже никогда не любил меня.

— Откуда вы знаете?

— Он сам мне это сказал. Тем, что никогда не заговаривал о любви.

— Не говорил, что вас любит.

Марилена кивнула, и в душе у нее зародилось какое-то новое чувство. Что такое?

Правда ли она именно такое хотела? Хотела ли она, чтобы Сорин любил ее и говорил ей об этом? Она честно верила, что никогда этого не желала.

— Наверное, я очень неловкая любовница.

— Он утратил к вам интерес?

— В плотском смысле — да, но мы до сих пор проводим много часов за разговорами, чтением и учеными занятиями. До сих пор.

— Но любовь умерла.

— Через пару месяцев после его развода и нашей свадьбы. Это было два года назад, —

сказала Марилена. — За исключением удовлетворения случайных потребностей. — Она подчеркнула это слово так же, как это делал он. — И кто знает, куда или к кому он отправляется сейчас, когда эта потребность наступает?

— Вам все равно?

— Я не задумываюсь об этом. Я вышла за него замуж не ради этого. Я прирожденная ученица и живу с прирожденным учителем. Я не особенно страстная женщина. У меня есть все, что мне нужно и что я хочу.

Когда они вышли на улицу, Вивиана проводила Марилену до автобуса. Она взяла ее за руку.

— Вы ведь лжете, — сказала она, и Марилена впервые с детских дней ощутила укол вины. — Мы ведь почти добрались до источника вашей горечи, верно? До вашего одиночества. Опустошенности. Раны у вас в душе.

Марилена радовалась, что ей приходилось смотреть себе под ноги, чтобы не споткнуться в потемках, а не в глаза Вивиане. Она не смогла бы выдержать взгляда своей новой наставницы. «Моя душа», — думала она. Всего несколько месяцев назад она даже не думала, что у нее есть душа. Душа — это для религиозных людей. Она не была религиозна.

Марилена жаждала, чтобы поскорее пришел автобус и увез ее. Даже изумление Сорина по поводу ее нового увлечения, которое для него «и большинства думающих людей, включая тебя», считалось противоречащим

разуму, было пустяком по сравнению с беспощадной пронизательностью Вивианы.

Они сидела на скамейке на автобусной остановке. Марилена надеялась, что подойдет еще кто-нибудь и прервет их разговор.

— Вы обнаружили в себе нечто, выходящее за рамки того, чему я учу, — сказала Вивиана.

Это было правдой. Беспощадной правдой.

— Вы выбрасывали из головы эту мысль первые несколько раз, когда она начинала беспокоить вас. Вы напоминали себе, что Сорин обсуждал это с вами и отбросил как ненужное. У него уже была семья прежде. Кроме того, его квартирка слишком мала. Вашу работу нельзя прерывать. Так что вопрос даже не рассматривался.

Марилена стиснула зубы. Она не смогла бы этого отрицать, даже если бы захотела. Она высвободила руку и закрыла лицо ладонями. Как давно она плакала в последний раз?

Эта тоска, это смятение, как называла его старшая собеседница, терзали ее до тех пор, пока она не заставила себя выбросить их из головы. «Вопрос не рассматривался» — это еще слабо сказано. Она не хотела бы ребенка от Сорина, особенно такого ребенка, которого не хотел он. И она не хотела обманом зачать от него. И что, после стольких лет попыток смотреть сквозь пальцы, когда он удовлетворял свои «потребности» на стороне, она вдруг снова станет его любовницей, пока не настанет нужный момент?

Дальний шум приближающегося автобуса стал просто избавлением для Марилены. Она встала и начала рыться в своей сумке в поисках проездного.

Вивиана встала перед ней и взяла ее за плечи.

— Мы поговорим на следующей неделе, — сказала она. — Но вот что я вам скажу — у меня есть ответ на ваши проблемы, горькая женщина. У меня есть ваш свет.

Девятилетний Рэйфорд Стил носился по футбольному полю за начальной школой Бельвидера, обходя защиту и ожидая передачи от Бобби Старка. Он пересек поле примерно в двадцати футах от ворот, и хотя подача была сзади, он быстро сориентировался, обернулся, поймал и повел мяч. Обойдя двух защитников, он повел мяч к воротам. Вратарь выскочил перехватить его.

— Давай, Рэй, давай! Отлично!

Это кричал его отец. Снова. Честно говоря, Рэй был бы рад, если бы папаша заткнулся. И без того плохо, что его старик и правда был стариканом. Его родители были старше, чем у всех остальных, а выглядели еще старше. Как-то чужой папаша увидел, как Рэй идет к машине вместе со своим отцом, и сказал:

— Здорово, что твой дедушка пришел посмотреть на игру!

— Дедушка? — сказал Рэй прежде, чем понял, о чем речь. Но тот папашка и отец Рэя нашли это забавным. Рэй же просто залез в отцовскую потрепанную машину и спрятал голову.

Даже ошибки Рэя срабатывали на пользу команде. Он сделал обманный маневр налево, а сам бросился вправо, но вратарь перехватил его. Рэй отступил и поймал мяч, отлетевший от груди вратаря. Поскольку вратарь сейчас был вне ворот и остальные защитники устремились к Рэю, тот спокойно засадил мяч в левый угол ворот.

Он вырвался из рук товарищей по команде, которые пытались поднять его на плечи. Ну почему все ведут себя так по-идиотски? Это же не чемпионат, да и гол уж точно не решающий. Команда Рэя вела теперь со счетом 7:1, да и их противники за весь сезон ни одной игры не выиграли. Тоже мне, великая победа!

Рэй Стил хорошо играл в американский футбол, но эта игра бесила его. Столько усилий ради такого ничтожного результата. Он терпеть не мог смотреть эту игру по телевизору. Вся эта беготня по полю, немыслимое мастерство звезд международного класса обычно приводили к ничьей, которую потом приходилось решать по пенальти.

Он играл только для того, чтобы поддерживать форму для своих любимых видов спорта — футбола, баскетбола и волейбола. Честно говоря, Рэй был более чем просто

хорошим игроком. Он был лучшим игроком лиги, на его счету было больше всего забитых голов, и он считался одним из лучших защитников. Хотя он и был молод, чирлидерши замечали его. Но он не очень умел общаться с девушками. Он не знал, что говорить. Но он признавался, хотя бы самому себе, что популярность — не такая плохая штука. Однако, как правило, она его раздражала.

Рэй был выше остальных ребят. Незаурядность его проявлялась и во многом другом. Он мог обогнать любого сверстника и даже парня постарше, если бежать на длинную дистанцию. Когда команда делала пару кругов по полю, он выбегал вперед и вел всю дистанцию. А когда они заканчивали и все стояли красные, задыхающиеся и переводили дух, согнувшись пополам и упираясь в колени, он быстрее всех восстанавливал дыхание и болтал с тренером. Если бы только тренер не говорил его отцу:

— Ваш сын замечательный спортсмен. Прекрасный.

Во-вторых, Рэй был быстрее всех и на коротких дистанциях. Это было необычным для его возраста и роста. Считалось, что стайеры не должны хорошо бегать короткие дистанции. Ну, что он мог тут сказать? Его отец говорил, что в детстве он сам был куда лучшим спортсменом, но как давно это было?

В-третьих, Рэй был аномален еще потому, что понимал, что значит слово «аномалия». Сколько еще четвероклассников знают это?

Его считали самым умным парнем в классе, и от этого он стал застенчивым, но ему приходилось признавать, что лучше так, чем наоборот. Он не завидовал ни толстому пареньку, ни некрасивой девочке, ни тупице. Ему и так хватало. Самый умный, лучший спортсмен, самый быстрый, самый сообразительный.

Это не отменяло стыда за родителей. И за их машину. Никто так долго не пользовался одной и той же машиной, как отец Рэйфорда. О да, пластик до сих пор сверкал. Так уж была сконструирована эта машина. Машины просто не должны были показывать возраст. Но все знали, сколько лет этой колымаге, поскольку автопроизводители имели теперь только два способа демонстрировать новизну машины — каждые два года меняли дизайн и каждые три-четыре года цвет.

Когда его отец впервые купил желтый «шевроле», тот уже был подержанным.

— Не придирайся к нему, — говорил отец. — Пробег у него небольшой, и я знаю машины. Его хорошо содержали, и он еще много лет пробегает.

Этого Рэй и боялся. Ему казалось, что родители его одноклассников то и дело меняют машины, и ребята постоянно хвастались характеристиками новых моделей. Некогда было время платины и серебра, когда модели делались в классическом стиле первого десятилетия нового века. Затем пошли основные цвета, но это поветрие долго не продержалось — разве что с их «шевроле». Судя по сло-

вам отца Рэя, эта машина будет у них до тех пор, пока отец сможет держать ее на ходу.

Рэйфорд жаждал, чтобы она сгорела или разбилась или чтобы ее угнали. Один раз он сделал большую ошибку, сказав это вслух.

— Ты что, Рэйфорд? — воскликнула его мать. — Зачем ты такое говоришь?

— Да ладно, мам! Все знают, что этому гробу на колесиках уже шесть лет!

— Календарных лет — возможно, — сказал мистер Стил. — Но если я буду содержать ее так же хорошо, как прежние хозяева, то она будет не хуже новенькой.

— Трясется, гроыхает, скрипит, — проворчал Рэй.

— Мотор важнее всего. Для таких, как мы, она очень хороша.

Это была одна из любимых фраз его отца, и поскольку Рэйфорд прекрасно понимал ее значение, то предпочел бы больше никогда в жизни ее не слышать. Он знал, что будет дальше.

— Мы простые трудженники.

Конечно, нет ничего плохого, чтобы зарабатывать себе на жизнь упорным трудом. Рэй и сам упорно трудился, учился, добивался высоких оценок. Он хотел быть первым из всей семьи, кто поступит в институт, а в нынешние времена даже школьные спортсмены должны иметь хорошие оценки. Он был универсален — один из его любимых видов спорта мог помочь ему поступить в институт с естественно-научной направленностью, а

если у него также будет хороший средний балл и резюме первого ученика в классе, то он точно туда попадет. Хотя его и раздражали родители, втайне он хотел, чтобы они гордились им.

— Да, мы простые люди, — сказал он в тот вечер за обеденным столом. Ему все труднее было сдерживаться и молчать. И от этого его родители опять набросились на него.

— И что в этом зазорного? — прорычал его отец.

— Твой отец превратил свой «жестяночный» бизнес в дело, благодаря которому у нас на столе есть еда...

— ... а на мне одежда, я знаю.

— И деньги...

— ...на содержание этого дома, да, я знаю. Я понял, хватит, ладно?

— Не знаю, что нашло на тебя, Рэйфорд, — сказала его мать. — Вдруг мы стали недостаточно хороши для тебя. Что ты о себе возомнил?

Рэй понимал, что должен извиниться. Он чувствовал себя подонком — а он сейчас им и был. Но какой прок быть лучшим парнем во всем четвертом классе, если ты живешь в самом паршивом доме во всей округе? Ему не хотелось мириться с этим. Сейчас начнется вся эта мутотень про то, что за все надо платить, и что его отец не влезает в долги, и, да, мы, может, и живем от получки до получки, но в мире есть много людей, которым еще тяжелее, чем нам.

Рэю хотелось бы увидеть таких людей. Он был во многом впереди всех, но, когда он выходил или садился в машину родителей, ему приходилось прятать глаза, и меньше всего на свете ему хотелось бы пригласить какого-нибудь друга к себе домой. Когда он бывал в гостях в домах у других ребят, он видел, как можно жить.

Когда-нибудь. Когда-нибудь.

— Вы меня простите? — сказал он.

У матери был удивленный вид.

— Правду говоря, я хотела запереть тебя в твоей комнате за то, что ты посмел отгрызнуться на отца, но...

— Ты за меня не заступайся, — сказал отец. — Если он зарвется, то я...

— И что, мам? — сказал Рэй.

— Но я приготовила твой любимый десерт и подумала...

— Лаймовый? Ура!

— Он не заслужил его, — сказал отец.

— ...и подумала, что за такую великолепную игру...

— Потом, — ответил Рэй, бросаясь в свою комнату. Он ждал, что отец окликнет его, попытается вернуть. Когда он взлетел вверх по лестнице и посмотрел сверху вниз на них, он увидел, как его отец и мать качают головами и смотрят друг на друга с таким безнадежным видом, что он чуть было сам назад не побежал.

Почему все должно быть так? Он и правда ощущал себя слишком плохим. Как же больно быть первым и не иметь всего того,

что должно при этом у тебя быть. Что же, если правду говорят, что тяжким трудом и умом можно в этом мире добиться всего, то он добьется успеха.

Учительница Рэйфорда говорила ему, чтобы он не слишком стеснялся из-за того, что выше всех в классе. Это было смешно. Он любил быть выше всех. Но она сказала:

— Это просто слова, остальное ты сам поймешь. В средней школе ты уже не будешь выше всех. Некоторые девочки даже перерастут тебя.

Вряд ли Рэйфорд хотел услышать именно это. Он еще не решил, какой вид спорта станет его входным билетом в колледж, но надеялся, что это будет баскетбол. Он уже понял ошибочность поговорки о том, что белые парни не умеют прыгать. Если он станет и дальше расти, в старших классах будет намного выше шести футов. Ему не обязательно быть самым высоким парнем в команде, но здорово будет, если он окажется среди самых высоких.

Рэй влетел к себе в комнату и захлопнул дверь, словно так можно было отгородиться от приглушенного разговора родителей. Хотя их дом был маленьким и неприглядным, Рэй сумел сделать свою комнату особенной. На нейлоновой леске вдоль всей комнаты под потолком висели модели самолетов, от старых турбовинтовых до крохотных боевых реактивных и громадных сверхзвуковых транспортных.

Когда его спрашивали — в разговоре или просили написать в сочинении, кем бы он хотел стать, когда вырастет, — он всегда отвечал: «Пилотом или спортсменом». Он презирал снисходительные улыбки взрослых, которые лишь заставляли его еще упорнее идти к цели. Рэй достаточно часто слышал, что карьера профессионального спортсмена — в любом из его любимых видов спорта — подобна вспышке молнии. А когда он говорил о своей мечте стать пилотом, его учителя всегда напоминали ему, как усердно ему придется изучать математику и прочие науки.

Он знал. Знал. По крайней мере, авиация не вызывала благосклонных, сочувствующих улыбочек. Его отец сносно разбирался в инженерном деле, промышленности, неплохо умел вычислять. И хотя Рэй прекрасно успевал по всем предметам, получилось так, что математику и естественные науки он любил больше прочих.

Рэй все сделал бы ради осуществления какой-либо своей мечты из этих двух, поскольку любая дала бы ему то, чего он желал на самом деле. Деньги. Это было самым главным. Именно это разделяет людей. Люди на красивых машинах — машинах последней модели — имеют больше денег, чем его отец. Он был в этом уверен. Его отец утверждал, что эти люди, скорее всего, в долгах по уши, и Рэй счел, что иметь небольшой долг, наоборот, не так уж и плохо, если ты берешь в

долг ради того, чтобы люди подумали, будто у тебя есть деньги.

Но он превзойдет всех. Если он не станет профессиональным спортсменом, зашибающим десятки миллионов, он станет летчиком и будет работать на коммерческую компанию и получать миллионы. Он будет выглядеть богатым потому, что на самом деле будет богат, и ради этого ему вовсе не понадобится влезать в долги.

ГЛАВА ВТОРАЯ

Обычно Марилене в автобусе всегда сквизило, но когда он медленно отъехал от тротуара, она расстегнула воротник и распахнула его. Обычно она погружалась в чтение одной из толстых книг в бумажной обложке, что лежали в ее сумке, но сейчас она никак не могла сосредоточиться. Ни на романе на французском языке. Ни на истории венгерской революции XX столетия. Ни на «Короле Лире», который ей так нравилось читать в оригинале.

Она сидела, глядя в окно, мимо которого проплывали темные очертания ночного Бухареста, освещенного на каждом шагу янтарными галогеновыми фонарями. Ее дедушка обычно любил громко разглагольствовать о пустых обещания коммунистов и о том, как ему приходилось идти по два километра в темноте, надеясь, что на улице окажется

хоть один мерцающий фонарь с вакуумной лампой.

— Как и старый Советский Союз, мы были бумажным тигром, которого мир вовсе не боялся. Мы не могли бы даже защищаться. Мы держали палец на кнопке, которая не работала.

Демократия и технологии преобразили Румынию, но Марилена считала себя реликтом. Кроме нее с Сорином, она не знала ни одной семьи, у которых был бы старый телевизор, а не панель на стене. В этом они с мужем тоже были единодушны.

— Это просто инструмент, — сказал Сорин, — а не объект поклонения. И это враг научного процесса.

Их старенький ящик вызывал смех у коллег.

— Знаете, — сказал однажды заместитель декана факультета Сорина Бадуна Марьюс, — мир ушел далеко вперед от вашего голубого экрана.

Марилена тогда устроилась поудобнее, чтобы полюбоваться зрелищем, ибо Сорин начал речь. Замдекана — высокий, эффектный блондин — уверял, что он просто пошутил, но если Сорин вцеплялся в тему, то его страстность не давала ему успокоиться, пока он не выплескивал все. Он вскакивал, жестикулировал, садился, ерошил волосы. Он заливался румянцем, старческие веснушки темнели. Бывали времена, признавалась себе Марилена, когда она сознательно подкалывала его, только чтобы посмотреть, как он загорается.

Ах, Сорин! Какой ум! Какая жажда знаний! Любила ли она его? Да, по-своему любила. Не плотской любовью. Нет, никогда. И она была уверена, что он тоже никогда о ней в этом смысле не думал. Как он мог? Он пользовался ее юношеским стремлением удовлетворять его желания, да, но когда она повзрослела, то, возможно, он стал ее в достаточной мере уважать, чтобы перестать ждать от нее молчаливого согласия. Молодая и неопытная, она, наверное, была неуклюжей. Она никогда не давала ему повода считать себя сексуально привлекательной. Она не ощущала себя таковой, она не рассматривала его в этом аспекте, да и притвориться не могла. В конце концов, она не могла его винить за поиск физической близости — не любви — на стороне.

Они не ссорились на этот счет, не спорили, не ругались, словно вообще не замечали этого. Это было темой, которой они никогда не касались. Странная идея супружеского ложа просто исчезла из их жизни. Она не тосковала. Не так чтобы очень. Она до сих пор любила Сорина — по-сестрински. Он был дорогим другом, блестящим ученым. Она беспокоилась о нем, ухаживала за ним, когда он был болен, и он за ней тоже. Они достаточно неплохо узнали друг друга, живя под одной крышей, так что порой прикасались друг к другу — как друзья. Если она чем-то приятно удивляла его, он был не прочь приобнять ее. Когда ее родители умерли, он даже взял ее лицо в руки и поцеловал в лоб.

В их браке, чуждом условностей, как все браки в современной Румынии, между ними не было ни неприязни, ни желчи. Конечно, они порой действовали друг другу на нервы. Но она знала влюбленные пары с выводком детей, мужей и жен, не стеснявшихся на людях проявлять эмоции, чья бурная жизнь привлекала внимание полиции. Очень хорошо, думала она, что они с Сорином по большей части живут раздельно.

Так что если что и было в рассуждениях Вивианы Авинцевой насчет влияния имени Марилены на ее характер — горечь, опустошенность, одиночество, — то рана в ее душе никак не была связана с Сорином. Разве что если она хотела ее залечить, то логично было бы сделать это с помощью мужа.

Материнский инстинкт настиг ее в самый неудобный момент, когда она как-то днем ехала на автобусе домой из университета. Уже много дней она, к своему удивлению, начала замечать детей, которые кувыркались на детской площадке в парке неподалеку от их квартиры. Странно, подумала она, так много лет она едва замечала их. Теперь она смотрела на них с интересом до тех пор, пока не вышла из автобуса и не направилась к дому через улицу.

Марилене особенно пришлось по сердцу маленькая девчушка, лет пяти-шести. В ней не было ничего особенного, просто она привлекла внимание Марилены. Ей нравились ее улыбка и ее поведение, и она любовалась девочкой каждый день, когда та попадалась ей на глаза.

Затем настал день чуда. Марилена не знала, как еще это можно назвать. Как только она вышла из автобуса, девочка ловко перелезла через чугунное ограждение, отделявшее детскую площадку от оживленной проезжей части.

— Эй, малышка! — крикнула Марилена, когда девочка побежала мимо нее и метнулась прямо под колеса автобуса, который еще не начал движение.

Девочка гналась за чем-то. Мячик? Животное? Она не смотрела ни направо, ни налево. Марилена перехватила взгляд водителя. Он покачал головой, держа ногу на тормозе, когда Марилена выбежала за ребенком на мостовую.

И тут словно из ниоткуда возник черный седан, пересек двойную желтую линию и проехал мимо нескольких машин, заставив остальных съехать на тротуар. Он летел прямо на девочку! Марилена застыла, закричала, но девочка не обращала внимания. Она опустилась на колени посреди улицы, подбирая котенка, который в последний момент врывался у нее из рук.

Машина никоим образом не могла промахнуться. Марилена зажмурилась с искаженным лицом, ожидая скрежета шин и смертельного глухого удара. Но ничего не услышала. Она заставила себя открыть глаза и увидела, что машина наехала прямо на девочку и въехала на единственное оставшееся парковочное место перед ее домом.

Марилена думала, что сейчас из машины выскочит водитель и бросится к девочке, но никто не вышел. К ней бросились несколько пешеходов, Марилена побежала за ними, как только убедилась, что девочка целой и невредимой вернулась в парк. Разгневанные люди окружили машину, заглядывали внутрь. Но машина была пуста. Какой-то мужчина положил ладонь на капот.

— Холодный, — сказал он. — Разве там была не эта машина?

Остальные, включая Марилену, заверили его, что именно так оно и было. Мужчина потрогал шины.

— Холодные, — сказал он.

Для женщины ученой все произошедшее показалось более чем странным. Марилена даже не осмелилась заикнуться Сорину об этом случае. Машина без водителя за рулем дематериализовалась сразу же, как сбила ребенка? Да он рассмеялся бы ей в лицо.

Тем вечером они с Сорином сидели и читали, каждый за своим столом. Оба разрабатывали новые учебные планы на следующий семестр и порой делились своими мыслями друг с другом. Их преподавательская деятельность была так далека от семейной жизни, от детей, которых они могли бы иметь, и все же посреди разговора о списках обязательной литературы на Марилену вдруг накатило.

Ее вдруг охватило такое глубокое и острое желание, что она смогла бы описать его — только себе самой, конечно, — как физическую боль. Она бы вовсе не удиви-

лась, спроси ее Сорин, в чем дело. Как она могла такое скрыть и продолжать разговор, охваченная смятенными мыслями, как в тот самый вечер в автобусе? Казалось, будто само ее существование зависит от объятий, любви, ласк и — если такое возможно — от бесценной привилегии обнимать, любить и ласкать другое существо.

Марилена посмотрела на Сорина по-новому, пусть и мимоходом. Было ли это прозрение? Правда ли она любила его, хотела его, тосковала по нему? Нет. Просто — нет. Перед ней был человек, который, несмотря на свой выдающийся интеллект, ничем другим ее не привлекал. Он сидел, ссутулившись, над своим рабочим столом поздно вечером, читал, писал, думал, обсуждал, все еще одетый в тот же самый костюм и галстук, который весь день носил на работе. Он только ботинки сменил на домашние тапочки, снял пиджак и чуть ослабил узел галстука. Она уже много лет как перестала упрашивать его переодеваться в домашнее.

И у него воняли носки. Да, это мелочь, она понимала. У нее тоже были свои пунктики и тараканы в голове, и среди них не последнее место занимало отсутствие интереса к собственной женственности. Так с чего же ее передернуло внутри так, что она не смогла от этого абстрагироваться? И Марилену настигло мгновенное озарение, хотя она была уверена, что такое никогда прежде не приходило ей на ум. Ей был нужен, отчаянно нужен ребенок.

Они в свое время говорили о детях. Сорин в самом начале их отношений заявил, что больше детей не хочет и надеется, что с ней они больше этого вопроса поднимать не будут. Она заверила его, что не имеет такой склонности и не может представить себя матерью, да еще чтобы добровольно отрывать драгоценное время от научной работы. На том разговор был окончен.

Ее покойная мать, конечно же, не раз поднимала этот вопрос. Но Марилена настолько категорически отказывалась говорить на эту тему, что Сорин вышел из себя и хамски отчитал ее мать.

— Если вы хотите знать мое мнение, — сказал он, — а я уверен, что хотите, то ваша дочь совершенно ясно высказалась по этому вопросу, так что не лезьте не в свое дело.

Марилена, с одной стороны, обиделась за мать, с другой — она была благодарна мужу за поддержку.

Поскольку ее мать давно лежала в могиле, а ее брак превратился в интеллектуальное сосуществование, то что ей теперь было делать с новообретенным чувством?

Сейчас она едва удерживалась от того, чтобы крикнуть:

— Сорин, может, ты передумаешь и, мы заведем ребенка?

Марилена уговаривала себя, что просто переела мамалыги, кукурузной каши, которую она особенно вкусно готовила, это даже Сорин признавал. Прежде, когда она ее переедала, у нее бывали дурные сны, но

никогда это не отражалось на ней во время бодрствования.

Сорин о чем-то спрашивал ее или сделал какое-то предложение по ее конспекту?

— Извини, — сказала она. — Ты не хочешь цуйки?¹

Он поднял брови, словно не понимая, какое отношение это имеет к предмету их разговора.

Сливовый самогон достаточно разогрел ее кровь, чтобы она смогла достигнуть внутреннего равновесия. Марилена сумела сдержать свои порывы и не сказать ничего такого, что могло бы встревожить Сорина. Насколько она понимала процесс развития их взаимоотношений, ее муж всегда избегал настоящего, личного общения — а что может быть более личным, чем это?

В дни, следовавшие за ее прозрением, Марилена успокоилась, ее стремление вроде как угасло. Но оно то и дело снова стучалось ей в душу, причем в самые неподходящие моменты. Во время уборки квартиры, во время обеда с Сорином, просто во время чтения. Самым тревожным было то, что с каждым разом, неуклонно, желание иметь ребенка, чтобы любить его и чтобы он любил ее, становилось все сильнее. Марилена начинала изобретать способы борьбы с этим чувством. Она прибегала к внутреннему диалогу, разговору с собой, как называли это ее друзья с факультета психологии. Она ругала

¹ Сливовая водка (рум.).

себя, говорила, что она эгоистка, ведет себя как ребенок, не замечает реальности. Она спрашивала себя — да кто ты такая, и приказывала себе быть практичной.

Обычно такая тактика срабатывала только на какое-то время. Когда Марилена начала думать, что все кончилось, умудряясь каким-то образом задавить в себе это чувство, она понимала, что ни в ее жизни, ни в жизни Сорина, ни в их квартире нет места для ребенка, особенно новорожденного. Это просто невозможно.

В течение многих недель, даже месяцев Марилена все больше укреплялась в решимости противостоять этому чувству. Она поверила, что научилась замечать моменты, когда природа готова была нанести удар, и сразу же начинала говорить сама с собой.

— И не пытайся, — говорила она себе. — Этого не будет никогда. Точка.

Однако вскоре мысли о младенце начали преследовать ее постоянно. Нет, вовсе не похоже, чтобы ей удалось найти способ сохранить здравый смысл. Скорее, она оказалась перед фактом, что эта попытка будет длиться вечно. Есть ли у нее выбор? Если ли путь каким-то другим образом удовлетворить этот инстинкт? Может, ей взять опеку над сиротой, перечислять деньги в детский фонд?

Марилена никогда не списывала свое состояние на депрессию — слишком уж простой диагноз. Она всегда справлялась с дурным настроением, все более погружаясь в чтение, научную деятельность и препода-

вание. Коллеги ругали ее за то, что она принимает клиническую депрессию за простую хандру, справедливо намекая, что человек с ее интеллектом должен бы лучше разбираться в себе.

Но депрессия одолевала ее, и она это понимала. Она не желала искать утешения или лечения. Это не поможет. Ее желание иметь ребенка стало частью ее существа, а осознание невозможности погружало ее в отчаяние.

По иронии судьбы именно этот самый парадокс подогревал ее интерес к новому увлечению. Она видела рекламу в академических журналах и даже во многих местных газетах. «Ищите чего-то большего за пределами обыденной жизни? Приходите — и мы вас удивим!» Она видела постеры на стенах возле аудиторий факультета точно с такими же слоганами, но обращала на них внимание не больше, чем на слова своих коллег.

Марилена могла бы назвать себя гуманисткой. Она не отрицала возможности существования высшего существа, так что скорее была агностиком, чем атеисткой. Так что поиск ответа на вопрос — есть ли что-то за пределами жизни, всегда был ей весьма интересен.

Марилена также всегда полагалась на собственное суждение, стремилась сама во всем разобраться, и ей, в отличие от большинства ее приятельниц, не нужен был напарник на новом поприще. Да, приятнее, когда к ней на выставке или на лекции при-

соединялся Сорин или кто-то из коллег, но она была не прочь пойти и в одиночку.

Ее любопытство к вечерним встречам по вторникам в библиотеке подогревалось отчаянной необходимостью отвлечься от того, что она считала мифом, — от тиканья собственных биологических часов. Материнство было для нее такой чуждой идеей, что она даже и думала о нем, пока не накатило.

Почему-то она не могла себе представить возможности удовлетворять свое любопытство на этих встречах в одиночку, потому попросила Сорина пойти с ней. Он взял рекламку пальцами и прочел ее вслух.

— Ну, Марилена, право слово, — сказал он, и она съежилась. Он бросил ей рекламку обратно.

В начале их совместной жизни она бы легко сдалась, устыдившись. Но это время прошло.

— Мне бы действительно было приятно, если бы ты пошел со мной, — сказала она.

— Но зачем? Ты представляешь, что там будет? Да уж, действительно нечто «запретное».

— А что? Что ты об этом думаешь, Сорин?

— Если не религиозная пропаганда, то какой-нибудь спиритизм. Это две стороны одной и той же грошовой монетки.

— А ты никогда не принимал в расчет идеи, что действительно может быть что-то за пределами обыденной жизни?

Он поджал губы.

— Нет, и ты тоже. А теперь избавь меня от этой чуши.

И она отстала от него — на время. Но чувство обиды все усиливалось. Она дома почти не разговаривала, отвечала ему односложно. Он не мог не понимать, что что-то происходит, но ему явно было все равно. Возможно, говорила она себе, если бы они были обычной парой, он ощутил бы напряжение. Но поскольку из супругов они давно стали коллегами, которые просто жили в одной и той же квартире, то с чего его должно трогать ее беспокойство?

Обычно они по очереди занимались домашним хозяйством. Один из них готовил ужин на двоих. На следующий вечер — другой. Так было до тех пор, пока она совсем не перестала обращать на него внимание, готовя только на себя, заворачивая только один завтрак и вымывая только одну тарелку. И вот тогда он заметил, что с ней что-то не так.

— Ты сама не своя, — сказал он. — В чем дело?

Она ощущала себя мелочной, ничего не ответив ему и давая понять, что если он сам не додумывается, то ей незачем с ним говорить. Это было так по-детски, так типично. Она считала, что стоит выше такой тактики. Но это срабатывало. Наконец, он сказал:

— Марилена, с тобой рядом неприятно находиться. Значит, один из нас должен уйти.

Пусть Сорин режет по живому. Марилена была поражена собственным отворачиванием к этой мысли. Чем бы они ни были друг

для друга, она не могла представить жизнь без него. Она не хотела уходить и уж точно не хотела, чтобы ушел он.

— Возможно, — неожиданно для себя самой сказала она. Это был только маневр, но она отчаянно хотела, чтобы он не среагировал. А если все же так выйдет, то во что это выльется? Он не оставит квартиру, которой владел с тех пор, как его первая жена выставила его из их общего дома много лет назад. Неужели он выгонит Марилену?

К ее облегчению, он не стал больше заводить об этом разговора и поднял эту тему только спустя несколько дней, когда она окончательно довела его своим ядовитым безразличием.

— Марилена, ты хочешь покинуть меня?

— Интеллектуально или физически?

— Не надо играть словами, дорогая. Мы оба знаем, что ты уже давно эмоционально опустошена. Чего ты хочешь?

— Ты знаешь.

— Нет! — И по его виду было понятно, что он действительно не знает. Слишком много времени прошло после ее первой просьбы. — Скажи!

— Я хочу, чтобы ты пошел со мной и посмотрел, что будут говорить на этих вечерних собраниях по вторникам.

Он встал.

— И все? И из-за этого ты устраивала весь этот фарс в течение нескольких недель? Лучше скажи, что ведь тебя не только это мучает.

— Нет.

— Это же глупо.

Она не могла с этим не согласиться. Это ведь такая мелочь. И все же это была такая простая просьба. Почему бы ему хоть раз не угодить ей, не нарушить собственные правила?

Теперь он молчал, явно разозленный. Он вроде бы готов был продолжить спор, затем отбросил эту мысль и вернулся к работе. Наконец, видимо, не способный сосредоточиться, он сказал:

— Если ты однажды найдешь что-нибудь действительно стоящее беспокойства, то да поможет нам небо.

— Если это так просто, Сорин, то ведь и лекарство простое. Не отмахивайся от моих чувств. Я хочу, чтобы ты пошел со мной на часовую встречу во вторник вечером. Неужели это так много?

— Не в этом дело, — сказал он. — Просто я заранее знаю, что будет на этой встрече. Это оскорбит мой здравый смысл, надеюсь, твой тоже.

— Возможно. Конечно, ты прав. Но развлеки меня. Я не хочу идти одна.

— Значит, если я один раз пойду с тобой, ты обещаешь вернуться в рамки корректного поведения?

— Два раза.

— Два раза? А что, если после первой же встречи тебе станет противно?

— Тогда ты свободен.

— Дважды. Если я провожу тебя дважды...

— Я не прошу большего.

* * *

Рэя пригласили в дом Бобби Старка в пятницу на ужин — и на всю ночь. Затем, в субботу, он поедет с Бобби и его родителями на футбольный матч.

Рэй не мог дождаться вечера. Он целый день поглядывал на часы на стене в классе, особенно после того, как Бобби за ланчем и на переменах придумывал, что они будут делать вечером.

— Мама приготовит здоровский ужин, затем поиграем в лазерный хоккей, погоняем какие-нибудь игры, посмотрим киношки, да что угодно!

Бобби одевался как сын богатых родителей, так что Рэй полагал, что у него крутой дом. Он не разочаровался. Это был, конечно, не дворец, не такой дом, который когда-нибудь будет у Рэя, когда тот станет профессиональным спортсменом или летчиком, но Рэй был уверен, что его дом в будущем окажется не хуже.

У Бобби было две младших сестры, которые пытались во все встравать, но, как только Рэй обращал на них внимание, они краснели, хихикали и с визгом убегали. Бобби же просто рывкал на них и ругался, пока мать не велела им оставить мальчиков в покое.

За ужином мистер Старк спросил Рэя, не хочет ли они благословить пищу.

— Что сделать?

— Благословить, сынок. Поблагодарить. Ты же христианин, не так ли? Ты в церковь-то ходишь?

— Конечно. Каждое воскресенье. Вы хотите знать, молюсь ли я?

— Именно.

— Ну, в общем, да. — Рэй склонил голову и закрыл глаза, сложив ладони.

— Господь велик, Господь добр. Мы благодарим Его за нашу пищу. Аминь.

Маленькие сестренки Бобби рассмеялись, а Бобби не мог сдержать хохот, даже зажимая рот ладонью.

— Это так ты молишься? — сказал он.

— Роберт! — одернула его мать.

— Извини.

— Да, так молюсь, а в чем дело?

— Так ты благодаришь за пищу?

— Да, а что?

Мистер Старк прокашлялся.

— А твой отец, Рэймонд?

— Я Рэйфорд.

— Извини. Так твой отец молится? То есть я хотел сказать, что это очень любопытно. Это детская молитва. То есть ты еще ребенок, но станешь взрослым.

Рэю хотелось, чтобы этот разговор побыстрее закончился. Что за чертовщина случилась с этими людьми?

— Вы хотите, чтобы я молился, как мой отец? Можно.

Мистер Старк поставил миску, которую собирался передавать по кругу.

— Да, это было бы хорошо.

Все снова закрыли глаза.

— За пищу, которую мы собираемся принять, — сказал Рэй, — искренне благодарим. Аминь.

— Аминь, — хором ответил девушки.

Рэю снова показалось, что Бобби и его родители изумлены, но решили больше не смущать его. Нет, он точно не даст уговорить себя произнести молитву за завтраком. Впервые, он знал только две молитвы, вторая звучала так: «Отходя ко сну, прошу тебя, Господи, сохранить душу мою. Если я умру до того, как проснусь, молю Тебя принять мою душу». Он даже не представлял, как они на это отреагируют.

Бобби, как ему показалось, спокойно изучал его тем вечером, и Рэй надеялся, что сегодня они не будут говорить ни о чем серьезном. Но ему не повезло. Когда они сели за клавиатуру и приготовились играть, Бобби сказал:

— Вы так молитесь у себя дома, да?

Рэй пожал плечами:

— Мы мало молимся. Только перед едой и перед сном.

— Правда?

— Да.

— А стихами не молитесь?

Рэй вздохнул.

— Так мы что, должны молиться как пастор?

— Кстати, в какую церковь ты ходишь? — спросил Бобби.

— В центральную.

— В ту большую, в центре города? Они верят в Иисуса?

— Да, конечно. А ты что подумал?

— Не знаю. В некоторых церквях не верят.

— Наверное, это синагоги, — сказал Рэйфорда.

— А ты, Рэй? Ты-то в Иисуса веришь?

— Я уже сказал! Я хожу в центральную церковь каждое воскресенье!

— Значит, Иисус у тебя в сердце?

Рэю просто хотелось поиграть. Так к чему эти вопросы?

— В сердце? А как это?

— Ты давно ходишь в церковь?

Рэй отодвинулся от клавиатуры и сел на диван.

— Мой отец всю жизнь ходит в центральную церковь. Он по-настоящему верует.

— А твоя мама?

— Она выросла в Мичигане, но она тоже верующая.

— Они христиане?

Рэй покачал головой. В школе Бобби так не приставал.

— Конечно. Ты нас евреями, что ли, считаешь?

— Да нет, ты вроде и не иудей, и не христианин.

— А кто же я?

— Просто надо иметь Иисуса в сердце. Вот в этом дело, Рэй.

Рэй снова взялся за клавиатуру, надеясь, что Бобби сменит тему.

— Так как, Рэй?

— Что?

— У тебя в сердце есть Иисус?

— Слушай, Бобби, я ходил в центральную церковь с самого рождения и никогда не слышал об Иисусе в сердце. Но там повсюду его изображения, даже на окнах, и насчет него говорит пастор. Если мы не говорим о нем так, как ты, это не значит, что мы нерелигиозные.

— Да дело не в религии, — сказал Бобби, словно учитель в воскресной школе. — Дело в том, чтобы быть истинным христианином.

— Ну а я что — нет?

— Нет, если у тебя нет в сердце Иисуса.

Рэй рассвирипел:

— А если нет, то что?

— Тогда ты попадешь в ад.

— Что?!

— Так говорит Библия. Ты должен сказать Господу, что ты признаешь, что ты грешник, и...

— Я не грешник!

— В вашей церкви не учат, что все грешники?

— Нет!

— Но ведь так написано в Библии. Там говорится, что все грешники.

— Могу поспорить, что моя мама не грешница.

— Могу поспорить, что грешница.

— Бобби, ты не знаешь, о чем ты говоришь. Я не понимаю всего, чему учат в нашей церкви, но мы верим в то, что все в душе

своей хорошие люди. Мы стараемся все время делать добрые дела, то, чего от нас хочет Бог.

Бобби качал головой.

Рэю хотелось задеть его.

«Значит, смотришь на меня сверху вниз, да? А ведь ты совсем не такой умный, как я».

— Ну? — спросил Рэй.

— В вашей церкви говорят, что все люди в душе хорошие?

— Не знаю, Бобби. Ладно, давай уж что-нибудь делать.

— Я не хочу, чтобы ты попал в ад, только и всего.

— Не беспокойся.

— Значит, ты не грешник? Ты не грешишь? Я вот слышал, как ты ругаешься.

Рэй вытянулся на диване, сцепив руки за головой. Ночь обещала быть долгой.

— Ну да, ладно, я ругаюсь. И что, Бог пошлет меня за это в ад? Тогда там со мной много народу окажется.

— Ты злишься.

— Как и все. Обычно я злюсь на себя, когда проваливаю игру. А сейчас я злюсь на тебя, потому что ты со всем этим ко мне пристаешь.

Честно говоря, он был больше обижен, чем раздосадован.

— Ты грешен с самого рождения.

Рэй сел, гневно глядя на Бобби.

— И откуда ты это взял?

— Из Библии. Все мы таковы.

— Ты опять про Библию! Слушай, ты что, решил стать священником, когда вырастешь? Миссионером? Или кем?

— Чем Господь захочет.

— И когда Он тебе про это скажет?

— Никто не знает. Я просто буду слушать.

— Знаешь, как ты по-идиотски выглядишь?

— Послушай себя, Рэй. Ты даже и не думаешь о том, что ты грешник.

— На свете есть люди куда хуже меня. Но я же не считаю тебя одним из них.

— Я такой же, как все, — сказал Бобби. — Я рожден в грехе. Мне нужно, чтобы меня простили. Я дурно веду себя по отношению к сестрам, ругаюсь с родителями...

— Значит, и ты идешь по дороге в ад?

— Шел. Пока не принял Иисуса в сердце.

— И с тех пор ты не грешил?

— Конечно, грешил и грешу. Но я спасен милостью Господней. Иисус умер...

— Слушай. А мы не могли бы поговорить об этом в другой раз, Бобби? Ну, честное слово, ты ходишь в какую-то очень странную церковь.

— Нет, там здорово. Тебе надо разок туда прийти. Как думаешь, твои родители тебя отпустят? Может, сходим послезавтра?

«Да никогда и ни за что!»

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Сколько бы Марилена ни повторяла себе, что она взрослая зрелая женщина, современная женщина, она никак не могла отделаться от разочарований и подозрений, когда побрела от автобуса к своему дому и увидела, что в окнах их квартиры не горит свет. Значит, там никого нет. Сорин обычно засиживался за чтением до полуночи. А сейчас еще не были и десяти.

Значит, он снова воспользовался ее отсутствием для удовлетворения своих потребностей.

«А чего ты ожидала? Все верно, все правильно. Альтернатива еще хуже».

Марилена даже не стала убеждать себя подниматься по лестнице, а не в лифте. Она знала, что подниматься по лестнице для нее полезнее, но на душе у нее было настолько тяжело, что даже тело стало весить боль-

ше. Когда она, наконец, вошла в квартиру, она захлопнула дверь, не запирая ее, зная, что Сорин скоро вернется. Не зажигая света, она плюхнулась в свое любимое мягкое кресло и вдохнула застойный, болезненный запах любимого вишневого трубочного табака ее мужа.

Марилене немного недоставало его. Это не была любовь. Скорее, привычка. Она хотела, чтобы он был дома. Это правда. Ее не оскорбляло то, где он сейчас может быть, что он может делать и с кем. Она просто будет сидеть в темноте, взопревшая после прогулки от автобусной остановки, вспоминая, как она впервые увидела Вивиану Авинцеву.

Сначала она обиделась, когда Сорин в тот вторник вернулся из университета поздно. Поскольку ее последнее занятие окончилось в полдень, она бросилась домой, чтобы приготовить его любимую еду. Она пропустила через мясорубку свинину и говядину и сделала из них митители. Марилена знала, что ему не надо будет напоминать — еще раз — об их договоре на нынешний вечер, но он обязательно заметит, что она очень старается ему угодить. Когда он приехал домой, она взяла у него тяжелую кожаную сумку с книгами, чтобы он мог втащить в квартиру велосипед.

— У меня есть время переодеться к обеду? — спросил он. — У меня сегодня вечером много работы.

Переодеться? Он никогда не переодевался. А сегодня, в тот самый вечер, когда он обещал пойти с ней, он вдруг решил переодеться?

И что за работа? У него всегда была работа. Но Сорин был из тех, кто никогда не готовится наспех и не торопится. Как правило, он сиделся читать статью, затем скромно обедал, потом еще несколько часов работал, затем смотрел международный обзор новостей, а затем читал перед тем, как лечь спать.

Из его расписания можно было выкроить пару часов для их нынешнего вечера.

Марилена кивнула.

— У тебя есть время, — без обиняков сказала она.

Она не могла заставить его идти с ней. Если ей придется пойти одной, она пойдет. Но не в его духе было нарушать слово. Она еле удержалась от того, чтобы спросить: «Ты ведь не забыл?»

Но и забывать обещанное было не в обычае Сорина. Забывчивый профессор — не его типаж. Значит, оставалась только одна вероятность. Марилена не желала испытывать судьбу. Сорин просто играл с ней. Его пассивно-агрессивное поведение бесило ее, но он так умно повел атаку, что она не осмелилась наброситься на него. Он всегда оставлял себе степень свободы, чтобы обратить ситуацию против нее.

Он остановился перед своим огромным книжным шкафом и стал искать толстый справочник — видимо, пустой разговор с ней ему надоел — и вышел к столу во фланелевом халате, шлепанцах, в которых она всегда хотела его видеть за работой вечером. Но если она напомнит ему, что надо пере-

одеться, что он обещал сегодня с ней пойти, он скажет: «Конечно. С чего ты взяла, что я забыл?»

И опять она будет виновата. Она должна почувствовать себя ничтожеством, параноиком, занудой. Но сегодня вечером она одолела его. Когда они сели за стол, она увидела его ошеломленные глаза. Обычно хорошо воспитанный, он немедленно схватил блюдо с мясными шариками и положил себе большую порцию. Шумно вдохнул запах.

— Ты замечательно их готовишь! — сказал он. — Ты могла бы стать для кого-нибудь отличной домохозяйкой.

Это была шутка. Ей она смешной не показалась.

— Зачем мне быть домохозяйкой, когда я могу быть твоей служанкой?

Он рассмеялся:

— Укусила.

Сорин ужинал с таким удовольствием, что ее раздражение стало угасать. Однако оно вернулось, когда он закончил, мимоходом поблагодарил ее, вытер рот и руки и сразу же вернулся за стол. Обычно готовил один, а убирал другой, но все домашние хлопоты нынешним вечером явно предназначались ей одной. Она гремела тарелками, надеясь нарушить его сосредоточенность, понимая, что он испытывает ее на прочность.

Ее собственный стол и кресло стояли у него на виду, так что, когда уже почти настало время идти на автобус, она села прямо перед ним, полностью одетая, в пальто

и с сумкой на коленях. Сорин читал и делал пометки, будто ее вообще не существовало. Марилене хотелось побарабанить пальцами, топнуть ногой, крикнуть, но она не стала. Она решила выйти, как только на часах будет четверть седьмого, хлопнуть дверью и не разговаривать с Сорином много недель.

За пару минут до срока она начала часто дышать. Стиснула зубы. Сорин вдруг встал и вошел в спальную. Когда она уже была готова выходить, он появился полностью одетый и с книгой.

— Нам пора идти, — сказал он. — Ты же не хочешь опоздать.

От нее не ускользнуло, что он подчеркнул, что именно она не желает опоздать, но Марилена была так рада, что он все-таки идет с ней, что забыла о своем раздражении.

* * *

— Значит, ты хочешь стать летчиком, Рэй? — спросил мистер Старк по дороге на футбольный матч следующим утром.

— Да, сэр. Если у меня не получится стать профессиональным спортсменом.

— Ну, знаешь ли, вероятность того, что ты станешь летчиком, куда больше, чем...

— Я знаю.

— Твой папа когда-нибудь возил тебя в аэропорт О'Хара, чтобы посмотреть на самолеты или даже полетать?

— Конечно. Мне понравилось.

— Молодец! Ты сможешь служить Господу, если пойдешь в эту профессию. Тебе не нужно полностью отдавать себя служению, как, наверное, будет с Бобби.

«Служить Господу?»

У Рэйфорда это не укладывалось в голове. Господу ведь не нужно, чтобы кто-то возил Его куда-нибудь на самолете. И что такое полное служение? Это означало только одно — Бобби станет пастором или миссионером, и раз мистер Старк сказал, что Рэй не обязан, значит, тут все ясно.

Одна из младших сестренок Бобби сказала:

— А мы будем хирургами-кардиологами.

— Ты не будешь, — сказал Бобби.

— Буду.

— Ты даже не знаешь, что это такое, — сказал он. — Тебе просто слово нравится.

— Я знаю, что это такое. Это нейрохирургия!

— Нет.

— Да!

Рэй не мог дождаться, когда они приедут на матч и когда он наконец отделается от этой семейки.

* * *

Марилена не стала бы вслух винить Сорина, но она была уверена, что он насмехает-

ся над ее глупостью. В автобусе она заметила, что книга, которую он взял с собой, была немецким переводом «Последствий гуманистического манифеста».

Она понятия не имела, что они увидят в библиотеке, но был шанс, что этот самый гуманизм полетит кому-то в физиономию. Впечатление было такое, что Сорин намерен показать всем, особенно лектору, что именно он читает. Будет ли он вступать в спор или дискуссию — зависело от его настроения. Марилена боялась, что ему нужен только повод для драки. Ей-то было просто любопытно, но прежде всего, напомнила она себе, она пыталась отвлечься от желания завести ребенка, которым теперь была пронизана вся ее жизнь.

Марилена никогда не пыталась командовать Сорином, но, как только они оказались в вестибюле библиотеки, она пожалела, что не является его матерью. Она позволила кому-то снять с себя пальто. Он не стал снимать пальто, несмотря на жару в комнате, словно был готов уйти при малейшей возможности. Она понимала, что он, наверное, так же смущен, как и она от преувеличенной приветливости собравшихся, от их улыбок и рукопожатий. Они же просто хотели незаметно прийти, сесть в задних рядах и посмотреть, о чем тут пойдет речь.

И естественно, Сорин даже не попытался спрятать свою книгу.

Марилена не была уверена в смысле происходящего, но ровно за тридцать секунд до

семи часов все словно бы инстинктивно расселись по местам и замолчали. Она пыталась угадать, кто тут главный, но вскоре стало понятно, что этого человека не было среди встречавших. Как только длинная стрелка встала на двенадцать, в комнату вошла невысокая, изящно одетая женщина, словно бы собранная из деталей примерно пятидесятилетней давности.

Ей на вид было около тридцати пяти лет, но она была одета и вела себя так, будто намного старше. Она несла кипу папок и книг. Она носила строгие черные полуботинки на низком каблуке, чулки «паутинка» — таких Марилена с детства не видела, — бледно-голубой костюм с юбкой до середины икр, белую блузку с кружевным оборчатým воротником, простую, но дорогую брошь. Волосы с сильной проседью были начесаны и сбрызнуты лаком. Марилена видела такую прическу только в книгах по истории.

Женщина представилась как Вивиана Авинцева. У нее был приятный спокойный голос, произношение было правильным и четким, каждый слог был понятен.

— Нас становится больше с каждой неделей, — сказала она с улыбкой. — Рада всех вас приветствовать, в особенности новоприбывших.

С этими словами она решительно посмотрела в глаза как минимум шести людям, словно чтобы подтвердить, что она отметила присутствие каждого из тех, кого не видела раньше.

Марилена ответила ей улыбкой, затем Вивиана посмотрела на Сорина, Марилена тоже. Она страшно обиделась, увидев, что он прикрывает рот рукой, словно пытаясь подавить смех.

Вивиана вернулась к первому из новичков.

— Пожалуйста, назовите себя и скажите, зачем вы сюда пришли.

Большинство отвечали, что слышали интересные вещи об этих встречах, некоторые сказали, что им любопытно и что у них нет предубеждения по поводу идеи о существовании чего-то, кроме обыденного бытия.

Когда настала очередь Марилены, она сказала:

— Мне просто любопытно, и я люблю учиться.

— Отлично, — сказала Вивиана. — А вы, сударь?

Сорин отнял руку ото рта и широко улыбнулся.

— Сорин Карпати. Меня сюда притащила жена, которая любопытна и любит учиться.

Это вызвало смех, причем более громкий, чем заслуживали эти слова, как показалось Марилене.

— А вы, Сорин, — сказала Вивиана, — вы сами тоже любопытны и любите учиться?

— Честно говоря, — сказал он, — я, скорее, всезнайка, который сам любит учить.

Это искренне развеселило госпожу Авинцеву.

— Вы преподаете?

— Я заведующий кафедрой классической литературы румынского университета.

— Замечательно! Могу ли я предположить, что вы тоже человек, свободный от предрассудков?

— Я хотел бы так сказать, — ответил он. — Но подозреваю, что сегодня вечером мне предстоит пройти настоящее испытание. Ваша реклама обещала мне нечто изумительное, не так ли?

* * *

Игра оказалась гораздо большим испытанием для Рэя и его команды, чем обычно. Но он опять забил больше всех голов, и они выиграли. И снова выкрики отца раздражали Рэя.

Когда они сидели в машине, Рэй спросил:

— Мы ведь христиане, правда?

— Конечно, — ответила его мать. — А почему ты спрашиваешь?

Он передал ей то, что говорил Бобби.

— Они фундаменталисты, — заключил его отец.

— Фунда... что?

— Святоши. Меня не удивило, если бы они при этом еще и фокусы показывали.

— Ты о чем, пап?

— Некоторые люди и некоторые общины принимают все немножко слишком близко к сердцу. Они воспринимают каждое слово в

Библии буквально, верят, что Иисус может проникнуть внутрь тебя, что ты должен купаться в Его крови. Если в Библии говорится, что ты можешь держать ядовитую змею, если веришь в Господа, то они сделают это, чтобы доказать свою правоту.

— Мне не кажется, что семья Бобби такая.

— Может, и не такая, но ты держись от них подальше. Эти люди думают, что у них одних есть прямая дорожка к истине.

Слова отца для Рэя имели не больше смысла, чем все то, что наговорил Бобби.

Вивиана Авинцева попросила всех склонить головы и держать руки раскрытыми ладонями вверх.

— После короткого молчания я начну молитву.

Марилена хотела бросить украдкой взгляд на мужа, но решила подождать, пока госпожа Авинцева не начнет молитву, чтобы быть уверенной, что та не заметит. Сорин не был из тех, кто делает то, что ему говорят, и она не могла представить себе, что он хоть в чем-то послушается Вивиану, куда уж говорить обо всем.

— Ищите мир в себе, — напевно произнесла она. — Центр, фокус, отвлекитесь от всех мирских забот.

Марилена пыталась это сделать. Что бы там ни было, это могло стать ее спасением от мучительных желаний, таких страстных, что сейчас она сама была этим желанием. Может, она найдет какой-нибудь способ направить эту энергию в какое-то новое русло, другое, как-то сумеет освободиться от мучительного желания держать в объятиях дитя? Однажды одна подруга сказала ей, что, когда она не видит своего сына дольше половины дня, у нее в буквальном смысле начинают болеть руки и эта боль не успокаивается, пока она не обнимет своего ребенка.

Марилена тогда скрыла свое изумление, но теперь она понимала ее. Она это знала. Она смотрела на чужих детишек и думала, что скажут или подумают их родители, если она попросит подержать на руках ребеночка. Она могла скрывать свои эмоции, но порой ее просто трясло от желания обнять дитя. Как будто какая-то посторонняя сила вселила в нее это желание. Марилена не накручивала себя нарочно, но сейчас это желание овладело ей, и она не была уверена, что долго выдержит, если оно не исполнится.

— А теперь, — говорила Вивиана, — я прошу всех благосклонных и дружественных представителей мира духов почтить нас своим присутствием. Я отвергаю духов злых и враждебных. А тому одному и единственному олицетворению красоты, славы, могущества и силы я предлагаю себя в качестве медиума, сосуда для всех его посланий

к вам нынешним вечером. Приди, ярчайшая звезда.

Что-то шевельнулось в душе Марилены. Молитва к кому-то в великом «вне» была чем-то совершенно новым для нее, но, возможно, она чересчур вышла за рамки привычного академического существования. Даже если все это пустышка, то беды-то от этого ей не будет. Она глянула на Сорина, не удивившись, что он смотрит с усмешкой на странную молящуюся женщину. Он наверняка поблагодарит Марилену за вечернее развлечение.

Она знала, что Сорин предпочел бы сесть где-нибудь в укромном уголке, где он мог бы почитать. Но они сидели в самой середине, и даже он не мог вести себя настолько грубо. Вивиана села за стол, тщательно выбрала несколько листов из разных папок и разложила перед собой. Она выпрямилась в кресле и сложила пальцы домиком.

— Прежде чем я открою прошлое и будущее, я передам вам послание, которое было мне дано для вас. Не надо его записывать. Вы и так его запомните. Готовы? Теперь слушайте внимательно...

Она закрыла глаза и наклонила голову. Затем начала ее поднимать, пока не запрокинула лицо к потолку.

— Мятаж — дверь к счастью.

Марилена искоса глянула на мужа и повторила эти слова в уме. Некоторые произносили их себе под нос или фыркали, словно пораженные их трюизмом.

Вивиана повторила эти слова, опустила голову, улыбнулась и открыла глаза, чтобы окинуть взглядом комнату.

«Счастье? — подумала Марилена. — Кому нужна дверь к счастью? Скорее, к довольству. Комфарту. Миру. Но к счастью?»

Это поразило ее своей пустотой. Чтение, учение, дискуссия, обсуждение — это приводит к какому-то результату, к какой-то цели.

А мятеж? Мятеж против чего? Условно-стей? Установленного порядка?

Внезапно Вивиана встала и подошла к краю стола. Глаза ее были ясны и пронзительны.

Марилена ощутила, как напряглись люди, как выпрямились, словно чего-то ждали. Женщина чуть расставила ноги, словно чтобы встать поустойчивее. Она подняла руки ладонями кверху, закрыла глаза, запрокинула голову.

Вивиана заговорила еле слышно, словно выдыхая слова.

— На этой неделе кто-то из вас позволил себе поверить в существование мира на ином плане бытия, — сказала она.

— Это я, — слышался нервный голос мужчины в черном.

Марилена хотела было обернуться, но взяла себя в руки. Краем глаза она увидела, что Сорин качает головой, прикрывая рот в приступе веселья, как ей показалось.

— Дух побуждает вас верить, — сказала Вивиана. — Верьте всем своим сердцем и душой, но не поддавайтесь соблазну судить

о силах иного мира на основе мифологических преданий.

— Я не понимаю, — с трудом выдавил мужчина.

Вивиана, все еще обращая лицо к потолку, подняла руку еще выше.

— Помните, что путь к счастью — мятеж. Мятежники, даже в великом мире за гранью бытия, часто оказываются правыми.

— М-м-м, — протянул кто-то.

— Уф-уф, — выдохнул другой.

Вивиана прижала пальцы к вискам, затем опустила голову и закрыла лицо руками. Казалось, она вот-вот упадет в обморок.

Марилена ощутила, что во всей комнате воцарилось напряженное ожидание. Шарлатанка ли госпожа Авинцева? Это фокус какой-то? Или она и правда принимает какое-то сообщение?

— Кто-то здесь мешает общению, — сказала Вивиана, и Марилена невольно почувствовала вину. — Скептицизм, неверие, насмешка. Это мешает.

«Но я хочу верить, — подумала Марилена. — Но для меня все это так чуждо».

Вивиана каким-то образом узнала, что кто-то присоединился к рядам поверивших. Есть ли в этом действительно нечто такое, или Марилена просто попала на трюк?

— Подождите, — сказала Вивиана. — Не все так мрачно, как кажется, поскольку этот скептик — новичок. Это очень понятно.

Марилена ощутила облегчение, словно бы ее простили, но в то же время выставили всем

на обозрение. Новичков было не так много. Поймут ли люди, что это она мешает?

— Наверное, это я, — проговорил Сорин, едва сдерживая смех.

— Это все очень понятно, — снова повторила Вивиана.

— Мне все это кажется... — начал было Сорин.

— И это понятно, — на сей раз с нажимом произнесла Вивиана. — Прошу вас потерпеть немного.

Сорин сел, качая головой, и Марилена ткнула его локтем, желая, чтобы он либо ушел, либо сидел тихо. Улыбка его погасла, и он посмотрел на нее с таким презрением и отвращением, что она пожалела, что не оставила его в покое.

— Тихо, — сказала Вивиана. — Кто-то еще испытывает замешательство.

Марилена подумала, что это еще очень слабо сказано. Сердце просто колотилось о грудную клетку.

— Вы не знаете, является ли счастье достойной целью, — сказала Вивиана. — Вы, возможно, хотите просто удовлетворения. Комфорта, спокойствия. Реализации какой-то цели в жизни.

Марилена скрестила руки и покачнулась, опасаясь, что сейчас рухнет в обморок. Это же были ее мысли. Но как такое возможно? Неужели Вивиана Авинцева умеет читать мысли? Марилена видела, как работают лучшие цыганские гадалки, и распознавала их уловки. Но это?

— И вы спрашиваете себя, что дух имел в виду под словом «мятеж», — сказала Вивиана. — Мятеж против чего? Условностей? Установленного порядка?

Марилена старалась не дышать часто, чтобы не получить гипервентиляции.

— Это не фокус, — сказала Вивиана. — И я не читаю мыслей. Просто я настроена на мир духов.

Марилена едва сдерживалась, чтобы не сбежать, но громкий смех Сорина отвлек ее. Когда она разразилась слезами, он быстро затих, и вид у него был растерянный.

Вивиана потянулась к выключателям, чтобы погасить свет. Марилена сочла это очень разумным жестом. Вивиана вернулась к столу и достала маленькую свечу и подсвечник откуда-то из папки с множеством кармашков. Поставив свечу перед собой, она зажгла ее и кивнула.

— Я открыта тебе, ангел света, — сказала она.

Марилена не могла отвести взгляд.

— Да, — сказала Вивиана. — Да, да, да. Спасибо тебе.

Сорин громко вздохнул, и Марилена подумала, что, если он хоть раз еще попытается привлечь к себе внимание, она вlepит ему пощечину. Она полностью осознавала, как все это странно, и удивилась бы больше, если бы ее партнер по интеллекту отреагировал на это по-другому. Но ведь эта женщина не повторяла его мыслей слово в слово.

* * *

Родители взяли Рэя с собой перекусить в ресторанчик фастфуда, и за еду они принялись сразу же, как сели.

— А почему мы не молимся на людях, как дома?

— Ну это было бы слишком напоказ, дорогой мой, — сказала его мать. — Библия говорит, что нам следует молиться тайно, чтобы нас не видели другие.

— Библия много чего еще говорит, с чем мы не согласны, — сказал Рэй.

— Например? — спросил отец.

— Ну, что мы все грешники и рождаемся в грехе.

Мистер Стил замер с набитым ртом.

— Это тебе опять наступало по мозгам семейство Бобби?

— По мозгам?

— Ну, приставали со своими поучениями, вербовали в свою веру.

Рэй пожал плечами:

— Бобби сказал, что так говорится в Библии, вот и все.

— В Библии также говорится, что Господь повелел детям Израиля убивать всех мужчин, женщин и детей тех народов, которые не уверовали в Него.

— Дорогой! — встряла мама Рэя.

— Да-да, так и говорится, — сказал ее муж. — И если мы начнем делать все то, о чем написано в Библии, и воспринимать ее

в буквальном смысле, то мальчику от этого будет больше зла, чем пользы.

— Я понимаю, — сказала она. — Но не могли бы мы говорить потише?

— Я думал, мы верим в Библию, — сказал Рэй.

— До определенной степени, — ответил его отец. — Там говорится, что Бог есть любовь. Ты в это веришь?

— Ну да, а что?

— А похоже на любовь уничтожение всех живых душ, не согласных с Ним?

Рэй пожалел, что затеял этот разговор.

— Там и правда так сказано?

Его отец кивнул, с набитым ртом.

— И когда дети Израиля не подчинились, Бог уничтожил множество их самих. А вот теперь скажи — если это правда, если это сказано в буквальном смысле, то что можно сказать о таком Боге? Если Он Любовь, то разве не был бы Он добрым, сострадательным? В Библии говорится, что Он не скор на гнев и не хочет, чтобы хоть кто-то погиб. Не знаю, сколько Ему потребовалось времени, чтобы вызвериться на так называемые языческие народы, но если воспринимать Ветхий Завет буквально, то Он явно хотел им погибели.

Рэй внимательно смотрел на отца.

— Значит, ты не веришь Библии?

— Конечно, верю. Я просто хочу сказать, что не все в ней всегда означает именно то, что написано. Бог не может быть любящим и милосердным и в то же время настолько мстительным, чтобы уничтожить тех, кто не идет за

Ним. Люди сбиваются с толку, когда воспринимают все буквально, вот и все, что я хотел сказать. Как твой приятель. Наверное, он думает, что Иисус — единственная дорога к Богу.

— Наверное. А мы так не думаем? Почему тогда мы ходим в христианскую церковь?

— Потому что это то, что мы знаем. Так мы воспитаны. Но как только мы начинаем думать, что наш путь — единственный, ну, по мне, это как-то не по-божески. Я верю, что Бог помогает тем, кто сам себе помогает. И еще я верю, что в основе каждой религии лежит почитание одного и того же Бога. Это как если бы Бог находился на вершине горы. Любая религия — то есть, я хочу сказать, любая хорошая религия — вроде той, которая заставляет тебя стать лучше, помогать близким, все такое, — приведет тебя туда. Мы все идем разными путями, но в конце концов оказываемся в одном и том же месте.

— У Бога.

— Именно.

Это показалось Рэю очень разумным. Он не намеревался обсуждать это с Бобби. Они могут по-прежнему оставаться друзьями и просто не заговаривать о различии своих взглядов.

— Так как насчет того, что Бог приказал перебить язычников?

Мистер Стил покачал головой и сунул обертку от гамбургера в пакет.

— Это должно означать что-то еще, — сказал он. — Символично. Фигурально. Ты знаешь, что это значит?

— Думаю, да. Значит, все эти истории о битвах, убийствах, уничтожении, если не подчиняешься, — все это обозначает что-то другое.

— Верно.

— А что?

— А?

— Ну, что это тогда должно означать? Если ты не делаешь того, что Бог тебе велит, что тебе каюк?

— Нет, это тогда не был бы любящий Бог, верно?

— Нет. Тогда что это значит?

— Не знаю. Я знаю только то, что это не означает того, что кажется.

— Некоторые вещи, — сказала мать Рэя, — непонятны нам, тем, кто находится по эту сторону небес. Когда попадешь туда, сможешь сам спросить Бога.

— А ты уверена, что мы точно туда попадем?

— Конечно, — сказал отец.

— Как?

— Если будем поступать хорошо, справедливо обращаться с людьми, следовать золотому правилу, стараться, чтобы наши добрые поступки перевесили дурные.

В тот день Рэй по-новому посмотрел на своего отца. Может, он и занудный старый хрен, но уж точно не дурак.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Высокий худощавый человек со стильной стрижкой, в сером шерстяном костюме смотрел в высокое, во всю стену, окно своего кабинета на верхнем этаже. Он любил смотреть на Манхэттен ранним вечером, когда в нем загорались искорки уличных фонарей.

Утренние и дневные газеты, а также выпуски новостей пестрели сообщениями о войнах и напряженности по всему миру. Три урагана один за другим прошли по побережью Флориды, синоптики предсказывали самые большие в истории опустошения этому штату. Полоса торнадо оказалась даже более страшной, чем предполагалось для этого самого ужасного сезона в истории. По всем континентам извергались вулканы, и еще несколько ждали своей очереди.

Мужчина отвернулся от окна и медленно оперся на стол ладонями. Стараясь не повре-

дить свежий маникюр и скромные, но чрезвычайно дорогостоящие украшения, он нажал кнопку двусторонней связи.

— Да, мистер Эс?

— Фредерика, мне нужно, чтобы вы доставили сообщение от моего имени.

— Конечно, сэр. Куда?

— В Париж. Сегодня вечером.

— Простите, сэр. Приезжает моя семья и...

— Я должен вечером отправить сообщение, и получено оно должно быть утром. Это же не проблема, не так ли?

Пауза. Вдох.

— Сообщение готово?

— Через пять минут.

Мужчина сел и написал на льняной бумаге старинной чернильной ручкой:

«Огюст, давайте созовем встречу комиссии в Гавре в понедельник. Прошу проинформировать Р. Планшетта, что близится время старта проекта “Победитель народов”.

С наилучшими пожеланиями, Дж.С.».

* * *

Вивиана Авинцева почти целую минуту просидела молча, склонив голову к мерцающей свече, опершись локтями на стол и подняв раскрытые ладони.

— Кто-то испытывает глубокое личное желание, — сказала она наконец. — Тоску. Верьте, ваше желание исполнится. Ваша мечта осуществится.

«Возможно ли это?» — подумала Марилена. Но ведь она может говорить о чем угодно — от нехватки денег до проблем во взаимоотношениях. Или Вивиана снова сумела прочесть мысли Марилены?

* * *

От Марилены потребовалась вся сила ее духа, чтобы тем вечером не рассказать Сорину о том, что Вивиана Авинцева обращалась напрямую к ней с посланием из запредельного мира. Но чем дальше она и ее муж уходили от библиотеки и чем ближе подходили к своему жилищу, тем меньше она верила себе. Как же она могла оказаться настолько наивной, чтобы поддаваться на трюки шарлатанки? Она не верила ни в рай, ни в ад, ни в Бога, ни в сатану, ни в ясновидение, ни в предсказания судьбы.

Марилена была экзистенциалисткой, гуманисткой, книжной женщиной, ученицей, ученым. Преподавателем. Она верила в материальный мир, в то, что можно увидеть и потрогать. Хуже того, вечернее собрание оказало на нее совершенно противоположный эффект, чем она надеялась. Вивиана не только не отвлекла ее от мыс-

лей о ребенке, но пообещала, что ее мечта осуществится.

Марилена не осознавала, что качает головой, пока это не отвлекло Сорина от чтения.

— Ну что? — спросил он.

— Ничего в ней нет особенного, — сказала Марилена.

Он громко рассмеялся:

— Конечно! А ты ожидала чего-то другого? Да, она мастер своего дела, вынужден признаться. Умеет увлечь, а уж актриса какая! Темнота, свечи, закрытые глаза, воздетые руки, театральные паузы! Я уж удивился, что она не спросила, нет ли в комнате кого, у кого в жизни было важное событие, связанное с человеком, что имя начинается на «С». В смысле, у кого такого не было?

— Но ты ведь сходишь со мной еще раз, как обещал?

— Что? Ты серьезно? Ты пойдешь еще раз?

— Ты обещал, Сорин.

— Да не в этом дело, Марилена. Ты знаешь, что я сдержу слово, но я понять не могу, почему ты хочешь прийти туда еще раз. Ты ведь наверняка понимаешь теперь, с чем столкнешься. Почему же ты хочешь пойти туда еще раз?

Она пожала плечами:

— Не надо думать за меня, Сорин. Если я заинтригована, то я заинтригована. Я не говорила, что не могу поддаться на что бы то ни было.

— Ты всегда была такой трезвомыслящей. Такой умной.

— А теперь я резко поглупела из-за того, что хочу сходить еще разок? Ты согласился сходить со мной два раза.

Он захлопнул книгу и ссутулился в своем кресле.

— Ты хотя бы представляешь, каково мне было?

— Мне показалось, что тебе было забавно.

— Забавно — это слабо сказано. Я был выставлен на посмешище. Унижен. Я боялся, что меня там увидят знакомые. Честно говоря, Марилена, если для тебя это развлечение — то пожалуйста. Но не заставляй меня туда ходить.

— Только еще один раз.

— Ты не будешь против, если я сяду в заднем ряду и почитаю?

— Да, другого я и не ожидала.

— А надо приходить обязательно на эту же самую встречу? Может, лучше найдем какой-нибудь бродячий цирк, и я выполню свое обещание?

— Ты сам сказал, что она хорошо работает.

— Да, представление устраивает впечатляющее. Но если бы я хотел представлений, я бы на боевик лучше пошел.

— Ты их терпеть не можешь.

— И ты тоже.

— Сорин, ты обещал, и точка.

* * *

В следующий вторник Марилену и Сорина встретили с еще большим энтузиазмом, чем неделю назад. Сорин не желал в этом участвовать. Он избегал зрительного контакта, рукопожатий, не вступал в ни к чему не обязывающий разговор. Он направился прямо к заднему ряду, бормоча:

— Да, да, привет, тоже рад снова встретиться с вами.

Он даже не расстегнул воротник. Он уткнулся в книгу, на сей раз «Разоблачение паранормальных шарлатанов», и не отрывался от нее.

Марилену вне университета обычно не замечали. Там ее уважали коллеги и студенты, но она не могла не понимать, что ее простой — нет, неряшливый — внешний вид делает ее незаметной повсюду в других местах. Она не знала и давно уже бросила гадать, что о ней могут думать люди. Она не казалась богатой. Никто не знал, что они с мужем хотя и жили скромно, но не делали долгов, поскольку тщательно учитывали свой совместный доход.

Как-то раз Марилена решила рассмотреть тех, кто ехал вместе с ней на автобусе из университета, и поняла, что выглядит скорее как домохозяйка, чем работающая женщина. Может, сменить внешний вид? А зачем? Не все ли ей равно, что думают о ней люди? Мелко судить о человеке по одежке. А вот она сама

только что так и поступила. Она была уверена, что по виду может сказать, кто прислуга, кто чернорабочий. Только по тому, что у них не было кейсов и портфелей или сумки с книгами, как у нее, но откуда ей знать? Ведь по ней нельзя понять, кем она работает, разве что по книге, которую она читала.

Но на второй вечерней встрече во вторник Марилена странно размякла от простых разговоров. Никто не лез ей в душу, не задавал личных вопросов. Никто, как и она сама, не задавал вопросов о семье или работе, словно никого это не интересовало. Люди просто поддерживали зрительный контакт, улыбались, пожимали друг другу руки и приветствовали ее, словно действительно снова были рады с ней увидеться.

Не является ли это частью принятых условностей в необразованном сообществе, которое так отталкивало ее? Пустой разговор. Наигранная радость. Но эти люди казались искренними. Но почему? Потому что она хотела, чтобы они такими были? Потому что ее брак распался, превратившись скорее в интеллектуальный союз? Или, возможно, кто-нибудь, а то и несколько из этих людей могут стать ей друзьями? Могут ли еженедельные встречи привести к большему? Тех, кто был здесь, похоже, с самого начала связывали какие-то узы. Некоторые приветствовали друг друга, обнимаясь.

Марилену всегда раздражала слишком явно и слишком быстро проявляющаяся фамильярность. Слишком много прикоснове-

ний, слишком много личных вопросов, слишком частое обращение по имени. Но сейчас она завидовала тем, кто, несмотря на то что встречались они только по вторникам раз в неделю, считал друг друга семьей.

Нельзя сказать, чтобы у Марилены не было друзей. Были. Не в привычном смысле, не такие, о которых ей приходилось читать в книгах. У ней не было таких друзей, которым она доверяла бы. Но у нее были коллеги по факультету, и поскольку психологический факультет находился в том же здании, она знала многих по имени. Они с Сорином иногда принимали у себя от четырех до шести человек примерно раз в месяц, всегда немного разным составом. У Сорина была пара друзей, которые были с ним ближе, чем ее друзья с ней, — среди них и его заместитель, — но, как заведующий, Сорин вынужден был держаться немного особняком.

Особняком. Примерно так можно было описать отношения Марилены с коллегами. Хотя они вроде бы уважали ее и даже ею восхищались, никто из них не был с ней по-настоящему близок. Некоторые сблизались друг с другом, вместе выезжали за город, обедали, ходили на концерты. Ее никогда не приглашали, да и она сама не очень хотела этого, как она сама себя убеждала. Конечно, это не было правдой, но в ложь было легко поверить, поскольку у нее были собственные пристрастия в виде книг и дисков, в которые она могла погрузиться вечером на много часов.

В начале ее замужества, когда она считала Сорина скорее собратом по духу, чем соседом по квартире, которым он теперь стал, она однажды начала обсуждать свою инакость по отношению к коллегам.

— Что же, — сказал он, затягиваясь одной из своих трубок, — ты тоже никуда их не приглашаешь. Попробуй пригласить. Может, они согласятся. И скорее всего, тоже тебя пригласят.

Она так и не попыталась. Но эта жажда иметь ребенка — она, наконец, успокоилась, признавшись себе, что это именно так, — как-то смягчила ее характер, и она начала стремиться и к простой дружбе. Действительно ли, думала она, одна-две привязанности к взрослым смогут смягчить ее боль?

Марилена сидела в последнем ряду рядом со своим надутым мужем. Когда Вивиана Авинцева начала свои манипуляции, Сорин даже головы не поднял. И когда настало время темноты и свечи, Марилена увидела, что он просто задремал.

Она на сей раз была настроена более скептически, чем при первой встрече, и готова была ловить обобщения и фокусы, когда госпожа Авинцева начала предсказывать будущее, угадывать прошлое и вроде бы читать мысли. То, что Марилена сидела на заднем ряду, давало определенные преимущества — она могла читать язык тела и отслеживать динамику группы. Несомненно, люди всему верили. Но она укрепилась, не желая поддаваться чужому влиянию, как неделю назад.

Пока Вивиана не поймала ее взгляд.

Было ли это игрой воображения Марилены, или Вивиана перехватывала взгляды постоянно? Казалось, она не смотрит ни на кого иного. О, это была игра. Люди во втором и третьем рядах наверняка думали, что Вивиана смотрит прямо в глаза кому-то в четвертом или пятом ряду. Но Марилена четко могла сказать, что она смотрит мимо людей на заднюю стену, а порой на потолок.

Такой прием был обычен для преподавателей и лекторов. Марилену учили, что преподаватель должен поддерживать зрительный контакт с несколькими студентами. Но ее это слишком смущало и отвлекало, потому она делала вид, что смотрит кому-то в глаза.

Вивиана, похоже, тоже по большей части изображала контакт, за исключением моментов, когда она приветствовала новичков или разговаривала с кем-то, кто признавался, что получил послание или общался с кем-то из-за предела. И еще когда она смотрела прямо в глаза Марилене.

Она пыталась убедить себя, что все это — игра воображения, что, сидя в восьмом ряду, она не может точно сказать, что Вивиана смотрит в глаза лично ей. Но это было именно так. Неужели Вивиана ощутила скептицизм Марилены или просто пыталась достучаться до нее, поскольку понимала, что ее муж — пустой номер? Неужели эта женщина почувствовала что-то в Марилене?

— За то время, что у нас осталось, — сказала Вивиана, — я хочу поведать вам два по-

слания. — Сначала она около пяти минут говорила о неправильном понимании мирового духа, в заключение сказав: — Многие из вас знакомы с Библией и с тем, что в ней говорится о ясновидении, предсказании судьбы и злых духах. Я просто хочу вам напомнить, что это взгляд только с одной стороны и, по моему мнению, он не является ни обоснованным, ни репрезентативным для большинства мнений по данному поводу. Для наших целей мы должны оставаться открытыми относительно взглядов наиболее духовных людей. Мы верим, что если и есть злые духи, то не все они должны считаться врагами Бога. И я прошу — прошу вас относиться терпимо к этой мысли, если вы верите в Бога и в то, что Библия — есть Его послание к человечеству, — к мысли, что выступить против Него не обязательно есть грех.

Марилена не знала, сколько людей в комнате могли быть верующими. Насколько она знала историю Румынии, страна много раз переходила из одной веры в другую. От язычества — к католицизму, от католицизма — к православию, от православия — к атеизму, связанному с правлением коммунистов. Казалось, что нация, в конце концов, успокоилась на секулярном гуманизме, который терпел странные древние церкви различного толка. Несмотря на то, насколько каждый верил в Бога, большинство как минимум конспективно были знакомы с религиозными учениями. Бог был высшим существом — благим или

карающим, в зависимости от вашего личного предпочтения, — и Его врагом был дьявол.

Сейчас Вивиана Авинцева просила всех, невзирая на религиозные убеждения или отсутствие оных, рассмотреть вот какую альтернативу.

— В последующие недели мы глубже разберем этот вопрос, — сказала она. — Но сейчас осмелюсь спросить сами себя — если бы Бог существовал, то к Его выгоде было бы объявить грешником всякого, кто угрожает Ему? Особенно если вдруг противник окажется прав. Возможно, не грех думать, что Бог перегнул со своим исключительным правом на полное превосходство. Я понимаю, что это революционная концепция, так что подумайте хорошенько и не замыкайтесь в предубеждении, когда мы снова вернемся к этому вопросу. А пока у меня есть особое послание от моего духа-помощника. Если вам кажется, что оно адресовано вам, примите его, как оно есть.

Марилена была убеждена, что Вивиана снова посмотрела конкретно на нее прежде, чем сесть за стол и прижать пальцы к вискам.

— Дочь моя, — сказала она тихо, затем резко подняла голову и улыбнулась, словно сделала открытие. — Значит, мы знаем, что послание адресовано женщине. — Она снова потупила голову. — Дочь, не ищи подмены. Твое желание не может быть утолено временными средствами. Тебе нужно то, что тебе нужно, и желание твое будет исполнено.

* * *

Рэй Стил в воскресной школе и церкви на сей раз слушал куда внимательнее. Он задавал вопросы своей учительнице в воскресной школе, и они ее сбили с толку. Рэй задал тот вопрос, который они обсуждали с отцом, — по поводу ветхозаветного Бога, который казался несправедливым и страшным.

— Я... ну... я не специалист по Ветхому Завету, — сказала миссис Кнут. — Наши ежеквартальные лекции посвящены новозаветным историям и притчам, так что, может, тебе задать эти вопросы...

— Да ладно, мне просто было интересно. В смысле, интересно, что вы думаете. Это нормально? Это нормально для любящего Бога?

— Мне нужно вернуться на урок, Рэй. Нам нужно рассмотреть очень многое за короткое время. Ладно?

Проповедь пастора оказалась такой же мутной. Он говорил только о Новом Завете, используя истории и рассказы как плацдарм для поддержки собственного мнения. А мнение его, как правило, сводилось к тому, что «христиане должны служить примером благочестия и добродетелей в этом мире».

С этим-то у Рэя было в порядке, исключение составляла только мысль о том, что если Бог есть Бог, а Бог совершенен и весь любовь, то что делать со всеми этими ветхозаветными ужасами? И если Рэй христиа-

нин — а он уже начал сомневаться в том, что он и правда такой, может, его просто всю жизнь таскали в церковь против воли, — то является ли убийство несогласных тоже добродетелью?

В воскресенье за обедом Рэй снова поднял этот вопрос, и, как обычно, отец попытался дать окончательный ответ:

— Понимаешь, Рэй, твоя мама считает, что я не должен был тогда влезать в эту тему, и вынужден сказать, что она, наверное, права. В твоем возрасте не стоит задаваться глобальными вопросами о жизни, о Боге и всем таком.

— Но я просто хотел знать...

— Я понимаю, но, послушай, я с рождения воспитывался как христианин и так и не смог понять этого до конца. Мы можем только стараться поступать как можно лучше и быть хорошими людьми. Уважать других. Не говорить с ними о политике или религии. В смысле, лучше ведь быть хорошим человеком, чем плохим, верно?

— Ну да.

— А ты хороший человек, Рэй, — сказала его мать.

— И только об этом тебе и следует заботиться, — сказал его отец. — Кое-что просто не для нашего ума.

— По эту сторону неба, — сказала его мать.

* * *

Сорин наотрез отказался идти на встречу в следующий вторник и не скрывал, что просто ошарашен тем, что Марилене «не надоела эта дурь. Неужели эта баба убедила тебя?».

— Конечно, нет, — ответила она, чувствуя себя вруньей.

Тем вечером всю дорогу домой, пока Сорин гундел, что выполнил свое обещание, она старалась уверить себя, что послание Вивианы не могло быть адресовано ей.

«Оно могло быть для кого угодно другого. Там ведь снова не было никаких уточнений. Десятки других могут приложить его к собственной жизненной ситуации».

И все же разве за несколько мгновений до сообщения она не задавала себе вопроса, не может ли дружба с коллегами или даже людьми из этого собрания заполнить ту пустоту, которую она никак не могла заполнить иным образом?

ГЛАВА ПЯТАЯ

Встреча в Гавре проходила на укромной вилле, принадлежавшей одному из членов тайного совета, и никто — ни друг, ни супруга, ни брат родной — не знали, что эта встреча вообще происходила, не говоря уже о том, чтобы туда попасть. Мистер Эс возглавлял собрание, которое было кратким и деловым. Влиятельные финансисты и коммерсанты со всего света вновь давали клятву блюсти общие цели, сохранять конфиденциальность и посвятить себя проекту «Победитель народов».

Через десять вечерних встреч Марилена сидела у себя дома и дремала. Ее разбудили

шаги в коридоре. Она не хотела, чтобы Сорин застал ее в темноте, потому быстро встала, от чего у нее закружилась голова, включила свет, услышав его возню возле двери.

— Ты только что пришла? — сказал он. — Снаружи я не видел света в окнах.

Она кивнула. Лгать ему стало для нее нормой. Но какой смысл? Разве его отсутствие и полное безразличие не было ложью бездействия? То, как он рассматривал ее сейчас, заставило ее подумать, не утратила ли она самообладания. Прогулка до автобуса и разговор с Вивианой выбили ее из колеи.

— Опять какие-то послания извне? — спросил он, вешая на крючок пальто и доставая из холодильника банку с пивом.

— Каждую неделю, — сказала она, подыгрывая ему.

— И что на сей раз? «Кто-то сожалеет о детских воспоминаниях?»

— Да, — сказала она. — Что-то вроде.

Когда он включил побольше света и начал что-то переключать на своем столе, она снова села в свое кресло, что заставило его спросить, все ли с ней в порядке.

— Я хотела бы поговорить с тобой, если ты не против.

— Поговорить? — Он сел на край стола и уставился на нее. — Сколько угодно, если только ты не будешь говорить о том, что вышла на контакт с иным миром.

— Ты же прекрасно понимаешь, что нет.

— И сколько же еще осталось до этого момента?

— Сорин, если у тебя нет времени поговорить со мной, то...

— Да я просто спросил, дорогая. Завтра у меня тяжелый день, мне надо еще поработать...

— Тогда забудь.

— Зачем так. Я просто хочу понять, останется ли у меня время закончить работу сегодня вечером, или завтра надо будет встать пораньше.

Она покачала головой.

— Понимаю, — сказал он. — Ты хочешь, чтобы я тебя упрашивал.

— Вовсе нет. Если ты так занят и у тебя так много работы, то где ты был?

Он подошел к креслу.

— И с каких пор ты начала интересоваться этим вопросом?

— С тех пор как ты начал жаловаться на избыток работы каждый раз, как я прошу тебя поговорить со мной.

Она не ожидала такого эффекта, но, похоже, он лишился дара речи. На этот раз.

Марилена прекрасно знала, что спорить с ним — безумие. Соперничество невозможно. Теперь он сидел, перекладывая вещи на столе. Наконец, он сказал:

— Ну, если это все, то ты пробудила мое любопытство.

— Забудь, Сорин.

— Нет уж, извини. Я весь внимание и весь твой. — Когда она уставилась на него, он продолжил: — Я серьезно, Марилена. Ты права.

Ты ведь так немного просишь, а мне надо работать, так что пожалуйста...

— Тогда обещай, что дослушаешь меня до конца.

— Я вроде бы только что пообещал.

— Сорин, я понимаю, что это станет шоком для тебя, как было и для меня. Поверь, это не мимолетное чудачество, это гнетет меня уже много месяцев. Я пыталась с этим бороться, убедить себя не думать об этом и решила скрывать все от тебя.

Он сдвинул брови. Она явно сумела завоевать его внимание.

— Я хочу поговорить с тобой об этом и не хочу, чтобы ты сразу выпустил иглы.

Он откинулся в кресле.

— Я понимаю, — ответил он.

— Понимаешь?

Он кивнул.

— У тебя же все на лбу написано, причем давно.

— Так заметно?

— Конечно. Я знаю тебя, Марилена. Я знаю, что у нас необычный брак, но ты не можешь не признать, что иногда мы мыслим одинаково.

— Часто.

— Так что тебя не должно удивлять, что я знаю, о чем ты думаешь. Даже лучше, чем твоя любимая предсказательница.

— Она не...

— Шучу, Марилена. Я просто сказал, что понимаю.

— И?

— И знаю, что ты хочешь узнать, есть ли у меня кто-то еще.

Марилена еле скрыла улыбку. Этот великий ум считал, что знает все, видит ее насквозь. На самом деле это вопрос интересовал ее в последнюю очередь. Конечно, у него кто-то есть. Сорин ведь мужчина. Не так ли? Он с кем-то спит, и, честно говоря, ее это более чем удовлетворяло. Это снимало с камень с ее души, и в любом случае он ей был нужен не за этим. Она никогда не хотела его в этом смысле.

Было ли ей любопытно, с кем он спит? Конечно. Она подозревала, что у него не одна женщина. Возможно, он неразборчив, снимает кого попало в баре на одну ночь. Ей было все равно. Она решила не раскрываться перед ним, не поддаваться, если он начнет добиваться у нее любви. Кто знает, какую заразу он мог подцепить?

Расскажет ли он ей правду? Вдруг это кто-то знакомый? Марилена никогда не подозревала никого из университета. Не может же он быть таким неосмотрительным. Она никогда не замечала ничего между ним и кем бы то ни было еще в университете.

— Ладно, — осторожно сказала она. — Ты хочешь, чтобы я задала вопрос?

— Нет, — ответил он. — Ты имеешь право узнать. Пора уже. Это Бадуна.

— Что? Бадуна! Но ты — и Бадуна Марьюс?

— Не беспокойся, — сказал Сорин. — Я не оставляю тебя из-за него. Не могу. Он женат, счастлив, хочешь верь, хочешь нет.

— Но я...

— И он не хочет светиться.

Марилена закрыла глаза и покачала головой.

— А ты?..

— Я — что?

— Хочешь засветиться?

— А кто не знает этого обо мне, Марилена?

— Я, например!

— Да перестань, прошу тебя.

— Я не знала!

— Марилена! Как ты думаешь, почему мои дети знать меня не желают? Почему я развелся? Почему я совсем не интересуюсь...

— Я не знала.

— Теперь ты знаешь. Честно говоря, у меня камень с души упал. Может, теперь я смогу просто говорить тебе — я иду к Бадуне. Может, даже порой смогу уходить на всю ночь. Мне незачем напоминать тебе, что никто не знает про него.

— Не беспокойся. Я почти незнакома с его женой.

* * *

Рэй Стил дома начал вести себя все более шумно и строптиво. Он был саркастичен и дерзок, хотя его тошнило от собственного поведения и речей. Теперь воскресная шко-

ла и церковь казались ему бессмысленным и скучным делом, и поскольку друзей у него там было мало, он начал сопротивляться. Но его отец ввел непререкаемое правило: идешь, и все тут. Рэй возненавидел эти походы, хулиганил на занятиях, думал в церкви о совершенно посторонних делах и читал книжки. Все это больше не имело для него никакого смысла, так что он просто отключался.

Значит, это была не женщина. Марилена жила с блестящим ученым, который оказался гомосексуалистом. Она пыталась представить себе свою жизнь, какой она была бы, родись она на несколько поколений раньше. Толерантность медленно приживалась в Румынии, особенно в области сексуальных предпочтений.

Нечего и говорить с ним о том, что она жаждет ребенка, и спрашивать, не изменит ли он свое мнение и не подарит ли ей дитя. Если бы она узнала, что у него стайка любовниц, — и, может быть, знала, что он утратил к ней интерес уже давно, — она просто попросила бы его стать донором спермы. Она точно не стала бы заставлять его делать что-либо омерзительное для него, например спать с ней.

Но теперь-то как быть? Найти себе мужчину? Завести интрижку? Марилена чув-

ствовала, что имеет на это право, но порой она задавалась вопросом — а сама-то она не лесбиянка? Она не могла себе такого представить, потому что ее никогда не влекло к женщине в сексуальном плане. Но ее и к мужчинам не тянуло. Разве что к Сорину — из-за его интеллекта. Наконец, в литературе она наткнулась на точное описание себя. Она решила, что она асексуальна.

Но сейчас не это ее тяготило. Конечно, она могла бы усыновить ребенка, но она оставила этот вариант на крайний случай. Марилена за последние несколько месяцев осознала, что этот желанный ребенок должен быть плотью от плоти ее. Она хотела пройти через беременность, роды, грудное вскармливание, она хотела сама растить ребенка и ощущать его любовь.

Конечно, рассказывать обо всем этом Сорину было бы уж слишком, особенно после того, как он совершенно неверно понял ее. Она выждет несколько недель, затем снова поднимет этот вопрос, чтобы прощупать почву. С его стороны будет лицемерием отказывать ей в отношениях, которые приведут к беременности, но больше ее это не интересовало. Он уже много лет назад ясно дал ей понять, что детей он больше не желает, и вряд ли такая техническая подробность, что это будет не его ребенок, изменит ситуацию.

Марилена не могла себя заставить раскрыть весь свой план, идею краткой близости исключительно ради практических целей. Сама эта концепция оставалась для нее на-

столько эксцентричной, что ее невозможно было выразить словами. Нет, она знала, что есть мужчины, готовые лечь с любой женщиной по любому поводу. Даже с такой некрасивой, как она. Но что это за мужчины? Какие гены соединятся с ее собственными при создании новой жизни? Пьяницы, негодя, тунеядца, который готов спать с кем ни попадя?

Выход — банк спермы. Она будет знать происхождение, национальность, профессию и даже индекс интеллекта донора. Но Марилена не была готова говорить об этом с Сорином. Для него главное во всем этом будет не беременность Марилены и не происхождение ребенка. Вопрос будет в том, что этот ребенок вторгнется в их жизнь.

А если он запретит ей рожать? Как она прокормит себя и ребенка, если некоторое время ей придется не работать? А когда она вернется на работу, как она сможет заботиться о ребенке? Несмотря на то что она хотела ребенка всем сердцем, Марилена не могла позволить эмоциям вмешаться в прозу жизни. Честно говоря, она все равно не представляла себя работающей матерью — как минимум вне дома. Наверняка при ее-то одаренности она сумеет найти удаленную работу через Интернет.

Конечно, идеальным вариантом было бы остаться с Сорином, никуда не переезжать, чтобы он ее содержал. Но согласится ли он?

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Рэй Стил чувствовал себя дураком. Он, один из лучших учеников четвертого класса, все еще считался ребенком.

Его мать вытащила его с собой по каким-то дурацким делам. Как правило, ему было все равно, поскольку он обычно ждал ее в машине. А когда она просила помочь немного сэкономить время и сходить в один магазин в то время, когда сама шла в другой, это давало возможность успеть домой к обеду и оставить побольше времени на его вечерние дела.

Но сегодня она попросила его купить батарейки в хозяйственном, в то время как сама пошла в огромный магазин «Все для дома». Рэю пришлось потом ждать ее в машине.

— Я всего на полчасика, — сказала она.

— Полчаса! — ответил Рэй. — Да ладно, тебе ж столько не надо!

Она пропустила его слова мимо ушей, и хотя это взбесило его, он понимал, что это лучший способ реакции на его поведение. В глубине души он понимал, что на самом деле хочет, чтобы его мама или папа разговаривали с ним, спорили. Но когда им было все равно или они отступали — например, как его отец, со словами: «С тобой вообще невозможно разговаривать», — Рэй тут же жалел о своем упрямстве. Он был согласен на все, только бы его не игнорировали.

Но мать игнорировала его чрезвычайно эффективно. Она не говорила ничего, не выказывала раздражения. Она просто делала вид, что не слышит его. Это не давало конфликту дойти до той точки, где Рэй мог бы понять, насколько он смешон, и сказать ей какое-нибудь злое, глупое слово, которое уже не вернуть назад. Он даже мог заставить ее расплакаться. После чего чувствовал себя полным идиотом.

Конечно, она была немолодой мамочкой и одевалась старомодно. Она почти всегда называла его полным именем. Это все же было лучше, чем Рэйми, как она звала его до шести лет. Она даже по ошибке недавно так его назвала прямо на глазах у друзей, и он боялся, что это никогда не кончится.

Но Рэй знал, что мама его действительно любит — по-своему. Он не заикливался на этом, но, если копнуть глубже, он был бы вынужден признать, что, не будь мама на его стороне, жизнь его стала бы просто невыносимой.

Рэй нашел батарейки и стянул их из магазина. Бросил пакет на переднее сиденье и растянулся сзади, стараясь, чтобы никто из знакомых не увидел его в этой старой машине.

Пригнулся, читая журнал «Экстрим спортз». Рэй предпочитал основные виды спорта, но ему также нравилось смотреть по телевизору соревнования скейтбордистов и велосипедистов, так что журнал был что надо. И все же он клевал носом и задремывал. Наконец, он отбросил журнал в сторону.

Проснулся он сразу, резко, поскольку солнце припекало сквозь окно. Мать отсутствовала уже дольше получаса. А, ладно, она не могла далеко уйти и скоро вернется. Магазин стоял прямо перед тем местом, где они припарковались, так что он увидит ее сразу, как она выйдет. Рэй снова уткнулся было в журнал, но хватило его ненадолго. Когда мать, судя по его часам на солнечных батарейках, отсутствовала уже сорок пять минут, Рэй не смог больше оставаться в машине. Он вышел, облокотился на нее, и ему уже было все равно, кто его увидит. Конечно, никто и не увидел, как бы Рэй ни опасался.

Рэй рассматривал всех выходящих из магазина женщин, и с первого взгляда он чуть ли не в каждой узнавал свою мать.

Когда прошел уже час, он начал набирать ее номер на телефоне в машине. Услышал звонок ее мобильного — она забыла его между сиденьями. Он перезвонил отцу. Ответа нет. Одна голосовая почта. Он по-

пытался прозвониться к отцу в контору. Закрыто.

Почему он так нервничает? Ничего не могло случиться с его матерью. Да разве вообще может что-то случиться? Только не на людях. Наверное, стоит в длинной очереди. Точно, стоит. Но она все не шла и не шла. Наконец, браня себя за свой психоз, Рэй лениво побрел к магазину.

Магазин был похож на большую пещеру и, к его удивлению, там оказалось не так уж много народу. Он посмотрел по проходам. Затем решил начать с дальнего угла и прочесать весь магазин до последнего дюйма. Но матери он нигде не видел. У Рэя заколотилось сердце, участилось дыхание. В чем дело-то? Наверняка все объяснится очень просто, так чего же он так паникует?

Он начал воображать себе всякие ужасы. Похищение. Убийство. И как он с ужасом признался самому себе, он придумал еще более страшную причину. А что, если мать бросила его? Он достал их с отцом, и вот они смылись. И если он вызовет полицию и вернется домой, он увидит, что дом пуст, а родители исчезли навсегда.

Что с ним случилось? Это же нелепость. Но почему тогда это казалось столь логичным и вероятным? И почему это ему казалось куда ужаснее, чем воображаемые кошмары, приключившиеся с его матерью? «Мне что, четыре года? А ну, возьми себя в руки!»

Но он не мог взять себя в руки, а минуты ползли и ползли, а тревога дошла до того пре-

дела, после которого остается лишь молиться. Он еле сдерживал рыдания, чувствуя, что выглядит как полный дурак — тощий долговязый юнец, блуждающий по отделу домашнего интерьера с багровой физиономией и полными слез глазами.

Меньше всего Рэю хотелось просить кого бы то ни было о помощи. Мало того что он и не знал, к кому обратиться, он не знал и что сказать. Как сказать? Выглядеть полным сопляком? Распустить нюни? И что делать, если вдруг посреди всего этого появится его мать, которая просто потеряла счет времени?

Он воспользовался телефонным автоматом, который тут же отправил счет на домашний телефон Стилов, потом попытался еще раз набрать номер отцовского мобильного. Тот же результат. Дома тоже никто не отвечал. Он позвонил по номеру магазина, в котором находился и почувствовал себя дураком, который делает вид, что находится где-то еще и разыскивает одного из покупателей.

— Мы можем вызвать ее по громкой связи, если это очень нужно, — сказали ему.

— Ну, вроде как.

— Вроде как? Так в чем срочность, сынок?

Он не знал, что и сказать.

— Это ложная тревога?

— Нет, я...

— Определитель показывает, что звонок сделан из нашего магазина. Так что...

Рэй повесил трубку и быстро отошел прочь от телефонов. Ему пришлось уйти. Поблизости не было ни единого покупателя, который мог бы сойти за того, кто сделал звонок. Вокруг вообще не было мужчин — разве что персонал магазина.

Рэй поспешил назад к машине, с облегчением увидел, что батарейки по-прежнему лежат на переднем сиденье. Разве не здорово, что он пережил такое и стянул еще и батарейки? Он осмотрелся вокруг, разглядывая парковку. Он весь взмок. Теперь он был в полной панике.

Наконец, он забрался в раскаленную машину и снова растянулся на заднем сиденье. Он больше не мог сдерживать слез. И, плача горькими слезами, он стал молиться вслух:

— Боженька, помоги мне! Пожалуйста, верни мою маму. Я сделаю все, что Ты хочешь. Я перестану ругаться. Я не буду больше хамить. Я буду ходить в церковь и внимательно слушать проповеди.

Он уткнулся лицом в стиб руки. Плечи его вздрагивали. Он все говорил себе — надо вернуться в магазин и попросить помощи. Но кроме страха за то, что мать бросила его — а отец в курсе, — его не меньше пугала перспектива выглядеть таким психом.

И тут он услышал шаги. Водительская дверца открылась.

— Ой, Рэйфорд, — послышался голос его матери. — Ты заснул!

Он быстро вытер глаза и сел:

— Я не сплю.

— Извини, — сказала она, бросая пакеты на пассажирское сиденье. — Ты не поверишь, что со мной случилось. — Она завела машину, не оглядываясь на него, и ему стало легче на душе. От того, что она жива, что она с ним, что он ошибался. Неужели Бог ответил на его молитву? Рэй изумился, как быстро он пожалел о своих обещаниях, особенно когда возвращение его матери оказалось таким обыденным. Вряд ли это было чудо.

— Так что случилось? — спросил он.

— Да просто чушь какая-то. Я уже вышла из магазина, как увидела какую-то женщину, которая показалась мне знакомой, чуть замедлила шаг. Как оказалось, я все равно обозналась, но когда я остановилась, мне дверью защемило пятку и разорвало кожу как раз над краем туфли. У меня сильно пошла кровь, Рэйфорд. Такая нелепость. Ко мне бросился служащий и отвел в комнату для персонала в задней части магазина, и заместитель заведующего оказал мне первую помощь. Он промыл рану и перевязал меня. Я чувствовала себя такой душой.

— Я все думал, где ты.

— Ой, да ты, наверное, все проспал, Рэйфорд. Я немного прихрамываю, но рана не глубокая, и к утру я буду в полном порядке.

— Ага.

— Боюсь и подумать, что скажет твой отец.

— Хм.

— Как вижу, мой милый сын не особо мне сочувствует.

Она понятия не имела. Рэй даже радовался, что не знает, что сделать или сказать сейчас.

— Мам, тебе надо было взять с собой телефон. Ты опять его забыла.

— Ой, да я знаю. Я подумала, что надо бы позвонить в машину, но при отключенном двигателе...

— Но если бы у тебя был телефон, я бы мог тебе позвонить! — выкрикнул Рэй.

— Малыш...

— Ты такая рассеянная! — сказал он.

— Ну извини. Я думала, что дождусь чуть больше сочувствия.

— Да, конечно, примерно как я от тебя.

Снова она не услышала его. Что на него нашло? Что случилось с его страхами, его обещаниями Богу, его облегчением? Он злился, что ему пришлось все это пережить — и ради чего? Тупой, дурацкий случай, которого вполне могла бы избежать его рассеянная мамочка.

Рэй ненавидел себя. Что же он за нюня такая? И что же за неблагодарный сын?

Если Бог и правда есть, то почему Он просто не дал Рэю найти его маму? Это вот так Он на молитвы отвечает? Рэй никогда не чувствовал себя настолько ребенком. Может, Бог и есть, но Ему явно наплевать на людей, что в Библии, что в реальной жизни.

Все это заставляло Рэя чувствовать себя мошенником, он не понимал себя. Его любовь к матери, его отчаяние от того, что она ушла, вылилось в злость и горечь, когда она вернулась.

За обедом он набросился на отца.

— Почему я не смог прозвониться к тебе по твоему телефону сегодня днем?

— Ты пытался дозвониться до папы? — спросила мать. — Но зачем? Когда? Откуда?

— Да просто волновался насчет кое-чего. Теперь и не помню. Да и что за дело? Мама, порой, честное слово...

— Откуда ты звонил? Нам не нужны лишние счета за телефон.

Зная, что все равно это будет указано в счете, Рэй сказал:

— Я пытался позвонить из машины, а затем из магазина, пока ты там была.

— И чего ты хотел?

— Да какое теперь это имеет значение? Дело не в том! Почему ты не включил телефон, пап?

— Я включил, Рэй. Успокойся. У меня был важный разговор с поставщиком из Огайо, если тебе так хочется знать, и он занял у меня всю дорогу домой.

— А.

— Что — а? Ты раскаиваешься, что набросился на меня прежде, чем узнал, в чем дело?

— Думай как хочешь.

— Это характеризует твое поведение все эти дни, — сказал отец.

И это было так.

Остаток вечера Рэй никак не мог сосредоточиться. Ни передачи по спортивному каналу телевидения, ни чтение книг по авиации

не могли его развлечь. Он не мог расслабиться и никак не мог заснуть. Это был самый отвратительный вечер в его жизни. Почему он не может просто радоваться тому, что ошибся, что его мать вовсе не бросила его, что она по-прежнему рядом, по-прежнему его любит, что она живет ради него?

Он все глубже забивался в свою раковину. Он чувствовал себя виноватым за то, что много что наобещал Богу, а теперь все эти обещания казались ему тупыми и пустыми. Он не намерен был их выполнять.

Это был один из тех редких вторников, когда рабочий день Марилены и Сорина кончался почти одновременно. Собравшись с духом, Марилена заглянула в его кабинет:

— Ты не проводишь меня домой?

Он поморщился:

— А зачем? В смысле, у меня тут велосипед, а ты всегда едешь на автобусе...

— Ладно.

— Да нет! Ничего личного, Марилена, я просто...

— Хорошо, может, ты и утром поедешь сюда вместе со мной на автобусе? Ничего с твоим велосипедом не случится.

— Это уж точно. Но зачем?

— Мне нужно размяться, и я не хотела бы идти одна, — сказала она.

— Ну-ну, — ответил он. — Я слишком хорошо тебя знаю. Тебя что-то тревожит?

— Да.

Сорин собрал сумку и перекинул ее через плечо. Проходя мимо двери доктора Бадуны Марьюса, Сорин сказал:

— Я иду домой. Встретимся вечером.

Бадуна кивнул и улыбнулся, но не посмотрел на Марилену. Она поняла, что Сорин рассказал Бадуне о том, что она все знает. Как неловко. Им придется работать вместе. Ладно, решила она, если Сорин и Бадуна сумели скрыть свои отношения на работе, она тоже сумеет.

Марилена не знала, как начать, потому первые несколько кварталов они прошли молча.

— Давай не будем тратить время, я и так нарушил свой распорядок, — сказал наконец Сорин.

— Я знаю, — сказала она, — но я не приняла в расчет, как давно я не ходила так много. Ты не будешь против, если мы где-нибудь посидим?

— Ну, я еще не голоден, — сказал он, направляя ее к скамейке. — Давай покончим с этим.

— Ох, Сорин, меня нельзя против воли вовлечь в серьезную дискуссию. Ты с самого начала выказываешь нетерпение. Как я себя должна чувствовать, ты не подумал?

— Наверное, как я. Я устал от словесных игр и серьезных разговоров, — сказал он. — Наш брак — только формальность. Мы за-

ключили его ради нашего общего удобства, но, откровенно говоря, он куда удобнее тебе, чем мне.

— Мне горько это слышать.

— Не делай вид, что это для тебя новость, Марилена. Я ценю, что ты несешь свою часть расходов и что мы поддерживаем друг друга. Ты прекрасно знаешь, что я лучше бы заключил брак с Бадунной, но кто знает, сколько пройдет времени прежде, чем это можно будет осуществить? Я уважаю тебя, считаю тебя чудесным человеком, мне нравится вести с тобой научные дискуссии. Однако я не жду от тебя интимных отношений.

Марилена с досадой услышала дрожь в своем голосе, от чего речь ее казалась жалкой:

— Тогда, наверное, мне не стоит с тобой разговаривать.

— Да ладно! Кончай этот спектакль. По крайней мере, ты сумела разбудить мое любопытство.

Марилена вздохнула и отвела взгляд. Наконец, сказала:

— Я хочу поговорить серьезно. Я не хочу просто удовлетворить твое любопытство.

— Хорошо. Вот он я. Я не в духе, я хочу вернуться домой, но я тебя слушаю.

— Это вряд ли будет способствовать конструктивной беседе.

Сорин подался вперед и подпер подбородок руками.

— Дорогая, у меня много лет не бывало с тобой конструктивных бесед, если не счи-

тать разговоров на научные темы. Не плачь. Я не хотел задеть тебя. Ты сама знаешь, что я говорю правду, несмотря ни на что.

— Даже на мои чувства.

— Честно говоря, да.

Она покачала головой.

— Ты не представляешь, насколько это для меня трудно, а сам хочешь, чтобы мы поскорее покончили с этим?

— Ну, раз уж дошло до откровенности, — сказал он, — то представь, насколько это трудно для меня. Что бы там ни было, это отрывает меня от дела. Мне это неинтересно, но я чувствую себя обязанным изображать, что мне не все равно.

— Неужели я действительно такой груз для тебя, Сорин?

— Иногда да. Порой.

— Ты ведь хочешь, чтобы я оставила тебя, да? Я не хочу быть для тебя в тягость.

— Можешь уйти, можешь остаться, — сказал он, — только избавь меня от частых личных откровений.

Марилена не могла представить более жестокого мужа — разве что такого, который бил бы ее.

— Тебе все равно, что творится у меня на душе?

— Да, Марилена. Прости меня, но это так. Возможно, меня беспокоит то, что происходит в твоём сознании, поскольку ты кропотливый исследователь и умеешь четко выражать мысли. Но что происходит в твоём сердце, душе или что там еще ты

пытаешься лелеять — нет. Это меня раздражает.

— Но это связано с тобой.

— И как, если мне все равно?

— Потому что это отразится на тебе, Сорин!

— Нет, если я сам этого не позволю. Ты знаешь, как я отношусь ко всем этим духовным исканиям.

— Дурь? Ты так считаешь?

— Конечно, и ты об этом знаешь. И если только ты не сошла с ума, ты со мной согласишься.

— Все это безумие. Ты так считаешь?

Он посмотрел на часы.

— Послушай, Марилена, я не хочу тратить на это жизнь. Сегодня вечером у тебя встреча с этой zevzes¹, а мы с Бадунной...

— Не называй ее дурой, Сорин. Это недостойно тебя. Не соглашайся с ней, если тебе угодно, но...

— Марилена! Я еще сдерживаюсь в выражениях! Разве ты сама не видишь? Я назвал ее zevzes потому, что уверен, что ты именно в это и превратишься!

Марилена встала и начала расхаживать взад-вперед. Все напрасно. Ей придется уйти от Сорина, положиться на государственную поддержку, завести ребенка и воспитывать его в одиночку.

— Может, мы пойдем, наконец, дорогая? — сказал он.

¹ Чокнутая (рум.).

— Не надо больше называть меня «дорогая», — сказала она. — Больше не надо. Я знаю, что ты на самом деле обо мне думаешь.

— Ох, Марилена! Да что с тобой случилось? Мы оба знаем, что я человек жесткий. Во мне нет тактичности, которая должна сопутствовать моей профессии. Я говорю откровенно не с целью причинить боль, и радости мне это не приносит. Но иначе я не буду честен сам с собой и не смогу конструктивно общаться с тобой. Так что сейчас-то случилось? Скажи мне, что у тебя на душе. Я постараюсь быть помягче, хотя гарантировать не могу.

— Ты выслушаешь меня?

— Обещаю.

Он всегда держал слово, этого она не могла отрицать.

Она глубоко вздохнула:

— Я хочу ребенка.

Сорин прикрыл рукой глаза, затем рот, словно пытаясь не дать себе выпалить что-нибудь такое.

Прежде чем он успел передумать, Марилена быстро начала рассказывать о том, что происходило с ней, как это желание овладело ею задолго до того, как она начала ходить на вторичные собрания, и о том, что все-таки эти встречи и та женщина, Вивиана, стали для нее особенными.

Когда Сорин отнял руки ото рта, она продолжала, не желая слушать его.

— Как раз на прошлой неделе после встречи мы говорили с ней, и она убедила меня,

что знает, что меня так тяготит. Она сказала, что у ней есть для меня ответ. Сегодня я заставляю ее сказать, что она имела в виду. Да, я знаю, что ты думаешь о ней и обо всей этой идее общения с духами. Но я больше не могу этого игнорировать. Отрицай послания, духовный план, но ты не смеешь лишать меня права чувствовать то, что не зависит от меня. Я хочу ребенка. Мне нужен ребенок. И он у меня будет.

— Что же, — сказал он, наконец, — это хорошо. Для тебя.

— Для меня?

— Для меня не слишком хорошо.

— Этого я и боялась.

— И правильно, — сказал он. — Разве я когда-нибудь давал тебе повод усомниться в том, что я не переменял своего мнения по данному поводу? Я не хочу опять становиться отцом. И меньше всего хочу, чтобы мой распорядок жизни изменился.

— Отлично.

— Значит, я ясно выразился?

— Ты всегда ясно выражаешься, Сорин. Неужели ты так мало меня ценишь, что это все, что ты можешь мне сказать? Ни сочувствия, ни интереса, ни радости по поводу того, что я, наконец, поняла себя? Ты не рад за меня?

— Если тебе это приятно, то да, я рад. Естественно, у меня возникла куча вопросов. Откуда ты возьмешь этого ребенка? Где ты будешь его растить? Как?..

— Значит, с моей стороны было бы *pebunie*¹ даже мечтать, чтобы ты?..

— Безумие предполагать, что это будет в моей квартире, среди моих статей, книг и трудов? Конечно.

— Ты не будешь тосковать по мне? — сказала она.

Наконец-то ей удалось заметить хотя бы намек на сочувствие.

— Это я могу сказать с полной откровенностью, Марилена. Мне будет не доставать тебя.

— Но не всей меня.

— Не всей, нет. И уж точно не в смысле той одержимости, что так повлияла на твой интеллект. Но в тебе есть много привлекательного, и мы долго прожили вместе.

— И ведь у нас были хорошие дни. Правда, Сорин?

— Правда. Многое я запомню до конца жизни.

— Это придает мне смелости просить тебя об одном одолжении.

— Чтобы избавить тебя от разочарований, позволь оговорить заранее, что твоя просьба должна быть такой, чтобы я мог ее исполнить. Другими словами, она не должна включать...

— Нарушения распорядка твоей жизни, я понимаю. Сорин, я была бы тебе чрезвычайно благодарна — я даже не могу словами выразить насколько — после того, что мы

¹ Безумие (рум.).

пережили вместе, если бы ты нашел в себе силы не разводиться со мной до тех пор, пока я не рожу ребенка.

— Но ведь ты даже не знаешь, где и как забеременеть.

— Это моя проблема. Я хочу, чтобы ребенок по закону носил фамилию. Твою.

— Я не намерен делать тебя беременной как бы то ни было.

— Я знаю. Я заплачу за то, чтобы забеременеть, но я хочу, чтобы мой сын или дочь носили фамилию Карпати.

Сорин встал, она села. Он был небольшого роста, но сейчас он просто возвышался над ней.

— Если я соглашусь на это условие, то я буду обязан...

Она посмотрела на него снизу вверх:

— Нет. Никаких отцовских обязанностей от тебя не потребуется.

Он провел пятерней по волосам.

— Возможно, мне надо будет составить документ, по которому ты лишаешься моей фамилии, если ребенок сделает что-то такое, что поставит меня в неловкое положение.

— Мы не забегаем вперед, Сорин?

— Возможно. Но я должен заботиться о своей репутации.

Тем вечером Вивиана Авинцева словно бы торопилась куда-то. Как обычно, она рассказала о прошлом, о будущем, связалась с духом-помощником, зажгла свечи, помоли-

лась ангелу света и даже немного погадала на картах Таро.

На сей раз она постоянно смотрела в сторону Марилены, это не было только ее воображение. Марилена пересела на другое место после перерыва, и Вивиана все равно смотрела ей в глаза, где бы она ни сидела. И словно чтобы у Марилены не осталось выбора или чтобы она не смогла понять Вивиану неверно, в конце встречи Вивиана показала на Марилену и сказала:

— Дорогая, не могли бы вы задержаться после собрания?

На сей раз они не пошли к автобусу, не пошли посидеть в бистро, не говорили о пустяках. Госпожа Авинцева взяла Марилену под руку и повела в отдаленный темный уголок библиотеки, вниз по лестнице.

— У меня есть чрезвычайно важное сообщение для вас из мира духов, которое было бы неверно озвучивать перед всеми.

— Ой, Вивиана, я не знаю, сколько я смысла вкладываю в...

— Чушь, госпожа Карпати. Я ощутила психическую энергию в вас сразу же, как вас увидела. Я вижу вашу ауру, когда вы находитесь на собрании. Мне передавали четкие послания для вас, и они глубоко отдавались в вашей душе. Вы же не хотите мне сказать, что вам нужны еще какие-то доказательства?

Марилену это убедило, но она никак не могла отделаться от рациональной, черно-белой части своего сознательного «я».

— Возможно, еще кое-какие доказательства не помешали бы.

Вивиана вздохнула.

— Должна сказать вам, что скептицизм может оскорбить даже самых доброжелательных духов.

— Если они существуют на самом деле и если они действительно дали вам для меня так называемое чрезвычайно важное послание, то странно, если они оставят меня, когда я прошу убедительных доказательств.

— И что будет для вас убедительным доказательством?

Это было что-то новое. Вивиана и правда выглядела взволнованной. Странно, но это почему-то приободрило Марилену. Несмотря на то что ее скептицизм изрядно поколебался от правдивости всего, что говорила госпожа Авинцева за прошедшие двенадцать недель, Марилена все равно ощущала себя овечкой, которую тащили в ту область веры, которую она никогда прежде не одобряла. По крайней мере, сейчас она могла внести во все это немного научности, настояв хоть на каком-то доказательстве.

— Я хочу конкретики, — сказала она. — Я хочу, чтобы вы сказали мне что-нибудь такое, что относится исключительно ко мне и не может быть отнесено ни к кому другому.

— Хорошо, — сказала Вивиана, словно ее загнали в угол. — Идемте.

Марилена прошла за ней мимо стеллажей с дисками, широких книжных полок, мимо длинных, широких полированных столов, за

которыми сидели немногочисленные посетители, по большей части читавшие газеты. Наконец, они нашли несколько отдельных кабинетиков, о которых все остальные словно бы забыли. Вивиана схватила стул, чтобы они обе могли забиться в один закуток. Она взяла руки Марилены в ладони, закрыла глаза и склонила голову.

— Слушайте меня внимательно, — сказала она, и Марилена ощутила стеснение в груди. — Дух высокого ранга говорит мне, что ваше желание иметь ребенка вызовет полный разрыв в ваших взаимоотношениях с мужем.

Марилена с трудом дышала, во рту у нее пересохло.

— Верно, — сказала она.

— Верно? Это уже произошло?

— Да.

— Дух говорит, что вы должны продолжать убеждать вашего мужа не разводиться с вами, пока не родится ребенок, чтобы он мог носить фамилию вашего мужа.

— Он? Это будет сын?

— Так он сказал. А то, что дух сказал «продолжать убеждать», говорит о том, что вы уже подняли этот вопрос в разговоре с мужем

— Это так.

— Вам нужны еще доказательства?

— А они есть?

— Если и так, они вам нужны?

— Я очень хотела бы услышать их, — сказала Марилена.

— Конечно. Но если вы будете требовать доказательств исключительно ради того, чтобы убедиться, то я боюсь, что мы начнем испытывать терпение духа.

— Нет. Честно могу сказать — вы меня убедили.

— И я бы тоже так сказала, дорогая.

— Но если есть еще что-то для меня, то могу ли я это услышать?

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Действительно, было кое-что еще для нее. Вивиана Авинцева потребовала встречи с Мариленой и ее мужем у них дома.

— Но зачем? — спросила Марилена. Она рассказала Вивиане, что на этот счет думает Сорин.

Вивиана некоторое время сидела молча.

— Что ж, — сказала она, наконец, — похоже, что вам понадобится его подготовить. Сами понимаете, я за долгие годы привыкла к скептицизму. Меня не пугает индекс интеллекта собеседника более высокий, чем у меня. Меня не покоробит, если он встретит меня с *distracție*¹, но...

— Насмешка — это еще слабо сказано, — ответила Марилена. — Он может дискутировать с вами сутки напролет.

¹ Насмешка (*рум.*).

— Это меня тоже не пугает. Я не хочу, чтобы он выказывал нетерпение, почувствовал, что в его жизнь вторгаются, в общем, не хочу, чтобы хоть что-то разозлило его.

Марилена согласилась попытаться подготовить Сорина, хотя бы убедить его встретиться с госпожой Авинцевой как-нибудь вечером.

— Больше всего я боюсь, — сказала Марилена, — что сама не потяну. Где я буду жить? Хватит ли мне денег, чтобы прокормить и себя, и ребенка? Сорин сказал, что вынудит меня снять с него все финансовые обязательства, даже если ребенок и будет носить его фамилию.

Казалось, что госпожа Авинцева пытается сдержать улыбку, и Марилена не могла понять, держит ли эта женщина в уме какой-то восхитительный секрет или просто смеется над Мариленой?

— Что мне делать?

Вивиана подалась вперед и обняла ее.

— Вы торопитесь или у вас есть пара минут?

— Нет ничего важнее этого вопроса, — ответила Марилена.

— Тогда позвольте сказать вам, как я на данный момент оцениваю ваше духовное продвижение, — сказала Вивиана. — Поправьте меня, если я ошибаюсь. Вы стали приходить на мои занятия, чтобы отвлечься от желания иметь ребенка. Ваш интеллект делает вас скептиком, но вы не можете отрицать той правды, что коснулась вашей души.

Марилена кивала после каждого утверждения.

— В дни, которые проходили между нашими встречами, пытались найти «дырку» во всем, что вы слышали и испытали, но, в конце концов, вы уже больше не можете отрицать очевидное. В этом что-то есть, и это что-то касается конкретно вас.

Марилена пожала плечами и снова кивнула.

— Теперь вы в этом убедились. В мире духов есть к вам особый интерес, причем быстро стало понятно, что это будет на благо вам. Ваша мечта исполнится. У вас будет ребенок.

— И моя жизнь станет намного сложнее и тяжелее.

— Вот тут вы ошибаетесь. Очень ошибаетесь.

— Я слушаю вас внимательно.

— Пока, — сказала госпожа Авинцева, — вы все еще рассматриваете свою жизнь с научной точки зрения. О да, вы стали эмоциональны, вы открыли глаза и увидели новый мир, вы в возбуждении. Но все же вы относитесь к нему беспристрастно. Вы верите, но заикливаетесь на причине и следствии. «Если это правда, то что будет потом?»

— Понимаю. Верно. Но как же мне на все это смотреть?

— Я надеюсь, Марилена, что вы вскоре сделаете вывод, что интерес, проявленный к вам с той стороны, — личный, поскольку так и есть. Духи заботятся о вас, хотят для вас лучшего. Вы достойны любви.

Марилена украдкой глянула на собеседницу. Достояна любви?

— Честно говоря, мне до сих пор страшно.

— Естественно. Люди неправильно себе представляют существ из мира духов. Они не могут даже вообразить, что духи могут любить нас, тех, кто по другую сторону завесы.

— Но кто же они тогда? Кому я не безразлична? Кто любит меня? Безымянные незримые духи? Но почему?

Вивиана встала и коснулась плеча Марилены. Та встала, и старшая собеседница сказала:

— Пройдемтесь.

Вечер был прохладным, и Вивиана шла, легонько обняв Марилену за плечи.

— Позвольте мне рассказать вам мою историю, — сказала она. — Возможно, она прольет некоторый свет и на вашу.

Вивиана рассказала, что она росла в России, когда принятым порядком были атеизм и коммунизм, и ее родители много десятилетий считали себя пережитками прошлого.

— Советский Союз сменился некоторым подобием демократии, но религия сильно ослабла. Оставались анклавные христиан, ортодоксальных евреев, мусульман, которые практиковали свою веру, но таких было ничтожно мало. Несмотря на новообретенную свободу, настоящего религиозного возрождения так и не случилось. Мои родители осуждали религию, но были еще

и противниками нового государства. Они презирали коммунизм и не стали законченными атеистами. Они допускали существование сверхъестественных существ и иных миров. Это проявилось, когда они стали заниматься так называемыми оккультными практиками.

— Демоны и все такое?

— Это сложно. Мои родители не верили в рай и ад и Бога с сатаной. Они верили в силы добра и зла. Но их выходы в духовный мир были просто развлечением. Моя мать призналась мне, что начала говорить о ясновидении и всем прочем, просто чтобы задеть чувства своих друзей-ученых.

— Вроде моего мужа.

— Да, во многом похожих на него.

— Но ведь вы меня убедили, — сказала Марилена.

— До какой-то степени.

— Нет, я правда поверила.

— Вы, может, и поверили, но к сердцу близко не приняли.

— Во многом приняла, — сказала Марилена. — Не хочу спорить, но я не понимаю вас. Ведь явно что-то или кто-то передавал вам мои самые сокровенные мысли и стремления, и вы предсказывали, что они исполнятся. Я хочу верить в это всей душой, но...

— Но вы еще интеллектуально не готовы принять это только потому, что ясновидение законно, поскольку существующая реальность его подтверждает.

— Я поверю, когда забеременею.

— Конечно. А до тех пор, хотя все и кажется вам реальным, вы просто боитесь быть любимой — кем бы то ни было.

Марилена остановилась:

— Что вы сказали?

Рука Вивианы соскользнула с плеча молодой женщины.

— О, дорогая, некто из иного мира любит вас и хочет оказать вам честь, а вы все так *atent*¹, так скептически...

— А вы на моем месте не были бы осторожны и скептически?

— Но я была на вашем месте, дорогая! Мои родители развлекались гаданием на колоде Таро, и ясновидением, и даже спиритизмом. А затем они поняли, что все это правда. Когда мне исполнилось шесть лет, они общались с духами при помощи планшетки каждый день. У меня несколько лет ушло на то, чтобы понять, что духи с другой стороны знают обо мне, заботятся обо мне, любят меня. Они избрали меня медиумом, переговорщиком, представителем в мире смертных, мире скептиков и осторожных.

— Вы думаете, что и меня избрали?

— Нет! Ваше предназначение — родить ребенка! Как вы думаете, зачем им хотеть, чтобы вы стали матерью, если бы это дитя не было предназначено для великих дел? Да, они любят вас и заботятся о вас, они желают, чтобы ваше желание было исполнено, но это было бы слишком просто. Они могут помочь

¹ Осторожны (*рум.*).

вам выносить ребенка. Но их забота куда глубже. И я чувствую, что вы не понимаете этого.

Марилена села на ближайшую скамейку. Посмотрела на Вивиану снизу вверх.

— А когда и если, как вы говорите, я это пойму, то что это будет значить для меня?

— Я ждала именно этого вопроса, — сказала Вивиана. — Во-первых, вы станете матерью необычного ребенка, того, который близок сердцем и разумом с духами. И во-вторых, и я всем сердцем этого вам желаю, это поможет вам любить духов так же сильно, как они любят вас.

— Любить духов?

— Вам это непривычно, верно?

— Верно, — ответила Марилена. — Пока я не могу воспринимать их как личностей.

— Я знаю. Еще бы, именно к этому я вас и подвожу.

— Но ведь они не люди, разве не так? Они призраки, они покойники?

Вивиана села рядом с Мариленой, и та услышала ее дыхание.

— Нет. Нет. Они ангелы.

— Ангелы.

— Ангелы. И они вас любят.

— Но если я поверю в ангелов, то я должна поверить и в Бога?

— Да.

— Не могу сказать, что я верю.

— Возможно, это не тот Бог, о котором вы думаете, — сказала Вивиана.

— Тогда кто?

— Это не христианский Бог. Не бог иудеев. Не Аллах. Но он любит вас, и он вас избрал и жаждет, чтобы вы его полюбили.

Марилена покачала головой:

— Кем бы он ни был, он все равно слишком далек от меня. Я хочу увидеть его, прикоснуться к нему, поговорить с ним.

— Если бы вы могли его видеть, Марилена, то вам больше не нужна была бы вера. Но все же вам нужна хоть малая толика веры, поскольку через меня он обращался напрямую к вам. Неужели вы так быстро позабыли, что он дал мне способность узнать историю вашей жизни, читать ваши мысли, предсказывать ваше будущее?

— Я знаю. Знаю! Но он слишком обезличен для меня, чтобы полюбить его.

— Он говорит мне, что именно этого он желает.

— Довольно откровенно, но я должна быть честной. Я не буду выказывать любовь, которую не испытываю.

— Он требует привязанности.

— Полагаю, что и это достаточно откровенно. Вероятно, я просто недостойна.

— Конечно, вы достойны, дорогая. Это и заставит вас полюбить его еще сильнее.

— А если я не нахожу в себе любви?

Вивиана встала и отошла, на миг повернувшись к Марилене спиной. Когда она снова повернулась к ней лицом, ее челюсти были крепко стиснуты, а глаза холодно мерцали в дальнем свете уличного фонаря.

— Мне не следует говорить за него, пока он сам не скажет мне чего-то особенного.

— Он не говорит с вами?

— Сейчас он молчит. Вероятно, он оскорблен.

— Все это так мне чуждо.

— Конечно. Но представьте, сколько людей, сколько бесплодных женщин отдали бы все на свете за то, чтобы оказаться на вашем месте. Я дрожу, когда вы спрашиваете о последствиях, — если вдруг не найдете в себе способности любить, почитать и быть верной ему, тому, кто предлагает вам исполнить желание вашего сердца. Зачем спрашивать, если он вам ответит, что в этом случае в себе вы не найдете и ребенка?

Марилена встала. Ей хотелось убежать, спрятаться — но где? Ей надо было подумать. Если она кого и любила, то Вивиану, и все же в этот момент ей хотелось остаться одной.

— Я не знаю, что сказать, — ответила она. — Я должна быть честна с собой, не изображать любви и преданности по отношению к кому бы то ни было, чтобы чего-то добиться от него.

— Хорошо сказано. Вам нужно время, чтобы разобраться в себе и ваших побуждениях. А пока подготовьте вашего мужа и получите для меня разрешение нанести ему визит. Мне кажется, что к этому времени я опять получу для вас сообщения, и это успокоит ваши сердце, разум и душу.

— Успокоит? — сказала Марилена. — Я сейчас чувствую себя так, будто никогда больше не смогу успокоиться, пока не разберусь со своими чувствами по отношению к богу, о котором вы говорите.

— Посмотрите на это вот каким образом, — сказала Вивиана. — Полюбите его за то, что он первым полюбил вас.

— Но как я пойму себя? Если во мне возникнет такая любовь, откуда я узнаю, что она истинная, а не выросла из моих страхов или желания получить то, что он мне предлагает?

— Он узнает.

— Вы ему скажете?

— Нет, Марилена, вы.

— Но как?

— Он бог. Богам можно молиться.

— Я никогда не молилась.

— Надеюсь, скоро вы уже не сможете говорить так.

Марилена вздрогнула, стараясь не задать вопроса, который так терзал ее.

— Но как мне обращаться к нему?

Вивиана благосклонно улыбнулась:

— Как к ангелу света. Утренней звезде. Князю и стихии воздуха.

— Этого я и боялась, — сказала Марилена. — Понимаете ли, я очень начитана. Я знаю его имя.

Вивиана взяла Марилену под локоть и повела назад к библиотеке.

— Конечно. Вы ученый. Вы преподаватель классической литературы. Но все, что вы о нем читали, идет от того, кто в космическом масштабе завидует его красоте, могуществу и, да, амбициозности, так что можете с ним не считаться. Я хотела бы, чтобы вы прочли о нем в других источниках. А затем уже по-новому

перечитали Библию. Если библейский Бог законно заявляет, что Он есть Бог над всеми богами и престол Его высоко в небесах, и если Люцифер действительно зло, то почему бы Богу просто не уничтожить его?

Нет, Марилена, мой бог — истинный и живой бог, тот, кто любит меня и заботится обо мне, тот, кто дает мне все. Он взошел на престол как владыка Вселенной. Он решил, что вы станете матерью его сына, он избрал вас, а за все это он просит от вас любви и преданности.

Наперекор себе Марилена рассмеялась:

— Как вы сами себе можете представить, это все равно остается непостижимым для меня. Но я понимаю одно: этой темы вы не захотите затрагивать, если Сорин согласится встретиться с вами.

Всю дорогу на автобусе домой Марилена сидела уйдя в себя, скрестив руки и опустив голову на грудь, держа сумку на коленях. Как это возможно — четырех месяцев не прошло, а она ушла так далеко от гуманизма и экзистенциализма к полному принятию мира духов? Хотя она совершенно не желала молиться Люциферу, не то чтобы просить его о любви, она ни на йоту не сомневалась в его реальности, в его существовании и даже — поскольку это передавала Вивиана — в его личной заинтересованности в ней. Вопрос был в том, захочет ли она строить взаимоотношения с ним на этом уровне. Неужели нельзя просто стать спиритом, поверить, но не становиться последовательницей?

Она опять вернулась в пустую квартиру. Она представляла себе Сорина в объятиях любовника, как он рассказывает ему о безумии, охватившем его жену. Зная, что назревает развод — вероятно, в течение года, если Марилена сумеет забеременеть быстро, — станет ли Бадуна подготавливать и свою жену к разрыву?

Сорин утверждал, что Бадуна счастлив в семье, но как это может быть, если у них такие отношения с шефом? Жена Бадуны наверняка понятия не имела о его склонностях и интрижке. Вот вам и счастливый брак.

Марилена переоделась в свободное фланелевое платье, тапочки и включила телевизор. Новости уже перешли к спортивному блоку, а это ей было неинтересно. Она выключила телевизор и попыталась читать, но мысли ее были в беспорядке. Впечатление было такое, что на основание позвоночника что-то давило и пульсировало в затылке.

Неспособная сконцентрироваться на чем бы то ни было другом, Марилена ощутила желание помолиться. Но сама ли она хотела обратиться к богу, или это бог из мира духов пытался дотянуться до нее?

Марилена никак не могла отделаться от этого желания. Но как молиться-то? Она читала, что религиозные фанатики складывают руки на груди, склоняют голову, закрывают глаза. Некоторые становятся на колени. Воздевают руки. Некоторые простираются на земле. Вивиана сажалась перед свечой. Ма-

рилена решила, что если во всем этом что-то есть, то она не пойдет на поводу у условностей. Она просто откроется для контакта, и если владыка мира духов именно таков, как говорила Вивиана, он уж как-нибудь сумеет с ней пообщаться.

Сев за стол, Марилена уставилась на стену, исписанную замечаниями.

— Я здесь, — прошептала она.

Немедленно в ее разум, душу, во все ее существо хлынула духовная сила. Она не слышала голоса, но кто-то или что-то говорил напрямую с ее сознанием. Слова были неразборчивы, от них кружилась голова, но все же те, которые предназначались ей, как она верила, западали ей глубоко в душу, словно она инстинктивно понимала их.

— Я люблю тебя любовью вечной. Я избрал тебя в качестве сосуда. Ты в должное время зачнешь. Твоя беременность будет легкой, но тревожной, поскольку твой ребенок не будет шевелиться во чреве. Ты родишь сына, и имя его будет значить «победитель народов». Он будет ростом выше всех, кто когда-либо жил на свете. Его будут считать пришельцем, он станет билом для колокола моей вести.

Марилена не хотела говорить, не хотела отвечать, но все это было реальным — более реальным, чем разговор с любым из смертных, — было то, что она хотела знать.

— Но как я справлюсь? — прошептала она.

— Я пошлю тебе помощника, которого уже для тебя избрал.

— А где я буду жить?

— Я предоставляю тебе место.

— Я боюсь тебя.

— Не бойся.

— Мой страх не позволяет мне ответить взаимностью на твои чувства. Если я пойму, что не могу...

— Ты сможешь.

— Но если нет...

— Я сказал.

— Если ты действительно меня любишь, ты скажешь мне, что со мной будет, если я не отвечу на...

— Ты умрешь.

— А мой сын?

— Он не умрет никогда.

Марилена была побеждена, ее даже тянуло вызывать в себе любовь, которую она могла бы выказать. Но она услышала, как в двери поворачивается ключ. Сорин вернулся. Она быстро прервала связь.

Он выглядел влюбленным. Она не знала, как еще это назвать. Как же они с Бадунной, наверное, радовались, планируя совместное будущее. Марилена заговорила о том, чтобы пригласить Вивиану в следующий вторник, и с удивлением услышала, что Сорин не против.

— Если только она не засидится допоздна. Я, как понимаешь, буду у Бадунны, а утром мне рано вставать.

У Марилены голова кружилась от предвкушения. Она заверила его, что они с Вивианой будут ценить его время.

— Она уверена, что у нее есть решение проблемы насчет материальной поддержки.

— Жду не дождусь, — сказал он.

У Марилены редко бывала бессонница, но в предрассветный час — будильник показывал бледные красные цифры 2:15 — она резко открыла глаза. Она тут же проснулась и решила не беспокоить Сорина, чье шумное дыхание показывало, что он глубоко спит.

Она осторожно вылезла из-под одеяла и села на край постели. Что это было? Может, надо опять помолиться? Нет, состояние было другое. Что-то или кто-то снова пытался связаться с ней, но у нее было четкое впечатление, что это был не тот, с кем она говорила раньше.

Марилена оперлась локтями на колени и охватила голову руками. Но когда это снова начало общаться с ней, ей пришлось встать.

— Се, гряди скоро, и возмездие Мое со Мною, чтобы воздать каждому по делам его.

Я есмь Альфа и Омега, начало и конец, Первый и Последний.

Блаженны те, которые соблюдают заповеди Его, чтобы иметь им право на древо жизни и войти в город воротами.

А вне — псы и чародеи, и любодее, и убийцы, и идолослужители, и всякий любящий и делающий неправду.

Я, Иисус, послал Ангела Моего засвидетельствовать вам сие в церквах. Я есмь

корень и потомок Давида, звезда светлая и утренняя¹.

Жаждающий пусть приходит, и желающий пусть берет воду жизни даром.

Воспротивься дьяволу, и он убежит от тебя.

«Я сошла с ума, — решила Марилена. — Я совершенно сошла с ума. Это мегаломания. Только ненормальный может подумать, что Бог и Люцифер спорят за его душу».

Вечером следующего вторника Вивиана Авинцева вместе с Мариленой поехала на автобусе к ней домой.

Сорин встретил их радушно, но держался настороже.

— Рад снова видеть вас, госпожа Авинцева. Простите, что не заглотил тот крючок, на который попала моя женушка.

Вивиана словно бы целенаправленно не заметила выпада, и Марилену впечатлило, что она не сделала ни единой попытки переубедить Сорина. Она не вербовала его, не пыталась ничего доказывать.

— Я знаю, что ваше время дорого, — сказала Вивиана, садясь на их старенький диван. Марилена заварила ей чаю. — Так что давайте я сразу перейду к делу. Мы с вами оба прекрасно осознаем состояние вашего брака и тот факт, что вы не заинтересованы в ребенке.

— Вообще-то, — сказал Сорин, — я согласился не разводиться с Мариленой, пока ребенок не будет записан на мою фамилию.

¹ Откровение, 22: 12—17.

— И я не думаю, что вам будет комфортно находиться девять месяцев с беременной женщиной и ее хворями в одной квартире, — сказала Вивиана.

Марилене хотелось было вставить, что ей обещали легкую беременность, но было то, что она предпочла скрывать даже от госпожи Авинцевой.

— Я не подумал об этом, — сказал Сорин, — но вы правы. С другой стороны, мне противно выставлять ее на улицу прежде, чем она устроится.

— Вообще-то, — сказала Вивиана, — все уже сделано, и если Марилена согласится, она спокойно сможет жить где пожелает.

Марилена остолбенела. Она даже еще не забеременела и морально не была готова сняться с места на месяц, возможно, на год.

— Она должна закончить семестр в университете, — сказал Сорин. — Иначе что нам делать с ее студентами?

— Я же не ушла с работы, — сказала Марилена.

— Нет, тебе и не надо, — сказал Сорин. — До тех пор, пока мы не сможем...

— Без проблем, — сказала госпожа Авинцева, пригубив чаю. — Сдается, события слишком быстро разворачиваются и для вашей жены тоже, поскольку мы еще этого вопроса не обсуждали. Вам известно имя Райш Планшетт?

Имя звучало знакомо, но Марилена не могла понять откуда. Сорин покачал головой.

— Он много публикует статей в области моих интересов. Кроме того, он региональный директор нашей организации, и я ему подотчетна. Я взяла на себя смелость проинформировать его обо всем, что происходило с Мариленой, и правильно будет сказать, что он более чем в восторге. Он согласился выделить средства, а также разрешил мне действовать по своему усмотрению. Так и будет, если Марилена согласна.

— Я внимательно вас слушаю, — ответила та.

— В сельской местности возле Клужа есть небольшой коттедж с участком в несколько акров. Я не сельская жительница, но если Марилена согласится, я буду жить при ней, помогать ей во время беременности и потом растить ребенка, пока она будет этого хотеть.

Марилена понимала, что надо поблагодарить, но события разворачивались слишком быстро.

— Нет-нет, — сказала она. — Я ведь даже по саду помогать не смогу. Сельская жизнь не для меня, и...

— Это идеальное место, чтобы растить сына, — сказала Вивиана.

— Для кого другого, может, и так, но как я там смогу работать?

— Я буду настаивать на том, чтобы туда провели высокоскоростной Интернет и предоставили вам лучшее оборудование, дорогая. Вы сможете заниматься тем, что у вас выходит лучше всего, — только удаленно.

— Так я не смогу зарабатывать столько, сколько сейчас. Как быть с едой, одеждой, платой за жилье?

— Я, видимо, неясно выразилась, — сказала Вивиана. — Коттедж не элитный, но достаточно вместительный — и уединенный, — чтобы там могли жить три человека, и за все будет заплачено.

— Заплачено?

— Я уже сказала вам. Директор Планшетт горит желанием вам помочь.

— Не знаю, — протянула Марилена. — Просто не знаю. Я хочу ребенка, но меня тревожит беременность. Я хочу, чтобы не подалеку были доктор и больница.

— Так и будет, — ответила Вивиана.

Сорин встал и сел на подлокотник кресла Марилены. Поднял руку.

— Голосуем? Звучит великолепно, честное слово.

— Для тебя-то да, — ответила Марилена. — Это решение твоих проблем.

— Твоих тоже, — сказал он. — Только подумай. Госпожа Авинцева, сколько там от собственно Клуж-Напоки?

— Десяти километров не будет.

Это было уже лучше, но Марилена не спешила соглашаться. Как может жизнь под одной крышей повлиять на отношения между ней и Вивианой? Она восхищалась госпожой Авинцевой. Уважала ее, беспокоилась о ней, она не хотела, чтобы что-то разрушило эти отношения. Однако сама мысль о том, что женщина с такой чувствительностью к

духовному миру будет помогать ей растить сына — ну где еще найдешь такую помощь?

С другой стороны, она не сказала Вивиане о том, что враг Люцифера — так она думала — пытался вторгнуться в ее сознание. Это случилось только раз, и все же это казалось не менее реальным, чем ее молитва Люциферу. Она также не открыла этого Вивиане, поскольку все еще не хотела давать никаких обязательств насчет преданной любви.

Вивиана закончила разговор, согласившись, что Марилене следует над этим подумать.

Сорин тоже согласился не давить на нее, хотя Марилена не могла за это поручиться.

— Позвольте мне проводить вас к автобусу, госпожа Авинцева, — сказал Сорин. — Время позднее.

Марилену потрясла эта внезапная любезность, особенно если учесть его нудеж по поводу того, что ему завтра на работу рано идти. Самой ей не доставалось с его стороны такой ласки уже много лет. Но, возможно, и хорошо, что Сорин несколько минут сможет поговорить с госпожой Авинцевой наедине. Они были ближе по возрасту, возможно, у них найдется нечто общее, несмотря на диаметрально противоположные взгляды.

Она подошла к окну и увидела, как он переводит ее через улицу, держа под руку. Из переулка между домами вышел высокий мужчина и тепло приветствовал обоих. Марилена не могла в темноте понять, кто это. Неужели Бадуна? Все трое пошли к оста-

новке вместе. Марилена никогда в жизни не ощущала такого одиночества. Одно она знала точно — она никогда не спросит ни Сорина, ни Вивиану о том, кто был этот человек. Она не хотела, чтобы они подумали, будто она шпионит за ними, не хотела, чтобы ее считали параноиком. Если решат сами рассказать — пусть так и будет.

Позже Марилена металась и вертелась в постели, пока нетерпеливые вздохи Сорина не вынудили ее вернуться к столу. Она не ощущала никакого принуждения из мира духов, ни желания молиться. А вдруг Люцифер уже покинул ее, ведь он знает ее мысли? А что до его врага? Вивиана и ее сотоварищи отрицали, что Люцифер — враг библейского Бога, и если бы Марилена не верила, что услышала и Его, она могла бы с ними согласиться. Но она-то знала.

Она молча взмолилась: «Ты все еще обещаешь мне ребенка?»

Молчание. Она почувствовала себя душой.

— Господи, — сказала она, — я могу торговаться? Если я пойду за Тобой, Ты дашь мне ребенка?

Молчание.

Марилена Карпати не смогла достучаться ни до неба, ни до ада.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Марилена вдруг оказалась в положении зрительницы собственной жизни. Слишком многое случилось за столь краткое время, и ее душа просто не могла всего этого усвоить. Если она что-то и могла последние несколько лет контролировать в своей жизни, не смотря на свой странный брак, это было ее личное расписание, ее распорядок.

Глубокое, животное желание иметь ребенка не уменьшилось ни на йоту, и все же бывали моменты, когда Марилена жалела о том дне, когда позволила материнскому инстинкту пустить корень в своей душе. Как она тосковала по тем временам, когда дни ее были радостны. Каждый день она вставала на рассвете, по очереди с Сорином готовила небольшой завтрак — горячий *gustare de dimineata*¹ из яиц и колбасы. По утрам он

¹ Легкий завтрак (*рум.*).

был всегда спокоен, даже казался приятным человеком, пока она не пыталась заводить с ним разговор.

Сначала он уезжал на своем велосипеде, затем она уходила на автобусную остановку. Как правило, они приезжали в университетский городок в одно и то же время, хотя она редко видела его днем, разве что на заседаниях кафедры. Ее день состоял из нескольких семинаров с небольшим количеством студентов и исследовательской работы, чтения, изучения. Она жила ради этого времени. Если бы она могла делать только это — заниматься наукой без личностных контактов, — она была бы полностью счастлива. Встречи, коллеги, студенты были просто обстоятельствами, с которыми приходилось мириться ради того, чтобы читать и учиться.

Если она станет матерью и будет делить дела по хозяйству и уходу за ребенком с Вивианой Авинцевой, то ее личное время, вероятно, будет посвящено только науке. Но будет ли такая работа актуальной? Есть ли такой человек или предприятие, которым нужны будут ее исследования? И чем она заплатит за такую жизнь?

Большую часть времени она сосуществовала с Сорином дома. Когда была ее очередь готовить и убираться, она делала это спустя рукава, чтобы остаток вечера наслаждаться чтением. Когда была его очередь, она немедленно садилась за стол и отрывалась только для того, чтобы поужинать.

Эта жизнь была ей дорога, хотя она сама этого не понимала. Только ее так называе-

мые биологические часы изменили ситуацию. Та вечерняя встреча во вторник, которая должна была отвлечь ее, только утвердила ее в желании иметь ребенка. Внезапно она стала совсем другим человеком с другим расписанием жизни, другими приятелями, новыми целями. Но что больше всего удивляло Марилену — она стала тем, над чем некогда смеялась, над чем до сих пор издевался Сорин, — поклонницей того, чего нельзя было увидеть.

Это возбуждало. Это было непривычно. Она ощущала предвкушение, какого никогда прежде не знала, пытаясь представить себе, каково это — быть матерью. Но ценой был ее драгоценный образ жизни. Действительно ли она хочет отказаться от него? Чужой человек, не научный работник, тот, кому было больше всего терять в смысле взглядов или собственности, счел бы ее виртуально сидячий образ жизни смертным приговором. Однако для Марилены отказ от благ такого существования был тяжелейшим испытанием в жизни.

Хуже всего было то, что она ощущала, как сходятся в одной точке события, как ускоряется темп жизни, как все выходит из-под ее контроля.

Марилена не принимала настоящих решений, и все же события, которые она не могла контролировать, начали разворачиваться помимо нее. Вивиана Авинцева была у штурвала — планировала, составляла графики, вела переговоры, все улаживала. Она

знала отличный банк спермы, где Марилена могла приобрести нужный материал.

— Он экспериментальный и передовой, — говорила Вивиана. — Они усовершенствовали генную инженерию, чтобы сперма могла изготавливаться из лучших ДНК, взятых не из одного ресурса.

— Это звучит страшно, — сказала Марилена. — Ненормально. У моего сына может оказаться не один отец?

— Вряд ли больше двух, но не суйте нос в естественные науки, дорогая. Представьте себе, что он получит лучшие физические характеристики от одного донора и лучшие интеллектуальные качества от другого.

Марилена чувствовала, что Вивиана давит на нее своей энергетикой. Что может сказать или сделать эта женщина, если Марилена скажет, что передумала? Нет, конечно, она не откажется от намерения завести ребенка. Но оставалась еще возможность просто развестись с Сориним и найти нового мужа, который хотел бы завести семью.

И среди всего этого Вивиана, похоже, настолько увлеклась открывающимися возможностями, что решила сама посмотреть на этот сельский домик в Клуже. Она вернулась с докладом о блестящих успехах.

— У нас там будет такая замечательная жизнь, Марилена! Там еще кое-что надо сделать, но это будет здорово! Да, я тебе сказала, что поменяла фамилию?

— Зачем?

— Ты уже заметила, что я сумела справиться со своим акцентом?

Марилена кивнула.

— Для меня будет лучше, если меня не будут связывать с моими русскими корнями. Я ведь не выгляжу как русская?

— Нет, — сказала Марилена.

— Отлично. Поскольку Россия вернулась к диктатуре и всем кажется, что она намерена возродить Советский Союз — что приведет к посягательствам на другие территории, — я решила порвать с родиной.

— И?

— Вив. Вив Айвинз. Тебе нравится?

Несколько недель назад Марилена была настолько подавлена своей духовной наставницей, что сделала бы вид, что соглашается. Теперь она лишь пожала плечами:

— Как-то по-американски звучит.

— Замечательно. Я знала, что тебе понравится. Это была идея Райша Планшетта. Ты встретишься с ним вечером во вторник.

— Правда?

Вивиана кивнула:

— Это такая радость для нашей группы. Наш региональный директор — приглашенный докладчик! Он в выражениях не стесняется. Мы с ним расходимся только в отношении моей склонности не торопиться говорить о том, во что я верю. Райш бестрепетно говорит о своей верности и верит, что откровенность немедленно отсекает нерешительных и экономит время.

Марилена склонила голову набок.

— Разумно.

— Он вам понравится.

Марилена не была так уж уверена.

После того вечера, когда к ним приходила Вивиана, Сорин вроде тоже как-то изменился. Он был как-то откровенно *zvapaia*¹, даже тем утром. Разговорчивый, бодрый, улыбчивый, радостно бравшийся за хозяйственные заботы. Он часто предлагал Марилене сделать работу и за нее.

В университете совершенно новым человеком казался ей Бадуна. Он больше не чувствовал неловкость в общении с Мариленой, смотрел ей в глаза, шутил, поддразнивал ее, рассказывал байки. Однажды, когда она отшутилась, он расхохотался и даже обнял ее.

Что случилось с Сорином и Бадуной? Наверное, планы Вивианы и мысли о том, что для них значит ребенок и развод, так воодушевляли их, что они просто не могли себя сдерживать.

Однажды вечером Сорин вернулся домой просто распираемый новостями.

— Бадуна рассказал все жене!

— Неужели.

— Все прошло как нельзя лучше! Она и так его подозревала.

— И не говори.

— Ты не радуешься за меня, Марилена?

— Возможно, ты теперь сможешь понять, каково мне.

¹ Вертяляв (рум.).

Хотя Сорин и Бадуна не открыли своих отношений другим на работе, все остальные препятствия для них уже не существовали. В следующий вторник Марилена приехала домой днем, а Сорин уже ушел, чтобы провести остаток дня — и ночи, согласно оставленной им записке, — с Бадунной.

У Марилены было ощущение, что этот Райш Планшетт может подумать, будто она зашла в своем духовном развитии так же далеко, как и Вивиана, так что ей пришлось попытаться разобраться в состоянии своей души и разума до встречи с ним. Она по-прежнему чувствовала себя так, словно духовные сущности по обе стороны баррикады молчат. Ни зуда, ни вибраций, ни движения в душе. Частью сознания Марилена полагала, что духи просто решили — как и все, — что она уже на их стороне. Возможно, что корабль отчалил прежде, чем она успела с него сойти.

Чувствуя себя дурой, она взмолилась вслух.

— Дух, — сказала она, и само это обращение поразило ее как нечто злое и безумное, — я не ощущаю ничего, кроме желания родить ребенка. Я не могу обещать ни привязанности, ни верности и уж точно не могу обещать любви. Ты хотел, чтобы я была откровенна. Если ты до сих пор здесь и можешь принять это и все равно подаришь мне обещанного сына, я постараюсь изменить свое мнение и чувства. Но я не буду притворяться.

Она хотела сказать больше, но впечатление было такое, будто бы она разговаривает

сама с собой. Может, все это было aiurit¹, и она просто дура. Марилена не могла толковать пророчества, послания, ощущения и даже динамику духовного мира, войдя с ним в контакт только единожды. Но чем больше дней проходило, тем больше колебалась ее уверенность. Она снова спряталась в комфорт своей интеллектуальности. Вдруг все это было каким-то фокусом? Вдруг она просто дура из дур?

— Господи, если Ты здесь, — взмолилась она, — то не откроешься ли Ты мне?

Звук собственного голоса поразил Марилену. Молитва была настолько искренней, такой жалкой, такой детской, что она перенеслась в детские годы. Если темная сторона мира духов реальна, то и Бог реален. Но если так, то как Он мог пройти мимо такой просьбы?

Она не ощущала ничего, ничего не слышала, и вскоре уже с плачем разогревала себе немного супа — чуточку, чтобы позавтракать.

Рэй Стил копил карманные деньги почти год, и теперь он стоял перед большим зеркалом в родительской ванной, крутясь так и эдак и любуясь новой курткой. На ней были

¹ Чуждачество (рум.).

цветные нашивки и наплечники. Он представлял себя летчиком.

Когда он носил эту куртку, никто не упрекал его в том, что он сутулится. Он отводил назад плечи, подтягивал живот, расправлял грудь, поднимал подбородок. Он даже не удивился бы, если бы кто-нибудь ему отсалютовал.

Но его ошарашило, что даже друзья смеялись над его курткой. Они просто завидуют, говорил он себе. Хотя Рэйфорд следил за модой своих одноклассников, и когда все меняли одежду, он тоже так поступал, насмешки над его курткой не заставили его от нее отказаться. В ней он становился другим человеком — выше, увереннее, самодостаточнее. Он был мужчиной.

— Ты смотришься отлично, сынок, — сказал его отец. Обычно одобрение отца служило смертным приговором для остальных его вещей. — Я так рад, что ты так целеустремленно копил деньги.

— Насколько рад?

— То есть?

— Я коплю деньги на кое-что еще, но мне самому никогда не накопить. Мне нужна твоя помощь. Может, больше половины суммы.

— На что?

— Летные курсы.

— Летные курсы?

— У них нет возрастных ограничений, пап. Я могу летать раньше, чем получу право водить машину.

— У тебя есть еще много лет на это, — сказал отец, но Рэй увидел в его глазах восхищение.

— Если я научусь летать, то потом легко научусь водить машину, — сказал Рэй.

— Это точно. А если я тебе в этом помогу, ты пойдешь в эту профессию?

— Мне бы этого хотелось.

— Значит, нам есть что обдумать.

Марилена решила выйти на час раньше и почитать кое-что в библиотеке до встречи, но когда она вышла из двери, ее встретили трое молодых людей, двое юношей и девушка школьного возраста. У них был британский акцент, и хотя они сносно говорили по-румынски, старший группы, представившийся как Иэн, спросил, не понимает ли она по-английски.

— Putin¹, — сказала она. — Немного. Воспринимаю на слух лучше, чем говорю.

— У вас найдется несколько минут?

Марилена замаялась. Она никогда не умела отказывать коммивояжерам. Она подумала было ответить «нет» и попросить зайти позже, но на самом деле у нее было несколько минут.

— Что вы продаете? — спросила она.

¹ Немного (рум.).

— Иисуса! — с широкой улыбкой ответил второй парень. — Если у вас есть минутка, то мы быстро.

Она пригласила их в дом.

— У нас есть для вас кое-какая литература, — сказал Иэн, протягивая ей пару брошюр. — Мы просто хотим вам рассказать о том, что мы нашли в Иисусе Христе, что Он значит для нас и чем Он может стать для вас. Можно?

Марилена кивнула, но чувствовала себя нечестной. Она знала, что они собираются сказать, и чувствовала, что у нее просто крадут время. Но это ведь могло быть ответом на ее молитву. Может, так Бог говорит с ней? Она не знала, но решила, что выслушает. Эти ребята казались достаточно серьезными и восторженными, но в целом они были просто смелыми. Смогла бы она когда-нибудь поступить так же, даже если бы была верующей? Так что это был очень отважный и жертвенный поступок. Сорин никогда бы не снизошел до такого, да и вряд ли кто из ее коллег тоже.

Иэн быстро провел заученную назубок и затвержденную презентацию так называемого «римского пути спасения». Он назывался так по Посланиям к Римлянам из Нового Завета, который Марилена читала несколько лет назад. Ее поразила образованность автора и логическое построение его аргументов, но тогда она даже не думала о существовании Бога и предполагала, что если Он и был, то это исключительная собственность христиан.

Теперь она и не знала, что думать.

«Интересно, что он взял послание, адресованное именно к римлянам».

Иэн зачитал отрывок из Послания к Римлянам, глава 3 стих 22: «Потому что все согрешили и лишены славы Божией».

— И вы в это верите? — сказала Марилена. Порочность человечества также казалась ей одним из наиболее абсурдных моментов христианской теологии.

Все трое ребят закивали, но казалось, что это их прямо-таки радует.

— Мы все грешны, — сказал Иэн. — Никто на земле не невинен.

— Возможно, я нет, — сказала Марилена. Она не хвасталась. Если эгоизм или вспыльчивость были действительно греховны, то она виновата. Но неужели человек греховен только в силу своей природы? Само название — грешник — было оскорбительным, и в большинстве людей, которых она знала — даже в Сорине, — доброе перевешивало дурное.

— Если бы это было так, — сказал юноша, — вы были бы первым совершенным существом со времен Иисуса.

— Я выиграла приз? — сказала она, улыбаясь, но, насколько она видела, это их не рассмешило.

Иэн спросил, нельзя ли ему зачитать отрывок, в котором говорится о том, «на что похож грех в нашей жизни».

Марилена глянула на часы:

— Думаю, да.

Откуда эта бесящая вежливость, с которой она не может справиться? Что удерживает ее от того, чтобы просто посмеяться над этими ребятами?

Он зачитал из Послания к Римлянам, из главы 3 стихи 10—12:

«Все под грехом, как написано:
нет праведного ни одного;
нет разумевающего; никто не ищет Бога;
все совратились с пути, до одного негодны;
нет делающего добро, нет ни одного».

Да искала ли она когда-нибудь Бога на самом деле? Жажда знаний заставляла Марилену чувствовать свое интеллектуальное превосходство над верующими. Возможно, такая мысль греховна. С другой стороны, возможно, она и правда превосходила их интеллектуально.

— Всего минуточку, — сказал Иэн. — В Послании к Римлянам, глава 6 стих 23, говорится: «Ибо возмездие за грех — смерть». Здесь идет речь не только о физической смерти, мэм, но и о духовной, о вечной смерти, о полном отдалении от Бога.

Марилена проглотила колкое замечание, что-то насчет того, что для нее это не новость.

Иэн продолжал:

— Но в том же стихе есть и добрая весть. Там говорится: «Дар Божий — жизнь вечная во Христе Иисусе, Господе нашем». А в главе 5 стих 8 — самая лучшая весть: «Но Бог Свою любовь к нам доказывает тем, что Христос умер за нас, когда мы были еще грешниками». Вы это понимаете?

— Я знакома с основными положениями евангелической секты, да.

— Иисус умер за вас, заплатил за ваши грехи. И я полагаю, что вы знаете о Воскрешении.

Она кивнула. Ей очень хотелось сказать Иэну, что его минута истекла.

— В Послании к Римлянам, в главе 10 стих 9, говорится: «Ибо если устами твоими будешь исповедовать Иисуса Господом и сердцем твоим веровать, что Бог воскресил Его из мертвых, то спасешься». Мы никогда не будем обречены за наши грехи. Наконец — и на этом я закончу — автор этого послания христианам в Риме делает в главе 8 обещание: «Ибо я уверен, что ни смерть, ни жизнь, ни Ангелы, ни Начала, ни Силы, ни настоящее, ни будущее, ни высота, ни глубина, ни другая какая тварь не может отлучить нас от любви Божией во Христе Иисусе, Господе нашем». Что вы скажете на это, мэм?

— Ну... я... ну, это прекрасно. Прекрасно написано и убедительно изложено. И вы хорошо об этом рассказали. Я не уверена, что поверила в это, но...

— Мы в Румынии, — сказал юноша, и она поняла по его голосу, что торговля окончена. — Не хотели бы вы следовать римскому пути спасения? Повторение этой простой молитвы не спасет вас, только вера в Иисуса Христа сможет это сделать. Но это способ сказать Богу, что вы понимаете, где вы находитесь и что вам нужно от Него: «Господи, я знаю, что я грешница и заслу-

живаю кары. Но я верю, что ее принял за меня Иисус Христос, и через веру эту обрел прощение. Я верю в Тебя ради моего спасения. Спасибо Тебе, аминь!»

Все трое выжидающе смотрели на нее. Интересно, подумала Марилена, что они подумают или скажут, если она расскажет им, что уверена, будто Бог пытался сказать ей, кто Он, а также велел ей бежать от дьявола. А что, если они узнают, что она молилась Его злейшему врагу?

— Вы хотели бы принять Бога, мэм? — спросил Иэн.

— Нет. Не сегодня вечером.

— Но вы хотите подумать об этом?

— Как минимум.

— Это можно понять, но позвольте предупредить вас. Я не хочу давить на вас или пугать, но никто из нас не знает, сколько нам осталось. Вы кажетесь совершенно здоровой женщиной, но вы же не знаете, не попадете ли вы под машину?

— Я надеюсь, что это будет не нынешним вечером.

— Мы тоже надеемся, — сказала девушка. — Мы будем молиться, чтобы вы поступили правильно.

К их чести, ребята не давили на Марилену, и как только они ушли, она ощутила в душе и облегчение, и беспокойство. Ее давно интересовало — действительно ли эта идея прирожденного греха и спасения через Иисуса настолько проста? Эти ребяташки были уверены, что да.

Вопрос был только в существовании Бога. Марилена верила, что Он сделал сейчас больше, чем когда бы то ни было. Родилась ли она в грехе? А если так, то ее ли в этом вина? Неужто она грешница? Бог казался ей завистливым и мстительным. Он заявил ей, кто Он такой, и велел ей бежать от дьявола. И все же тот, кого Бог называл врагом, обещал ей ребенка.

Марилена решила, что не стоит торопиться с выбором стороны. На встрече она подумает о предложении первого бога, которому она молилась в своей жизни.

Будь Марилена собакой, она оскалилась бы и зарычала при виде Райша Планшетта. Вивиана представила его группе с таким энтузиазмом, что Марилене захотелось изобразить хоть какую-то радость. Но она была вынуждена признать, что в этом человеке было что-то сальное. Он не просто устанавливал зрительный контакт, он использовал его как таран. Ей, в конце концов, пришлось отводить взгляд.

Господин Планшетт был не таким, каким она себе его представляла, но в его присутствии ей трудно было вспомнить, каким именно. Ожидала ли она, что у него будут раздвоенные копыта, рога и вилы? Или он будет полностью в черном, с зализанными назад волосами?

На самом деле это оказался довольно приятным мужчиной с редющей светло-каштановой шевелюрой и крупным носом.

Он легко улыбался, и в нем не было ничего зловещего. Некоторые из их группы приветствовали его как старого доброго друга. Они с нетерпением ждали, когда он начнет свое выступление, и как только он занял место лектора, он просто очаровал Марилену.

Он был прям, как и предупреждала Вивиана, называл Люцифера своим руководителем, владыкой и объектом любви и поклонения — точно так же, как христианские телепроповедники называли Христа и Господа. Она считала их запутавшимися людьми, которые воспринимают классическое Писание буквально, но четырнадцать недель назад она еще меньше доверяла людям, которые верили в темную сторону.

Казалось, целью Планшетта было разубедить всех присутствующих в верности концепции «противника Бога».

Он обрабатывал аудиторию, расхаживая, улыбаясь, разговаривая по-свойски. Основным моментом его речи, как он сам говорил, было следующее:

— Вы, возможно, пытались взывать к библейскому Богу. И что это вам давало? Ответ прямо и сейчас? Чувство? А не казалось ли вам, что, по большей части, вы ощущали, что вас судят, рассматривают, стыдят, вторгаются в ваше сознание? А мой господин предлагает власть и действие — вещи ощутимые и полезные!

Возможно, Планшетт был специалистом в запоминании. Или, возможно, он стоворился с госпожой Авинцевой. Как бы то ни

было, в конце заседания он выдал порцию чудес. После того как он закрыл глаза и вознес молитву, он сумел назвать по имени каждого из находившихся в комнате и сделать для каждого личное предсказание.

— Титус, ваш брак восстановится.

— Атанасия, ваша хромота исцелится.

— Дорина, ваша депрессия ослабнет.

Люди ахали и вскрикивали, вздыхали и плакали.

Марилена не могла отрицать, что все это ее увлекло, ее пульс участился в ожидании своей очереди. Она в то же время молилась библейскому Богу, звала Его, дразнила Его. «Вот Твой шанс, — молча говорила она. — Покажи Себя! Сделай что-нибудь. Вступи в борьбу!»

Но она слышала в душе только повторение прежнего послания Бога: «Сопровствляйся дяволу, и он убежит от тебя».

«Но я не хочу бежать! Я хочу обещанного!»

«Сопровствляйся дяволу, и он убежит от тебя».

«Обещай мне ребенка! Дай мне то, чего я так хочу и в чем так нуждаюсь!»

«Сопровствляйся дяволу, и он убежит от тебя».

Марилена не стала сопротивляться. Как может дух, который обещал ей ребенка, быть злым? Может, она и пожалеет об этом, сказала она себе, но у Бога была возможность явить Себя и встать лицом к лицу против того, кого Он считал завистником. Это Он счел ее греховной в момент, когда она нуждалась в спасении.

А противоположная сторона обещала исполнить ее мечту и желание, и, похоже, без всяких условий. Да, есть проблема с преданной любовью. Но ведь она может вырасти из горячей благодарности, когда она выносит, родит и вырастит своего ребенка?

— Марилена, — сказал Райш Планшетт, — желание вашего сердца исполнится.

Потом Вивиана повела Марилену и господина Планшетта в бистро, где они с Мариленой впервые беседовали по душам. Планшетт настоял, чтобы Марилена называла его Райш, чего она не могла заставить себя сделать. Он так же продолжал сверлить ее взглядом, что, если бы это было не в ее натуре, она бы одернула его.

Но Марилена, однако, не стала молчать, когда Планшетт попытался сокрушить ее научными аргументами, в чем он был далеко не таким специалистом, как она. Она спросила его о моральной природе Люцифера.

— Это имя, — сказал он профессорским тоном, — происходит от латинских слов *lux* и *ferre*, почему к нему часть обращаются как к Утренней Звезде. *Lux* означает «дневной свет», а *ferre* — «звезда».

— Прошу прощения, — сказала Марилена, — уж не пытаетесь ли вы учить лингвистике меня? *Lux* и правда означает «свет», но слово «*ferre*» только с большой натяжкой можно перевести как «звезда», да и то в результате игры смыслов «проявлять» или «выказывать». Дело в том, что прежнее значение слова «*ferre*» гораздо ближе к смыслу «твер-

дый как железо». И в отношении человека или существа оно означает бесчувственный, нестигаемый, даже жестокий.

Это заставило господина Планшетта откинуться на спинку кресла.

— Блестяще, — безэмоционально сказал он. — Вероятно, вы говорите о той стороне нашего бога, которая проявляется, когда тот, кому был предложен дар за малую толику благодарности в ответ, показывает ему нос.

— Вы что же, полагаете, что мое нежелание притворяться...

— Я уверен, что он знает ваше сердце, мадам.

— Сомневаюсь. Но если так, то он знает, что я просто хочу оставаться верной самой себе. Следует ли из этого, что если я буду изображать какое-то подобие верности?..

— Он знает, когда кто-то служит двум господам.

Это остановило ее. Неужели ее жизнь не принадлежит ей? Неужели она больше никогда ничего не сможет держать в секрете?

Планшетт улыбнулся уголками рта.

— Я не всеведущ, — сказал он. — Я говорю только то, что мне передали.

— Я ученый, — сказала Марилена, стараясь, чтобы это не звучало как попытка оправдаться. — Я изучаю. Я сравниваю. Я исследую.

— Вы заигрываете с обеими сторонами, и вы можете пожалеть об этом.

— Значит, ваш бог так же мстителен, как, по его утверждениям, и его противник?

Планшетт поджал губы, отвел, наконец, взгляд и стал рассматривать потолок.

— Люцифер просто справедлив. Вообще-то он согласен сообщить, чего он желает от вас, поскольку он не обязан уступать вам ребенка.

— Говорите яснее.

Он снова посмотрел на нее:

— Вы просто сосуд, госпожа Карпати. Даже если вы поклянетесь в преданности исполнителю вашего желания, это ничто по сравнению с вашим согласием позволить вырастить из вашего сына его служителя. Несмотря на то, куда вы придете в результате ваших метаний между двумя сторонами, вы дадите согласие, чтобы Николае — и вы знаете, почему он должен носить это имя...

— Потому что оно означает «победитель народов» и это предсказано, — сказала Марилена. — Вообще-то оно мне нравится. В нем есть нечто величественное. Николае Карпати.

— Можете не клясться в преданности, последствия за ваш счет, если вы так хотите, но дайте согласие, чтобы Николае воспитывался в духе служения нашему господину.

ГЛАВА ДЕВЯТАЯ

У отца Рэя Стила был укромный уголок, в котором он любил проводить остаток дня. Пока Рэй делал домашнее задание, а его мать читала или смотрела любимые программы, мистер Стил прятался в своей уютной норке, стены которой были увешаны его рыболовными снастями и клюшками для гольфа.

Мнение Рэя по поводу убежища отца определялось причинами, по которым ему приходилось туда приходить. Ему не позволялось входить сюда, пока отца не было дома, а когда его туда звали, то всегда по какому-нибудь неприятному поводу. Рэя никогда там не наказывали, но ему приходилось выслушивать наставления и получать головомойку. Всякий раз, когда его лишали существенных поблажек, бранили, перемывали кости, он сидел за столом напротив сурового отца.

И потому, когда за обедом отец попросил Рэя зайти к нему, когда он закончит делать уроки, тот ощутил бурчание в животе.

— В чем дело? Что я на сей раз сделал не так?

Отец посмотрел на мальчика:

— Если бы я хотел обсудить это за обедом, то я не приглашал бы тебя к себе, верно?

— Это же не обязательно по какому-то неприятному поводу, — сказала мать.

Да, будто она знает.

Рэю трудно было сосредоточиться над уроками. Он хотел поскорее со всем этим покончить, что бы там ни было. Он рылся в памяти, чтобы вспомнить хоть какой-нибудь проступок. Часто он удивлялся тому, что считали оскорбительным учителя или тренеры. Он был сообразительным и талантливым пареньком и не намеревался перед кем бы то ни было хвастаться или ставить кого-то на место. Иногда он знал больше своих учителей, но, ведь когда он их поправлял, он и не думал кого-нибудь обижать.

Не сделал ли Рэй чего-то подобного в последнее время? Он не мог вспомнить. Может, сказал что-то обидное друзьям, они пожаловались родителям, а те — его родителям? Он покачал головой. Решил, что вот спустится к отцу в его нору и узнает. Он шел на высокие оценки в этом семестре и не хотел недорабатывать по домашнему заданию — особенно по математике и естественным наукам.

Через час, поставив точку в математических расчетах, Рэй спустился к отцу и уви-

дел, что тот сидит за столом и читает журнал. Отец поднял руку, Рэй подождал, пока тот дочитает и отложит журнал.

— Садись, Рэй.

Вот тебе на! Похоже, общение будет весьма формальным.

Отец подался вперед и сложил ладони вместе.

— Рэй, я хотел тебе сказать, что за последние несколько месяцев ты сделал большие успехи.

— Правда?

— Да. Я горжусь тобой. И я хочу рассказать тебе о своих намерениях. Я хочу заключить с тобой сделку. Ты будешь продолжать так же усердно учиться и получать хорошие оценки?

— Хорошие? Да у меня почти везде «отлично»!

— Что же, я должен сказать, что это хорошо. И когда тебе будет тринадцать...

— Этого еще долго ждать, пап.

— Я знаю. Теперь послушай меня. Когда тебе будет тринадцать, я дам тебе работу на неполный день в магазине.

— А как же спорт и?..

— Мы все уладим. Ты поначалу будешь только мыть, убирать и выносить мусор, как-то так. Я не хочу тебя отрывать от спорта и буду давать тебе больше денег.

— Вместо моих карманных денег?

— В дополнение к твоим карманным деньгам.

— Правда?

— Стопудово. Я следил за тобой, Рэй. Ты не тратишь денег напрасно. Ты ставишь цель и добиваешься ее. Побольше бы мне таких работников, как ты.

— Даже так?

— Почти. С этим все. Когда со своими карманными деньгами и заработком ты начнешь получать достаточно денег, чтобы заплатить за половину летних курсов, остальную половину я возьму на себя.

— Пап, ты серьезно?

— Спрашиваешь. Но запомни — ты должен выполнять условия сделки.

— Ты шутишь? Да я что угодно сделаю!

— Тогда по рукам.

Рэй встал и уже готов был сорваться с места, чтобы рассказать обо всем матери, которая, как он вдруг понял, наверняка уже все знала. Но ему надо было с кем-то поделиться.

— Еще одно, Рэй, — сказал отец, показывая на стул. Рэй снова сел. — Как только ты зарекомендуешь себя на черных работах в инструментальном цеху, я начну обучать тебя работать с кое-какой механикой.

— Круто!

— За это платят больше, кроме того, тебе надо осваивать этот бизнес.

— Этот бизнес? Зачем?

— У меня есть одна мечта, Рэй. Я ничего не хочу так сильно, как передать тебе свой бизнес. Ты его унаследуешь. Стил и сын. Это так гордо звучит. У тебя будет хорошая жизнь.

У Рэя поникли плечи. Как же это можно — так высоко взлететь и так быстро рухнуть на землю?

— Пап, а что, если я не хочу заниматься этим бизнесом? Ты же знаешь, что я хочу летать.

— Я бы тоже хотел летать на собственном самолете к моим клиентам и поставщикам. Ты можешь это сделать, обеспечить себе еще и развлечение в жизни.

— Ты собираешься меня заставить это сделать?

— Что ты имеешь в виду, Рэй?

— Я обязан пообещать заниматься этим бизнесом, чтобы выполнить свою часть сделки, получить работу и летные курсы?

Отец вздохнул и покачал головой:

— Я не хочу заставлять тебя, сын, но я уверен в том, какого будущего я хотел бы для тебя.

— Но что, если это не то, чего хочу я?

— Да откуда тебе знать, чего ты хочешь? Тебе даже десяти лет нету! Почему бы тебе не познакомиться с бизнесом беспристрастно, не поучиться его вести, а затем уже решать?

— Потому, что если я решу, что все равно хочу стать летчиком или вырасту до семи футов и попаду в НБА, то ты же обидишься.

Отец хмуро глянул на него:

— Может, и так. Я просто предложил тебе возможность, Рэй. Не отказывайся от нее.

— Если, пап, ты не будешь брать в голову, то и я.

— То есть?

— Если мне твой бизнес придется по душе и я захочу им заниматься, я тебе скажу, но если я захочу пойти в колледж и на военную службу, чтобы зарабатывать себе на жизнь полетами, ты тоже не будешь против.

— И что? Мне продать свой бизнес кому-нибудь, кто его просто перепродаст ради выгоды кому-нибудь левому, кто ничего в этой работе не понимает и не любит ее? Я всю свою сознательную жизнь создавал дело, которое нас кормит и...

— Я понимаю, пап. Может, я буду достаточно богат, чтобы им владеть и сделать так, чтобы кто-нибудь вел его как следует, даже если я сам заниматься им не буду.

— Вообще-то я полагал, что ты обрадуешься, узнав, что твое будущее обеспечено.

— Я рад работе, пап, и летным курсам. Правда.

— Не похоже.

— Извини. Я просто подумал, что ты хотел, чтобы я был с тобой честен.

— Я хотел, чтобы ты был благодарен.

— Я благодарен! Это самое лучшее, что ты мог мне дать!

— Ну, запомни — все зависит от того, как ты себя зарекомендуешь начиная с нынешнего дня. И еще одно. Никому об этом не рассказывай.

— Почему?

— Просто не рассказывай.

— Но я не понимаю почему...

— Просто это никого не касается, вот и все. Я знаю, что тебе хочется похвастаться

своим друзьям, но не надо. Зрелость еще и в том, чтобы знать, что сказать и чего не говорить, а тут и говорить не о чем. Они сами узнают, когда начнешь работать.

— Особенно когда я начну ходить на летные курсы, — сказал Рэй, хотя до этого, казалось, еще много-много лет.

— Ну вот...

Рэй едва мог уснуть. Ожидание тринадцатого дня рождения будет самым долгим в его жизни.

— Документы при вас? — спросил Вивиану Райш Планшетт.

Она достала из портфеля конверт, а из него вытряхнула папочку, которую передала ему. Когда он достал из него бумаги, Вивиана подмигнула Марилене.

Планшетт разложил перед собой документы и повернул их так, чтобы Марилена могла их прочесть.

— Înselăcuine¹ Industrie — лучше всех. Они наиболее продуманно продвигают технологию генной инженерии. Мы говорим о новейшем геноме их разработки, который они описывают вот здесь.

Марилена никак не могла унять дрожь в руках, поднося документы к глазам, чтобы прочесть.

¹ Обман (рум.).

Она не была сильна в естественных науках, но основную мысль уловила. «Объект» (то есть она) будет оплодотворен в самый оптимальный момент ее репродуктивного цикла при помощи гибридной спермы, содержащей гены двух мужчин, одного — с зашкаливающим индексом интеллекта, второго с этим показателем выше среднего уровня, а также со склонностью к атлетическому телосложению и тем, что *Inselacuine* довольно смело называли «приемлемыми в культуре физически привлекательными внешними данными».

— Посмотрите, — сказал Планшетт, показывая ей компьютерный портрет потрясающе красивого молодого человека.

— Боже мой! — воскликнула Марилена, рассматривая его. Ее трудно было поразить внешним видом, но этот блондин с твердым подбородком, прекрасными зубами и пронизательными синими глазами более чем впечатлял. В нем была уверенность, в глазах — ум и знание. — Кто это?

— Скажем так — электронное предположение, — ответил Планшетт, — построенное на самых точных, имеющихся у *Inselacuine* данных. Так будет выглядеть ваш сын в возрасте двадцати одного года. Николае Карпати будет выдающимся, красивым человеком.

— Если я соглашусь, — сказала Марилена, не в силах оторвать взгляд от изображения.

Планшетт выпрямился в кресле.

— А почему бы вам не согласиться?

А правда — почему? Марилена чувствовала себя так, будто бы случайно потянула дверь, а та возьми да распахнись, стукнув ее по лбу.

— А почему бы не вам, Вивиана? — спросила Марилена. — Вы-то верите. Разве для вас это не восторг, не честь?

Вивиана рассмеялась:

— Я слишком стара. Да к тому же трусиха. Даже представить себе не могу, как это я буду рожать. Это подарок для вас, Марилена. Вы хотите ребенка и жаждете стать матерью. Может, вы и думаете, что пришли к нам просто для того, чтобы отвлечься, но ваша психическая энергия такая мощная, аура столь сильная для духовного мира, что одно ваше желание передало вашу готовность тем, кто может ваше желание удовлетворить.

— И какова цена? — сказала Марилена.

Планшетт достал последний листок из папки. Марилена просмотрела стоимость различных стадий процедур, затем глянула на итог.

— Триста пятьдесят миллиардов лей? — воскликнула она. — Вы шутите?

— Примерно десять миллионов американских долларов, — уточнил Планшетт. — Понятно, что не из вашего кармана.

— Это уж точно, — сказала Марилена. — Вы должны понимать, что это в двести раз больше моего годового заработка, который я потеряю, если перееду в Клуж.

Планшетт подался вперед и серьезно заговорил:

— Выслушайте меня внимательно, госпожа Карпати. Я знаю, что сейчас вам не легко. Я не знаю вас, вы не знаете меня. Возможно, мы начали не с того, не поняли друг друга. Я не знаю. Я бы солгал, если бы сказал, что знаю о вас достаточно и восхищаюсь вами. Но факт в том, что вы — избранная. Духи ясно сказали об этом госпоже Авинцевой, и мне, и, полагаю, вам. Честно говоря, я вам завидую. Я настоятельно прошу вас согласиться. Пока вы воспитываете своего сына в догматах нашей веры, о вас будут заботиться.

— Но это будет мой сын? Или он будет принадлежать вам и вашим духам?

— Он будет вашим сыном до достижения двадцати одного года, пока вы будете выполнять свою часть сделки — что, по сути дела, не так уж и много.

— А что, если я решу, что все это правда, что мир духов реален, что?..

— Если вы до сих пор этого не поняли, тогда мы ошиблись с выбором.

— Согласна. Но если я верю в Люцифера и в то, что он имеет право на престол Бога, то я должна поверить и в существование Бога?

— Или в того, кто называет себя Богом. Естественно, мы считаем его узурпатором, недостойным и обреченным на провал.

— Позвольте мне поразмышлять вслух, господин Планшетт. Если по ходу моего исследования я приду к противоположному выбору?..

— Другими словами, переметнетесь в другой лагерь? Вы потеряете ребенка, привилегии и защиту.

— Я дам вам знать.

— *Inselacupine* готовы в любой момент. Вас обследуют, вы пройдете тестирование, вас подготовят к оптимальному моменту зачатия.

— Я скажу вам.

— Вряд ли вы откажетесь от такой возможности.

— Я еще не решила, сударь. И уж конечно, не решусь ничего делать, пока не определюсь окончательно.

— Это честно. Но не думайте, что вы — единственная.

— Что вы хотите сказать?

— Только то, что кандидаток пруд пруди. И, честно говоря, мало ли чем они могут заставить весы качнуться в их сторону?

— Если я недостойна, то почему я избрана?

— Понятия не имею, — сказал Планшетт. — Просто я знаю, что сейчас, в это время, решение остается за вами. На вашем месте я не стал бы тянуть и испытывать терпение духов.

— Еще одно, — сказала Марилена. — Ваша ассоциация наверняка куда крупнее, чем я могу себе представить, но явно не настолько, чтобы позволить себе оплачивать такие счета. Откуда берутся деньги?

Повисла неловкая тишина. Планшетт и госпожа Авинцева переглянулись.

— Это от одного благотворителя, — сказала Вив.

— Благотворителей, — перебил ее, вставая, Планшетт. — От друзей, о положении и количестве которых мы, по большей части, ничего не знаем.

Марилена тем вечером не могла вынести темноты и одиночества пустой квартиры. Она бросила сумку и проверила автоответчик. Как заботливо со стороны ее мужа оповестить ее, что сегодня он ночевать дома не будет. Она закуталась, потому как в доме было холодно, взяла конверт с компьютерным портретом и отправилась на долгую, медленную одинокую прогулку.

Проходя мимо автобусной остановки, она увидела молодую мать, державшую на руках уснувшего ребенка. Она поправляла толстое розовое одеяльце, сюсюкая:

— Скоро мы будем дома. Папочка ждет нас.

У Марилены заныли руки, не знавшие ребенка. Но как же можно принять такое решение? Что говорит за? Больше не будет одиноких ночей. Больше не придется думать и даже тревожиться о том, где сейчас ее муж и что он делает. Против? Придется радикально изменить привычный образ жизни. Сможет ли Вивиана Авинцева — или Вив Айвинз, или как она еще хочет себя теперь называть — как следует подтолкнуть ее к этому решению в интеллектуальном смысле? Су-

меет ли она достаточно повлиять на Марилену, чтобы та могла по-прежнему читать, вести исследовательскую работу, учиться и совершенствоваться? И что будет с их дружбой? Она же может умереть, так и не начавшись.

Если рассматривать только за и против, то решение очевидно. Марилена не стала снова смотреть на портрет, поскольку чувствовала, что просто сорвется. Она решила не доставать его из конверта, пока не будет уверена в себе.

Марилена не слишком хорошо себя чувствовала для долгой прогулки, но беспокойство толкало ее вперед, и она шла и шла. У нее просто не было беспристрастного собеседника, с которым она могла бы обсудить решение, от которого зависела ее жизнь. Ее не удивляло, что Вивiana и ее Свенгали¹ подталкивали ее к выбору в пользу духов. Марилена могла попытаться поговорить с юными проповедниками-евангелистами, но они явно не дотягивали до ее интеллектуального уровня и, конечно, вряд ли могли быть объективны.

Если молиться, то кому? Она испытывала некоторую гордость, утешение в том, чтобы не приносить обета верности тому, кто обещал ей сына. И все же демонстрация его могущества через ясновидящих и медиумов, пророков, чародеев, гадателей на картах Таро и спиритов поколебала ее. Она уже не

¹ Персонаж романа «Трильби» Джорджа Дюморье, гипнотизер

сомневалась в реальности мира, лежавшего за пределами обыденного бытия.

И, несмотря на протесты Вивианы Авинцевой и Райша Планшетта, в этом мире духов шла борьба. И предводители сторон завидовали друг другу, соперничали, будучи диаметрально противоположностями. Как Марилена могла сравнить достоинства соперничающих сторон, когда она только-только согласилась с существованием нематериального мира?

На самом деле она и не желала принимать ничью сторону. Это была не ее война. Только вот согласившись принять дар — сына, — она поддержит одну из сторон, правда, ей лично было все равно, кто победит. Ощутимая, поддающаяся оценке мощь была знаком той стороны, которую она узнала лучше.

Чудеса, которыми похвалялась другая сторона, казалось, подтверждались древними текстами, которые проверить было невозможно. Марилена не видела за всю свою жизнь ни единого чуда. На самом деле больше всего смертей в истории приходилось на долю природных катаклизмов — а это страховые компании называли Божьим промыслом, — и это служило доказательством того, что Ему либо все равно, либо Он просто умыл руки. Старый вопрос «Если Бог существует, то почему же на свете столько страданий?» оставался по-прежнему актуальным. И Марилена не знала ответа.

Назойливые евангелисты с их вечными улыбками и известие о том, что она, как и все

прочие — кроме Иисуса — были рождены во грехе, мало помогали в выборе стороны. Марилена не считала, что ей владеет гордыня, несмотря на ее уверенность в том, что она — как и почти все, кого она встречала в жизни, — в душе хороший человек.

Вот и все. Она не была готова поставить на Люцифера, еще не до конца поняв его мотивы и планы. Но она могла согласиться с условием, что будет растить сына как его ученика, всем сердцем веря, что молодой человек окажется достаточно разумным, чтобы однажды самому решить, на чьей стороне он находится в этом противостоянии в мире духов.

Что до противоположной стороны, она просто не видела в ней правды. Почему же Господь позволяет людям рождаться во грехе? Почему они лично в этом виновны? Разве у них есть шанс?

Марилена села под уличным фонарем на невысокую бетонную оградку парка. Достала портрет из конверта и повернула его к свету. И влюбилась в изображение своего возможного сына.

Она решительно повернула к дому, чтобы, несмотря на поздний час, позвонить Вивиане Авинцевой. Скорее всего, она ее разбудит, но Вивиана будет в восторге.

Но мозг Марилены постоянно сверлила фраза: «Отрекись от дьявола, и он покинет тебя».

— Откуда мне знать, что это дьявол? — сказала она вслух.

— Испытай духов.

— Дух Люцифера я оценю по тому, даст ли он мне то, что обещал, — сказала она.

— Отрекись от дьявола, и он покинет тебя.

— А если я отрекусь от Тебя, то Ты тоже покинешь меня?

— Опасайся пренебрегать Мной.

— Но ведь Ты называешь другого, явно более сильного духа дьяволом?

— Отрекись от него, и он покинет тебя.

— Нет уж. Я отрекаюсь от Тебя.

И желание Марилены исполнилось. Молчание. Благословенное молчание.

ГЛАВА ДЕСЯТАЯ

Специалисты из Înselăcuine Industrie сказали Марилене, что первая попытка ее оплодотворения прошла «как по маслу, просим прощения за каламбур». Она надеялась, что у нее появится какое-то новое ощущение, что ее охватит какое-то осознание удовлетворения материнского инстинкта, но, возможно, это будет позже.

Как только Марилена начала выходить, она написала заявление об увольнении — конец семестра приходился на четвертый месяц ее беременности. Расставание с Соринем было взаимно удовлетворяющим, почти дружеским. Ее даже поразила его заботливость. Он очень много помогал ей в обустройстве и даже платил студентам за то, чтобы они помогли ей переехать в Клуж. Он даже на словах согласился выполнить ее просьбу поддерживать с ней связь по элек-

тронной почте после ее переезда. Выполнит ли он обещание — она не могла сказать. Конечно, Марилена подозревала, что чуткость Сорина по отношению к ней была, скорее, связана с радостным предвкушением совместной жизни с Бадунной, но она все равно была ему благодарна.

Как ей и предсказывали, беременность Марилена переносила легко и без неожиданностей, но не обошлось без волнений со стороны акушера. Он-то ничего не знал об особенностях зачатия ее ребенка, но вскоре, конечно же, понял, что муж тут ни при чем. На приемы ее сопровождала Вив, которая представлялась сестрой Марилены.

— Мы совсем не похожи, — говорила Марилена.

— Да никто не задумается, — сказала Вив. Она оказалась права. Сестры часто не похожи друг на друга. Марилена вскоре поняла, что с удовольствием представляет Вив именно как старшую сестру. Хотя Марилена не имела предубеждений против лесбиянок, ей почему-то не хотелось, чтобы ее такой посчитали.

Хотя Марилена знала, чего ожидать от своей беременности, она все равно против воли заволновалась, когда ее врач высказал тревогу на сроке в четыре с половиной месяца. При ультразвуковом сканировании она увидела плод размером примерно в авокадо. Но доктор говорил, что на этом сроке она должна почувствовать первые толчки, и когда она сказала, что ничего не ощущает, и он тоже ничего не обнаружил, лицо его помрачнело.

— Вероятно, спит, — сказал он. — Но держите меня в курсе.

— С ним все в порядке?

— Сердцебиение сильное, быстрое. Нормальное. Скоро он доставит вам много хлопот.

Но все оставалось по-прежнему. И Марилена, несмотря ни на что, заволновалась.

Вслух.

— Нам говорили, что он не будет шевелиться, — сказала Вив. — Вот если бы начал — тут следовало бы волноваться.

— Но разве плод не должен шевелиться, чтобы развиваться?

— Вероятно, нет. Мы также знаем, что он будет совершенно здоров.

— Надеюсь.

— В тебе мало веры.

Марилена была рада, что Вив взяла на себя самую сложную часть работы по устройству хозяйства в домике в Клуже. Он был деревянный, с бревенчатыми стенами, с очагом, пропитанный приятным запахом дыма без привкуса чада. Тот, кто построил его лет сорок—пятьдесят назад, понимал толк в вентиляции. Вив привлекла Марилену к выбору обстановки, и вскоре домик стал уютным, пусть и заставленным.

Две вещи озадачивали Марилену — секретность, на которой настаивала Вив, и отказ курить исключительно вне дома.

— Ребенку ничего не грозит, — говорила она. — А ты столько лет прожила с курильщиком трубки, так что тебе уже нипочем.

Марилену тянуло настоять на своем, но она решила, что не уступит в чем-нибудь другом. Также ее раздражало, что Вив поставила замок в собственной спальне, а не только на входной двери. Мастер провозился полдня в самой комнате, но, поскольку Вив внутрь ее не приглашала, Марилена никак не могла понять, что же там такого тайного?

Ее наставница также заставила ее питаться более здоровой пищей и много гулять. Марилена давно так хорошо себя не чувствовала. И с каждым прожитым днем ее ощущение предвкушения — и тревоги — все усиливалось. Ей не терпелось стать матерью, но она представляла себе всю сложность этого. Хотя ребенок по-прежнему не шевелился, Марилена ощущала крохотные выступления тут и там. Только иногда они ощущались нормально, словно она могла понять их расположение и форму. Чаще всего ей казалось, что у ребенка слишком много косточек, рук и ног, и, боже мой, иногда она нащупывала две головы. А вдруг она беременна уродом?

Высокоскоростной беспроводной Интернет работал безупречно, и вскоре Марилена начала несколько исследований на основе частичной занятости для своих бывших коллег и новых клиентов. Все это было слишком хорошо, чтобы быть реальностью. Она могла читать, проводить исследования и оформлять материал так, как было бы лучше всего для аудитории или преподавателя. Ей нравилась ее жизнь.

Однако как-то раз утром, когда она проверяла свою почту, она вдруг получила сообщение от бывшего коллеги, который сообщал о самоубийстве жены Бадуны, причем писал он так, будто бы полагал, что Марилена об этом уже знает. Марилена встречалась с госпожой Марьюс несколько раз на факультетских корпоративах. Говорили, что она смирилась с гомосексуальностью мужа и его желанием развестись с ней и создать семью с Сориним. Даже хотя Сорин согласился не разводиться с Мариленой до рождения ребенка, как только она уехала, Бадуна оставил жену и переехал к Сорину. Похоже, этого госпожа Марьюс уже не смогла перенести, и ее обнаружили в маленьком гараже на сиденье машины с работающим мотором.

Марилена разозлилась, что это известие она получила не от Сорина. Но ему даже не хватило такта сказать ей, что у нее уже есть замена — она это узнала от другого старого друга. Марилена писала ему каждые две недели и пока ни разу не получила ответа. Она с трудом верила, что он не сообщил ей о трагедии.

— Мне надо поехать на похороны, — сказала Марилена Вив.

— Конечно. Я тебя отвезу на машине. Но мне там делать нечего.

— Я уверена, что тебя примут радушно.

— Я подожду тебя. Ты ведь захочешь выразить сочувствие мужу? Дети у них есть?

— Уже взрослые.

— Ну хотя бы это хорошо.

Марилена написала Сорину, чтобы тот встретился с ней на похоронах, и, к ее огромному разочарованию, он опять ей не ответил. Она отправила несколько писем для проверки связи и, в конце концов, получила скупой ответ: «Да, слышу тебя хорошо и четко».

Оказавшись на печальном событии, она с еще большей тревогой увидела, что не только Сорин решил держаться в стороне — чем больше она об этом размышляла, тем расчетливей ей такое поведение казалось, — но и Бадуны тоже не было видно. Когда она спросила о нем, его дети и родственники его жены замкнулись, в глазах их мелькнула ненависть.

Отсутствие Сорина было худо-бедно понятно. В конце концов, он был разлучником, он был причиной разрыва и, таким образом, косвенно стал виновником смерти. Но чтобы Бадуна даже не посетил похороны жены? Они еще даже не были разведены!

До Марилены дошли еще более неприятные слухи — если вообще бывают слухи неприятнее — о том, что через неделю после смерти жены Бадуна отпуская шуточки по ее поводу прямо на семинарах. Похоже, кому-то из студентов хватило наглости спросить: правда ли, что его жена покончила с собой, потому, что Бадуна ушел от нее?

— Да, — ответил он. — Понимаете, я знал, что она порой ужасно устает, но я никогда не думал, что она совсем откинется.

Ходили слухи, что он переступил черту, так что никто не смеялся. И университет

сейчас подыскивал подходящее наказание за такие выступления. Обычно в таких случаях делом занимался сам декан, но точно не в этом случае...

Эта катастрофа просто лишила Марилену речи. Ей было любопытно, как отреагировал на это Сорин, но он явно не желал с ней общаться. Она надеялась, что, если сообщит ему о своем приезде на похороны, он хотя бы захочет встретиться с ней, если не там, то еще где-нибудь в Бухаресте. Но она надеялась напрасно.

На следующем приеме у врача тот трижды спросил Марилену, не заметила ли она хотя бы слабого шевеления плода.

— Он много спит, — решил доктор, — но ведь не двадцать четыре часа в день.

Марилена расплакалась, когда доктор попытался расшевелить ребенка, чтобы передвинуть его в положение, где бы он мог свободнее шевелиться. Безрезультатно.

— Возможно, будет лучше, если сейчас к нам присоединится ваша сестра.

Когда все они втроем оказались в смотровой, доктор стал объяснять причины неподвижности ребенка.

— Паралич. Замедленное развитие. Дисфункция мозга.

Марилена ахнула, но Вив спокойно улыбнулась.

— Я уверена, что с ним все в порядке и будет в порядке.

— Я просто хотел подготовить вас, — сказал доктор.

— Мы готовы, — ответила Вив.

Марилена внимательно посмотрела на нее.

— Я рада, что ты так уверена.

До сих пор Вив была удобной соседкой, если не считать курения и пристрастия к уединенности. Она искренне и самоотверженно ухаживала за Мариленой. Она была женщиной умной, пусть и не настолько интеллектуальной, как Сорин. Марилене не хватало общения с ним. Но Вив, как оказалось, быстро все схватывала и откровенно радовалась, когда Марилена рассказывала ей о прочитанном или о своих исследованиях. Свободное время Вив проводила за картами Таро или спиритической планшеткой, взывая к духам, служа медиумом и даже занимаясь автоматическим письмом.

Марилене все это казалось чудачеством. Вив брала ручку, подготавливала лист бумаги и вводила себя в состояние транса. Кивнув и закатив глаза, она начинала писать быстро и яростно, в стиле «потока сознания». Никто не может мыслить так быстро, и она заявляла, что потом ей все это приходится перечитывать, чтобы понять, что ей хотели передать.

Вот случайный результат одной из ее сессий:

«Дитя в утробе будет всегда служить мне. У него будет сверхъестественная защита,

хотя однажды он будет смертельно ранен, но я подниму его из мертвых, чтобы он продолжал поклоняться мне, и ему будут поклоняться, и он станет назначенным мною пророком, который будет наставлять весь мир и народы, и предводителей, дабы они преклонили колена и склонили головы предо мной. Но та, кто вынашивает его, тяжело пострадает, если не будет разделять его преданности, и на том конец посланию».

— Что ты поняла из этого послания, Марилен? — спросила Вив, когда пришла в себя.

— Мне не понравились слова насчет смертельного ранения.

— Не пора ли тебе как-то выстроить в нужном направлении собственные мысли?

— Дело не в выстраивании, — сказала Марилен. — Это должно быть реальным. Я должна это прочувствовать.

— Ты хочешь страданий?

— Конечно, не хочу, но я не хочу, чтобы и мой сын пострадал. Так что, если я буду прикидываться, мне не будет прощения.

На девятом месяце беременности Марилен почувствовала себя так плохо, что и вообразить невозможно было. Ее доктор высказал серьезные сомнения.

— Если ребенок не шевелится перед рождением, он наверняка будет всю жизнь неподвижен, даже если его пульс и дыхание в порядке.

Вив отмела эти страхи напрочь.

Марилена же никак не могла отделаться от этой мысли.

Когда до срока родов осталось около недели, Вив получила от духов срочное, тревожное послание через карты Таро. Она тут же взялась за планшетку и не преминула указать Марилене, что планшетка ясно сказала ей: «Готовьте жертву».

На следующее утро Вив съездила по делам и вернулась с мышеловкой и маленькой клеткой.

— Тут даже намека на мышей нет, — сказала Марилена.

— Тем не менее для жертвы нужнамышь.

— Для чего?

— Поверь мне.

Через два дня женщин разбудило поскребывание мыши в мышеловке. Вив быстро сунула ее в клетку, гдемышь так носилась и пищала, что Марилене пришлось включить небольшой вентилятор, чтобы приглушить эти звуки и поспать.

На следующую воскресную ночь Марилена почувствовала себя настолько худо, что и подумать о сне не могла. Она вытянулась на кровати, насколько это у нее получилось. Она металась, вертелась и спустя несколько часов подумала, что ощущает первые схватки. Но как понять точно? Она не хотела будить Вив, пока не будет настоящей необходимости. Но через час она поняла, что время настало.

Боль и предвкушение подхлестывали Марилену. Она знала, что первые роды могут тянуться долго, к тому же было два часа утра понедельника. Но когда она разбудила Вив, оказалось, что та нервничает даже сильнее ее. Дрожащими пальцами она схватила заранее заготовленную сумку с вещами, а другой рукой обхватила Марилену и помогла ей сесть в машину. Как только молодая женщина усеялась, она побежала назад к дому.

— Ты куда? — крикнула Марилена. — Нам ехать надо!

Вив бросилась в дом и вскоре высочила с мышинной клеткой в руке и горстью цветных маркеров.

Марилена подумала, что женщина спятила.

— Сегодня ночью я увижу избранного, — сказала Вив.

— Я думала, что избранная — это я, — выдавила улыбку Марилена.

— Ты просто сосуд, дорогуша. И я вижу тебя каждый день.

По дороге они почти не встречали машин. Марилену поразила чернильная темнота ночи. Она не видела ни облаков, ни луны ни, как ни странно, звезд.

— Ты когда-нибудь видела такую темень? — заметила она.

— Хоть глаз выколи, — сказала Вив.

Марилена уже собиралась сказать ей, что это неоригинально, но тут ее скрутил очередной приступ схваток.

В медицинском центре Клуж-Напока медсестра сказала Вив Айвинз, что животные внутри не допускаются.

— Сударыня, — сказала Вив настолько жестко, что Марилена изумилась, она прежде такого от нее не слышала, — это не домашнее животное. Это существо, необходимое в религии госпожи Карпати.

— Прошу прощения, но...

— Никаких «но». Не пытайтесь распространять ваши провинциальные правила на пациентов и покушаться на свободу их религиозных взглядов! Вы сами понимаете, что у нас нет времени на вызов сюда нашего адвоката и представителей власти, но я это сделаю, если вы меня вынудите!

— Доктор никогда...

— Я скажу ему то же самое, что и вам! Вся ответственность ляжет на вас! Не подвергайте жизнь ребенка опасности, затягивая процедуру!

В родильном покое схватки Марилены из тяжелых превратились в просто невыносимые, но она отказывалась от анестезии. Сердцебиение ребенка оставалось сильным, но доктор по-прежнему мрачно смотрел на отсутствие движений плода.

— Готовьтесь получить неполноценного ребенка, — сказал он.

Вив начала читать ему лекцию насчет того, что «нельзя беспокоить мать в такие моменты», но предмет разговора быстро сменился, когда доктор увидел мышь. Вив предупредила

его насчет воспрепятствования религиозной практике Марилены.

— Впервые вижу такое, — сказал он. — И какая же религия требует присутствия мыши в родильном покое?

— Наша, — отрезала Вив. — И она останется в родильном покое, так что покончим с этим. — Она снова повторила, что обвинит и его, и госпиталь. Быстро подготовили документ, в котором об этом говорилось, и Вив подписала его. Когда доктор попытался получить еще и подпись Марилены, Вив пригрозила, что поднимет такую шумиху, что ему мало не покажется, и он отступил.

— В любом случае нам надо сейчас отвезти ее в родильную палату, — сказал он.

Боль мучительных схваток и потуг настолько измучили Марилену, что ей хотелось, чтобы Вив села рядом, взяла ее за руку, успокоила, помогла дышать. Но та сновала тут и там, зачем-то поставив мышь на стальной стол, затем принявшись рисовать круг на полу вокруг постели, заключив в него двух медсестер и доктора.

— Какого дьявола вы тут делаете? — сказал доктор, и Марилена чуть не расхохоталась.

— Не обращайтесь на меня внимания, — сказала Вив. — Это часть нашей религиозной практики.

— Что вы тут рисуете? — спросила одна из медсестер.

— Занимайтесь своим делом, — сказала Вив, — и не лезьте в мое.

— Но это же пентаграмма? Пифагорейская звезда! А это что за окружность?

— Круг, — сказала Вив. — Из «Grimorium Verum».

— Это что такое?

— «Истинный гримуар» начала XVI века.

— А что такое гримуар?

— Книга для призывания...

— Вив, ну хватит! — крикнула Марилена. — Ты ребенка пропустишь!

— Никогда, — ответила Вив, усевшись наконец рядом с мышью.

Примерно в половину четвертого утра Марилена поняла, что время настало. Когда она подумала, что у нее больше нет сил ту-житься, доктор сказал:

— Головка появилась.

Краем глаза Марилена увидела, как Вив сунула руку в клетку и попыталась поймать зверька. Марилена была не в том состоянии, чтобы сосредоточиться, но все же расслышала имена вроде Хамерон-Данохар-Пеатам и Люцифер¹. Наконец — амен.

— Еще разок! — сказал доктор.

Марилена вскрикнула, ощутила, что ребенок пошел. Она металась, с каждым поворотом головы она видела полуобморочную Вив Айвинз. Она крепко держала в одной руке пищащую мышь, и сквозь свои стоны и крики Марилена слышала писк перепуганного зверька.

В другой руке Вив держала маленький блестящий нож. Когда ребенок вышел из

¹ Так называемое «Заклинание Люцифера».

чрева Марилены и упал в руки доктора, Вив подняла мышь над головой и умело перерезала ей глотку.

Марилену чуть не стошнило от звуков капающей на пол крови, но их быстро заглушил крик ребенка.

— Ну, с легкими-то у него все в порядке! — воскликнул доктор. — И чтоб я провалился, если ручки и ножки у него не шевелятся нормально!

Вив схватила бумажку, которой она выстлала клетку, завернула в нее обмякшего зверька и сунула назад. Она выскользнула прочь с клеткой, словно распоряжалась тут как хозяйка, и в окошко Марилена увидела, как она моет руки в раковине врача. Когда она вернулась, клетки уже не было.

— И как мы назовем этого крикуна? — сказала медсестра с улыбкой в то время, как другая сестра обмывала ребенка.

— Николае Карпати, — сказала Марилена, тяжело дыша и произнося это имя вслух для медсестры.

— А еще одно имя?

— У нас целый список, — сказала Марилена. — Что выберем, Вив? Сорин?

— Мне никогда это имя не нравилось. И ты против всего, что связано с миром духов. Подойдет имя Райша Планшетта, к примеру. Подумай.

— Нет, — сказала Марилена. — Он никогда мне не нравился, и я ему не доверяю.

— Ты в нем ошибаетесь, но сейчас не время об этом говорить.

— А как насчет имени Ночь, раз уж он родился ночью?

— Или Рассвет, — сказала Вив. — Ведь по времени уже утро.

— Никогда не видела такого темного утра.

— Чернота.

— По-английски «джет» — «блестящий черный», Вив.

— И как ты назвала бы эту ночь?

— Джетти.

— Мне нравится, — сказала Вив.

— И мне. Итак, Николае Джетти Карпати. Николае Джи Карпати.

— Это уж точно единственное в своем роде имя.

— Я никогда не слышал такого имени прежде, — сказал доктор, кладя ребенка на грудь Марилены. — Интересное имя. Впечатляющее.

Но Марилена уже не слушала, не думала, что намерена делать Вив. Ребенок был весь красный и вопил. Она прижала его к себе, качала, утешала, но он только громче орал.

— С характером, — сказал доктор. — Я счастлив — честно говоря, поражен, — что он родился совершенно нормальным.

— Он не просто нормальный, — сказала Вив. — Он само совершенство.

Ники Карпати был физически здоровым во всех отношениях ребенком и быстро

рос. К тому времени, как в возрасте одного года он сделал первый шаг, он уже знал несколько слов, включая «мама», «тетявив» и «книга». Через три месяца он был типичным малышом, любопытным и лезущим повсюду. Вивиана Авинцева — которая теперь называла себя исключительно Вив Айвинз — сказала Марилене, что никогда не видела такого любознательного малыша. Он явно любил, когда ему читали и пели.

Марилене, конечно, не с кем было сравнивать Ники. Она постоянно восхищалась им и чувствовала себя так, словно ее жизнь только что началась.

Но больше всего Марилену впечатляли две вещи. Кроме того, что она ощущала свое материнство так, будто с самого начала была для этого предназначена, ее волновал аналитический склад ума Ники и контраст между его с виду спокойным характером и случайными выходами.

Любознательность Ники проявлялась в его играх. Они с Вив просто засыпали его игрушками, но надолго они не могли занимать его внимание. Ему быстро надоедали игрушки, в которые он играл еще накануне, и он принимался за исследования. Его интерес привлекали сковородки, кастрюльки и ложки, и Марилена уже и не помнила, сколько раз заставляла его лежащим на спинке, когда он держал заинтересовавший его предмет перед глазами и вертел его. Казалось, ему это никогда не надоедало. словно бы он изучал размеры, очертания и текстуру, проводя какие-то расчеты в своем ма-

леньком мозгу. Она могла сидеть и подолгу разглядывать его.

Марилена не особенно думала о его воплях в момент рождения. Она читала об этом, и ей говорили, что именно этого и следует ожидать от новорожденного. Ну да, ее удивило, что он аж побагровел от усилий и медсестра назвала его крикуном. Доктор сказал что-то о его легких и характере.

Марилена ожидала, что это пройдет, но оно не проходило. Ники был довольно послушным ребенком, когда все было так, как ему хотелось. Но мокрая или грязная пеленка, голод или усталость пробуждали в нем самое худшее. Плач его не был обычным жалобным поскуливанием младенца. Как только ему что-то не нравилось, он начинал орать. Причем не постепенно расходился, не предупреждал, а как только что-то было не так, Ники закрывал глаза, открывал рот, делал глубокий вдох и начинал орать во весь голос. Он брыкался, размахивал кулачками, пока то, что было не в порядке, не исправляли. И после этого он снова становился милым, спокойным ребенком.

Возможно, это была лишь игра воображения Марилены, но она была уверена, что Ники умен не по годам. Хотя и его речь, и способности ходить развивались как у среднестатистического ребенка, порой они с Вив были уверены, что он следит за их разговорами.

Он слушал всякого, кто говорил, что, по ее мнению, было нормально. Но этот взгляд!

Синева его глаз контрастировала с оливковым оттенком его кожи и светлыми волосами, и в этих глазах Марилена видела печаль, усталость от мира, что заставило ее усомниться в собственном предубеждении насчет реинкарнации. Неужели этот малыш некогда прожил полную невзгод жизнь? Иногда он просто подолгу смотрел на нее, словно пытаясь понять, о чем она думает. И когда в такие моменты она пыталась пощекотать его или поиграть с ним, он упирался ручками и смотрел на нее так, словно знал что-то такое, чего не знала она.

Вив проводила с ребенком много времени, и хотя она казалась довольно неглубоким человеком, Марилена была рада, что с ней легко уживаться. Женщины выделяли время для себя, не требуя постоянного общения друг с другом.

Да, Марилена хотела бы, чтобы Вив использовала свой подвижный, пусть и не блестящий разум на что-нибудь другое, кроме как на общение с миром духов. Но, в конце концов, именно это и помогло им встретиться. Вив недавно встречалась с Райшем Планшеттом и начала вести свои семинары где-то в районе Клужа. Она знакомила новичков — скептических, как некогда Марилена, — с чудесами запредельного мира.

Марилена ежедневно погружалась в рутину забот о Ники с утра до обеда. Затем на три часа дела принимала Вив, и Марилена занималась чтением и исследовательской работой, передавая информацию различным

профессорам. Хотя плата за эту работу не шла в сравнение с тем, что Марилена зарабатывала прежде, работая на полную ставку, этого хватало с лихвой, поскольку за дом она не платила.

По вечерам, когда Вив занималась обучением последователей или сама входила в контакт с миром духов, Ники снова был на руках Марилены. Когда Вив возвращалась и Ники засыпал, женщины разговаривали. Марилене Вив казалась любопытной женщиной, но в целом приятной и милой. Хотя казалось, что Вив заботится о каждом, кто встречается ей на пути, она была не прочь посудачить о людях за глаза. Приятно было сознавать, что она несовершенна, но Марилене было интересно, что Вив говорит о ней у нее за спиной.

ГЛАВА ОДИННАДЦАТАЯ

По мере приближения двенадцатого дня рождения, с разумом и телом Рэя Стила начали происходить какие-то странности. Он стал более мускулистым, на теле появились волосы, лицо утратило гладкость. На нем высыпали угри — сначала немного, а потом кожа просто зацвела. Хотя он и оставался отличным спортсменом, лучшим учеником, даже популярным, он чувствовал, что люди стали по-иному воспринимать его.

Он вырос еще больше, начал казаться себе неуклюжим — не на футбольном поле или корте, а когда просто стоял или ходил. Мать не успевала покупать ему новую одежду, и часто носки слишком торчали из-под его брючин. Рэй внезапно стал застенчив, неловок и робок. Он начал избегать ситуаций, от которых прежде получал удовольствие. Он ограничился небольшим кругом приятелей.

лей, что позволяло ему избегать девочек. И все же разговаривали они с приятелями только о девушках, причем прежде он никогда не думал, что будет говорить об этом так.

Как правило, прежде он нравился людям, они им восхищались. А теперь он стал обыкновенным прыщавым подростком, нескладным, от чего он казался скорее неуклюжим, чем спортивным. Он не любил себя и не был уверен, что любит кого-то еще.

Рэй раньше понятия не имел, чем занимается «Ремонтно-покрасочная мастерская Стила» в Бельвидере, штат Иллинойс. Но теперь он начал там работать.

Когда ему стукнуло тринадцать, он начал с круглосуточного мытья полов и уборки мусора. Единственным механизмом, который он узнавал в цеху, был сверлильный станок, вроде тех, которые он видел на уроках труда. Он был восхищен встроенной в него системой безопасности. Оператор мог вручную отцентрировать брусок стали под огромным, страшным резцом, но включить механизм он мог только тогда, когда обе его руки нажимали на две разные кнопки, подальше от точки приложения силы.

Рэй заверил отца, что возьмется за работу так же усердно, как за учебу и спорт, — со всеми своими силами и способностями. Он хотел упорно трудиться, чтобы не терять работу, зарабатывать деньги, дать отцу предмет для гордости и — больше всего — чтобы получить возможность брать уроки по вождению аэроплана, когда ему стукнет четырнадцать.

По ходу дела он изучал механизмы, познавал азы бизнеса, учился общаться с рабочими, и все это шло ему на пользу.

Рабочие — четверо мужчин и две женщины — сразу привязались к нему. Они были достаточно взрослыми и зрелыми, чтобы не обращать внимания на его юношеские прыщи и неуклюжесть. Двое поначалу посматривали на него с некоторым подозрением, и по их лицам было件нятно, что они не станут с ним миндальничать только потому, что он сын хозяина. Третий вел себя откровенно дружелюбно, словно и правда подлизывался к нему. Но в конце концов Рэй поверил, что он завоевал их доверие своим вежливым поведением и усердным трудом. Он поверил, что они действительно полюбили его за то, что он такой, и из чистого великодушия учат и помогают ему советом.

Его отец относился к нему беспристрастно.

— Никаких поблажек хозяйскому сынку не будет. Я отвечаю перед шестью работниками, которые вкалывают от звонка до звонка. Они будут смотреть на тебя — и меня — каждый день и выискивать намеки на протекционизм.

Хорошо, что его отец сказал им сразу и прямо, что, пока они учат Рэя обращаться с механизмами, их работе ничего не угрожает.

— В любом случае он слишком молод, чтобы иметь законное право управляться с ними в одиночку. А когда подрастет, он планирует заняться совсем другим делом.

Рэй не знал, действительно ли его отец смирился с этим, но приятно было услышать, что он это признает.

* * *

Ники Карпати должен был пойти в школу в шесть лет. До этого оставался еще год, и его мать не могла дожидаться этого момента. Несмотря на ее огромный академический опыт и докторскую степень, Марилена чувствовала, что не может угнаться за ребенком, которого она не хотела называть ргесосе¹, но он и правда был развит не по годам. Как только Ники научился ходить и разговаривать, он начал достигать таких высот, что она и представить себе не могла. Даже когда Вив и Марилена вместе пытались его чем-то занять, никакой объем учебы и чтения не мог удовлетворить его.

Как он стал достаточно взрослым, чтобы понимать истории, ему каждый вечер читали на ночь. В возрасте четырех лет Ники стал пытаться читать сам. Он останавливал Марилену и показывал на слова, произнося их вслух. Он научился читать просто мгновенно.

Когда Марилена с Вив пытались обсуждать что-то в его присутствии, они переходили на русский или английский. Но вскоре он и этот язык стал понимать. Марилена начала

¹ Преждевременный (рум.).

экспериментировать, покупая детские книжки на разных языках, включая китайский. Она оглянуться не успевала, как он схватывал язык и начинал его воспроизводить — пусть и самые элементарные понятия. И так было почти со всеми языками, которые знали они с Вив.

В пять лет Ники увлекся изучением природы. Он копался на участке, таскал в дом всякие корешки, жуков и прочую живность, требуя, чтобы ему рассказывали, что это такое. Марилена купила несколько энциклопедий и показала Ники, как делать поиск в Интернете. Не прошло и полугода, как он освоил компьютер не хуже ее.

Ники был в целом уравновешенным ребенком, но сдержанным. Иногда он пугал Марилену — он казался ей слишком взрослым для своего возраста. Она никогда не шлепала и не наказывала его, хотя ей часто хотелось это сделать. Когда он отказывался идти спать, она настаивала и запикивала его в постель, выключала свет и запирала дверь. Когда она попозже приходила посмотреть, как он там, она часто заставала его стоящим в кровати, и когда она включала свет, она видела его сердитый взгляд, сложенные руки и горящие глаза.

Он уже сам сообщал Марилене и Вив, когда ему хотелось есть и что именно он хочет съесть, отказываясь от другого. Он жил по своему личному режиму, и они никоим образом не могли его переубедить. Вскоре Марилена поняла, что главный в семье он.

Она полностью утратила контроль над ним, но, к счастью, когда его оставляли в покое, он никаких шалостей не затевал. Он читал, сидел за компьютером, исследовал мир вне стен дома.

Затем настал день, когда он прочел книгу рассказов о девочке, у которой была собственная лошадь. Он ныл и ныл до тех пор, пока Марилена с Вив не согласились купить ему пони, седло и уздечку. Марилена сказала, что ему придется подождать, пока не придет инструктор и не научит его ездить верхом, но Ники ждать не желал. Она в ужасе смотрела, как он зашел в сделанный на скорую руку загон и как напрягся и попятился пони.

Ники встал перед пони и заговорил с ним:

— Тебя зовут Алмазный Светик, и я буду на тебе кататься. — Каким-то образом он ухитрился надеть на конька седло и узду и уже через несколько минут водил пони по кругу. Через неделю Ники уже разъезжал верхом по их участку.

Он прочитал все, что мог найти насчет выездки, и уже начинало казаться, что он родился в седле и с поводом в руках. Будучи среднего роста для своих лет, он управлял Алмазным Светиком, полностью подчинив себе животное в восемь раз тяжелее его.

Марилена читала, что подростки бывают трудными, что родители и авторитеты им нипочем, они противятся любому предложению. Ники казался пятилетним подростком. Он спорил с ней и действовал на-

перекор. Он отказывался делать то, что ему делать не хотелось и без всякого уважения говорил и с ней, и с тетей Вив.

С другими детьми он общался, только если дети приходили на спиритические сеансы Вив вместе с родителями — иногда на открытом воздухе, иногда у них дома. К изумлению Марилены, Ники каким-то образом ладил с другими детьми. Она не понимала. Он был гораздо умнее даже тех, кто был старше его. И он был единственным ребенком — он привык быть один, ему не приходилось никогда делиться игрушками или вниманием родителей ни с кем. Но он выказал качества настоящего дипломата — льстил, хвалил, делал вид, что ему интересно, манипулировал другими ради собственной выгоды. Марилена была уверена, что кто-нибудь из родителей станет жаловаться на ее невыносимого ребенка, но все вышло с точностью до наоборот. Ее просто заваливали приглашениями прийти вместе с ним в гости к другим детям.

Он решительно отказывался идти.

— Они могут прийти сюда, — говорил он. И они приходили. Марилена не знала всего, что он делал или говорил, но ему удавалось либо запугать детей, либо впечатлить их так, что они вроде бы радовались Ники и с удовольствием делали все, что он хотел.

Когда однажды он увидел по телевизору футбол, Марилена едва сумела его оттащить. Он стал выпрашивать мяч, сам научился его вести и гонял теперь вокруг дома. Он поставил ворота, и Марилена решила, что он не-

вероятно быстр. Но он утомлял Марилену. Наедине с собой она признавалась, что он ее пугает. Во что она ввязалась? Она стала искать кого-нибудь, кто взял бы на себя заботу о нем большую часть дня, как только он начнет ходить в школу.

Ники был настолько энергичен, что Марилена просто выдыхалась. Они с Вив водили его в горы на пешеходные экскурсии. Когда он в первый раз увидел горнолыжный спуск, он захотел научиться кататься на горных лыжах. Летом они поехали на Черное море, где Марилена и Вив целыми днями лежали на солнце, а он читал и плавал.

Однажды, когда Марилене просто необходимо уже было отдохнуть, Вив согласилась присмотреть за Ники, пока она съездит на какую-то местную выставку-ярмарку. Но как только Ники узнал, куда она собирается, он начал ныть и ныл до тех пор, пока она не почувствовала, что просто обязана взять его с собой, так что поехали все трое. Мальчик изумлял взрослых своими вопросами. Он хотел знать все о том, как делают шерстяные одеяла, резьбу, всякие безделушки, и вскоре он уже выпрашивал у Марилены инструменты и материалы, чтобы самому начать делать всякие поделки.

Марилена боялась начала школьных занятий осенью.

— Ох, Вив, я уж и не знаю. Он такой маленький.

— Его душа стара, как Вселенная, Марилена. Вскоре ты сама это увидишь.

— Я знаю только, что он до смерти меня пугает.

— Вот в этом мы с тобой различаемся, — ответила Вив. — Я уже преклоняюсь перед ним. Я в восторге от него. Райш ждет не дождется, когда сможет начать его обучение.

— Он не ребенок господина Планшетта.

— Осторожнее, Марилена. В каком-то смысле ведь так и есть.

Здесь Марилена не стала бы спорить, но она никогда не доверит Ники Планшетту, даже если она дала слово насчет его духовного воспитания.

— И с чего ты предполагаешь начать?

— С бесед, — сказала Вив. — С таким пытливым умом он просто набросится на истории о происхождении Вселенной.

Перейдя в среднюю школу, Рэй Стил в конце концов начал привыкать к своему новому росту. Он был выше шести футов, и спортивное телосложение, которое было его отличительной чертой в начальной школе, начало проявляться и в новых его пропорциях — по крайней мере, на поле и корте. Но в общении он все еще был неловок. Ему было неудобно за партой, он спотыкался, налетал на все углы, чем вызывал смех.

С другой стороны, Рэй был по большинству предметов отличником и не попадал

в неприятности. Он все больше работал в инструментальном цеху, как правило после уроков или спортивных занятий, поскольку чем больше он зарабатывал, тем больше он мог позволить себе брать летных уроков. Его родители заставляли его ходить в церковь, воскресную школу и участвовать в молодежном движении, но Рэй в это дело не вникал.

Была пара девушек в церкви, которые ему нравились, но его утри цвели сейчас сильнее, чем прежде, и пока он снова не станет привлекательным спортивным парнем, как в младшей школе, он не сможет заставить себя заговорить с ними.

В школе он тоже влюблялся. Как же было бы здорово похвастаться перед девушкой своими летными успехами! Но одна мысль о том, чтобы заговорить с девушкой, куда уж там пригласить на свидание, повергала его в ужас.

ГЛАВА ДВЕНАДЦАТАЯ

— Фредерика, будьте любезны, отошлите это на секретный электронный адрес Р. П. Затем уничтожьте.

— Хорошо, мистер Эс.

Он положил написанную от руки записку на столешницу красного дерева и повернулся в кресле, чтобы посмотреть на Манхэттен.

«Р. П.

Как можно скорее обсудите этот вопрос. О результатах доложите. Ваш звонок раскрывает мое инкогнито.

С уважением, Дж.»

Марилена должна была бы понять, что что-то назревает. Райш Планшетт с самого начала пытался вмешивать с я в воспитание Николае, но удосужился приехать в их дом только раз с момента рождения мальчика. В остальном все его воздействие шло через Вив Айвинз, и Марилена старалась игнорировать его как могла.

Но сейчас Планшетт потребовал встречи с ней, и Марилена уже пожалела, что согласилась.

— Я уверена, что это связано с образованием Ники, — сказала Вив. — И не надо заранее ошцетиниваться. Сначала выслушай до конца.

— Он что, думает, что я не знаю, сколько Ники лет? Что я уже не записала его в школу заранее? Он собирается мне напомнить, чтобы я клала ему в ранец завтрак?

Вив улыбнулась:

— Дай ему право усомниться. Он и наше общество пока только помогали нам.

«Скорее, навязывали помощь», — подумала Марилена. Марилена никогда не призналась бы никому — особенно Вив, — что некая тайная, темная часть ее души испытала облегчение. Дело в том, что хотя она по-прежнему без памяти любила своего сына, ее материнский инстинкт был удовлетворен только наполовину. Она четко помнила свое желание любить кого-то, кто тоже будет любить ее в ответ. Увы, Марилена ни

разу не почувствовала ответной любви своего сына.

С младенчества Ники воспринимал ее как неизбежное зло. Она была ему нужна только для кормления в течение нескольких первых месяцев жизни. Он не был «ручным» ребенком, он постоянно пихался и отталкивал, когда она обнимала его. Марилена прочла довольно много литературы по воспитанию детей, чтобы понять, что ей нельзя останавливаться, нужно постоянно показывать Ники свою любовь физически, отвечает он на нее или нет. Она верила, что настанет день, когда все изменится, когда ее прикосновения станут для него желанными, и он отзовется на ее любовь.

Хуже было то, что Марилена завидовала Вив. Впечатление было такое, что мальчик не делал различий между теткой и матерью. К тому же Вив не была ему настоящей теткой. Марилена пыталась объяснить ему, что она выносила его в своем теле и родила. Его это заинтересовало, он стал задавать вопросы, требовал показать ему статьи о рождении детей в энциклопедии и в Интернете. Но это не изменило его отношения к Марилене.

Он относился к обеим женщинам одинаково и, казалось, манипулировал обеими. Когда он хотел что-то съесть, или чтобы ему помогли читать, или найти что-то в Интернете, он обращался к той, которая была под рукой. А Марилена хотела, чтобы он считал ее главной. Она была уверена, что заслужила это право. В любом случае, если у Ники был

такой проницательный ум, как ей казалось, разве он не признал бы, что она более разумна, более образованна из них двоих? Может быть, когда-нибудь он это поймет.

Если Вив будет продолжать гнуть свою линию — а Марилена допускала, что Вив тоже в душе желает Ники самого лучшего, — она начнет обучать его спиритизму. Если он увлечется этим, как всем новым, Вив снова получит преимущество. Чем больше Марилена об этом думала, тем мучительнее это становилось.

Выхода она не видела. Она согласилась на то, чтобы Ники воспитывали в духовном ключе, и при нынешнем положении вещей Вив становилась логическим выбором. Она много лет этим занималась, к тому же она была истинной последовательницей, верующей, была влюблена в высшего духа.

Марилена находила некоторое утешение в том, что оставалась верной самой себе. Она не задавалась вопросом, существует ли Люцифер на самом деле и имеет ли смысл люциферианство. Но она не стала его поклонницей, не стала серьезно изучать люциферианство только потому, что не чувствовала эмоционального притяжения к личностям — особенно к самому Люциферу.

Марилена регулярно посещала семинары Вив и считала себя верующей. Но ей надоели еженедельные предупреждения из духовного мира, что среди них есть некто — избранный, — который все еще не проявляет полной верности. Это была, конечно, она,

кто же еще. Но если Люцифер был истинным божеством, разве он не ценил бы превыше всего честность и откровенность? Или все же в утверждениях противоположной стороны в том, что Люцифер на самом деле сатана, князь тьмы, отец лжи, и правда есть что-то? Марилена не хотела в это верить — не верила, — но почему же тогда ее постоянно подталкивали сделать выбор против воли? Она ведь ни в коем разе не была ни противником, ни врагом. Она просто слишком долго преклонялась перед человеческим разумом и материальным миром, чтобы так легко сдаться поклоннику из иного мира.

Марилена тем не менее задумывалась над новым взглядом, новым подходом. Если Ники должен воспитываться в рамках спиритизма и духовности, то вести его должна она, и никто другой. Это упрочит ее роль как матери и его настоящего хранителя. Она, конечно, будет полагаться на Вив для начала, но никоим образом не уступит ей полную ответственность за духовное развитие сына.

Таково было настроение Марилены, когда тем вечером мистер Планшетт приехал к ним на ужин. С самого момента его приезда она следила за собой. В прошлом она не стала бы скрывать своего отвращения перед его стилем поведения. Когда он бывал приглашенным гостем на семинарах Вив, она ни разу не пыталась установить с ним теплых или эмоциональных связей, что бы их ни объединяло.

Они редко разговаривали, хотя она почти никогда не отказывала себе в удовольствии оспорить его слова, не согласиться с ним или высказать все, что о нем думает. Он заслуживал некоторого уважения, но сегодня вечером она решила сделать вид, что переменилась. Не то чтобы Марилена хотела сделать последний шаг к полной преданности, но ей хотелось стать командным игроком, чтобы именно ее выбрали в качестве духовного наставника Ники. В нынешнем положении дел это не имела смысла.

— Как вам friptură¹, господин Планшетт? — спросила она.

— Довольно неплохо, спасибо. Я обожаю стейк!

— Я слышала об этом. Но я догадалась, что вы любите хорошо прожаренный. — Марилена чувствовала себя лгуньей, но лезть сработала. Он просто наслаждался вниманием.

— Правда? А почему?

Она не подумала об этом. Почему? Потому что... он мужчина? Она не смогла бы никогда сказать этого вслух. Она просто улыбнулась и пожала плечами. Он просиял.

Однако Марилену поразило, что темой беседы оказалось отнюдь не духовное воспитание Ники. После всех ее страхов и тяжелых раздумий в конце концов выяснилось, что главным вопросом — как и говорила Вив — будет выбор школы. Ради этого Планшетт и приехал.

¹ Жаркое (рум.).

— Я уже позаботилась об этом, — напрямую сказала Марилена, опасаясь, что уже совершила ошибку. Она глянула на Ники, который, вопреки обыкновению, словно бы полностью был занят поглощением небольшого куска мяса, которое она приготовила для него, и игнорировал их беседу. — Он уже записан в школу и в конце лета готов туда пойти.

— И где же эта школа? — как бы между прочим спросил Планшетт.

— Где? А как вы думаете? В нескольких милях отсюда.

— Обычная школа?

— Конечно.

— Это неприемлемо.

— То есть? Вы кто такой?..

— Это неприемлемо, мамочка, — сказал Планшетт, взбесив Марилену. Это «мамочка» он буквально выплюнул, словно она — прежде всех — должна была соображать, что записывать Ники в обычную школу неприемлемо. — Я с самого его рождения слышу от вас обеих, что он — необычайный ребенок. И все на это указывает. Его способности к языкам, чтение, работа на компьютере, любопытство. Конечно, так и должно быть, и донорам спермы это очевидно!

— Минуточку, минуточку, минуточку! — сказала Марилена. — Вы же не хотите сказать, что доноры в курсе, кто их ребенок? Вы же так тряслись над конфиденциальностью, и я подписала соглашение об отказе от попыток выяснить, кто они такие...

— Я не то хотел сказать.

— Именно то.

— Я хотел сказать, что ум Ники не вызывает сомнения у посредников, поставивших вам сперму. Înselăcuine Industrie вам это предсказывали.

— Но вы не это сказали, господин Планшетт. Вы куда более избирательны в словах, чтобы оговориться.

— Чушь.

— Не надо считать меня душой. Я не из тех, кто говорит больше, чем хочет сказать. Теперь я хочу знать, известно ли донорам спермы, кто их ребенок.

— Хорошо, положим, они не знают. А надо?

— Это отрицание или попытка сменить тему?

— Слушайте, мадам Карпати, вы наглеее!

— Я? Я задала вам вопрос и хочу получить ответ.

— Вы сами знаете, мадам, что я никоим образом этого знать не могу. Но позвольте вам сказать...

— Никоим разом знать не можете, но ведь знаете? Вы знаете...

— Марилена, ну правда, — сказала Вив, — кончай цепляться к каждому слову!

— Я была бы тебе очень благодарна, Вив, если бы ты в это не вмешивалась.

Наконец, заговорил Ники:

— Ты не должна так говорить с тетей Вив.

Марилена еле сдержалась, чтобы не дать ему оплеуху, но она никогда его не била и не хотела этого делать.

— Я буду очень благодарна и тебе, молодой человек, если ты не будешь лезть не в свое дело.

Марилена чувствовала, что лицо у нее горит. Ее давили числом, ее загоняли в угол, а она к такому не привыкла. Она еле сдерживалась, чтобы не взорваться. Что хуже всего, Ники, казалось, понял, что его слово тут главное. Он выбил ее из колеи, но вместо того, чтобы продолжать давить на нее, он хмыкнул, почти как господин Планшетт.

— Давайте все выдохнем, ладно? — сказал Планшетт, и Марилена злобно уставилась на него. Но тут Ники сделал глубокий вдох и выдохнул, так что даже Марилена улыбнулась, а Вив и Планшетт расхохотались. — Вот, Марилена, — сказал Планшетт, — сделайте то же самое.

Она поджала губы и покачала головой. Ей не было смешно. Он мог менять тему, как ему было угодно, но она была намерена вернуться к прежнему вопросу. Не может быть ничего опаснее, чем если доноры спермы узнают, кто их ребенок. Как ей удастся уберечь его от них, если вдруг он станет выдающейся личностью? По правде, она даже не хотела знать, кто они такие, и еще меньше — чтобы это узнал ее сын. Все это сулило одни неприятности. С другой стороны, если это знал Планшетт, значит, и Вив знает, а это еще один нежелательный козырь в руках старшей подруги. Если Вив и правда знает, то и Марилена должна это узнать, хочет она этого или нет.

Господин Планшетт промокнул салфеткой губы и встал из-за стола.

— Чудесно, большое спасибо. А теперь позвольте мне рассказать вам, что мы решили насчет образования Ники. Вы будете приятно удивлены тем, что у него нашелся необычный и более чем щедрый покровитель, который дает нам такие возможности выбора, которых мы прежде даже и не рассматривали.

Марилена утратила аппетит еще в начале разговора и теперь сидела перед едва начатым стейком. Ники покончил со своей порцией и откровенно посматривал на ее кусок.

— Ты будешь доедать? — спросил он, к ее изумлению, на английском.

Она покачала головой. Он подцепил мясо вилкой и перетащил к себе в тарелку. Марилена хотела было пожурить его за манеры, но почувствовала, что потеряла это право.

Когда она хотела было порезать мясо для него, он потянулся к ножу в ее руке. Марилена замаялась, но он упрекнул ее взглядом. Она внимательно наблюдала, как он нарезает себе мясо. Она хотела остановить его, когда он взял слишком большой кусок, но он улыбнулся и затолкал его в рот. Она понимала, что он играет с ней, но она так долго ждала его улыбки, что просто сидела и смотрела, как он поглощает мясо.

ГЛАВА ТРИНАДЦАТАЯ

Похоже, Планшетт любил эффекты. Он достал одну из своих визиток и старинную чернильную ручку. Театральным жестом написал информацию на одной стороне и перевернул ее, чтобы писать на другой. Он старался прикрывать визитку, пока писал, но Марилена смогла заметить, что у него гладкий женский почерк, другого слова она подобрать не смогла. Со своей характерной хитрой улыбочкой он подвинул визитку к ней, демонстративно перевернув ее лицевой стороной в последний момент.

Марилена поняла, что для Вив это не новость. Обычно она всюду совала свой любопытный нос, но сейчас сидела с самоуверенным видом, словно знала, что происходит.

— Джонатан Стонагал, — прочла вслух Марилена.

— Джонатан Стонагал, — громко повторил Планшетт. — Вы можете в это поверить?

— А я должна его знать?

— Cuno¹, госпожа Карпати, вы меня не обманете! Вы куда начитаннее, чем прикидываетесь. Вы знаете, кто такой Стонагал.

Это было правдой. Она читала новостные журналы, смотрела международные новости. Стонагал, американский банкир и финансист, был одним из богатейших людей планеты. Ходили слухи, что он замешан в нескольких грязных делах и стоит за спиной коалиций, ставящих своей целью контроль над международной финансовой системой и, следовательно, всем миром.

— Какое ему дело до меня? До нас? Если только вы мне не скажете, что он — донор спермы, то я не понимаю...

— О, это было бы что-то с чем-то, — сказал Планшетт. — Подумать только! Но его ум вряд ли академичен. То есть он — блестящий разум, но у него, скажем так, *stradă intelegt*.

Ники вскинул голову.

— *Stradă intelegt!* — воскликнул он. — Уличная смекалка!

— Очень хорошо, — сказал Планшетт. — Мистер Стонагал заинтересовался Ники, Марилена. Вы способны себе представить покровителя с неограниченными финансовыми возможностями?

Она просто лишилась дара речи. Что за интерес у Джонатана Стонагала к вундер-

¹ Грубо (рум.)

кинду из ниоткуда? И как он вообще узнал про Ники?

— Замечательно! — сказала Вив.

Марилена глянула на нее.

— Я и так уже должна Люциферу душу ребенка. Что же останется Стонагалу? Или вы хотите мне сказать, что он действует из чистого альтруизма — просто от доброты душевной помочь хочет?

Планшетту, видимо, это показалось чрезвычайно забавным. Вив, будучи немного тугодумкой, с запозданием подхватила его смех.

— Я серьезно спрашиваю, — сказала Марилена. — какое до нас дело Стонагалу?

— Может, мы лучше уйдем в другую комнату? — предложил Планшетт. — Мальчику можно выйти из-за стола?

Похоже, Ники только этого и хотел. Он быстро проглотил последний большой кусок мяса и пошел к компьютеру.

— Убери за собой, — сказала Марилена, но он даже не посмотрел на нее.

— Я уберу, — сказала Вив.

Марилене было неприятно, что Вив ушла на кухню в то самое время, как Планшетт объяснял ей, при чем тут Стонагал. Она теперь не сомневалась, что Вив уже в курсе — что еще раз напомнило Марилене, что в этом деле она только сосуд, носитель и роженица ребенка.

— Джонатан Стонагал спонсирует образование по всему миру, — начал Планшетт, когда они уселись на кушетку. — Насколько я понимаю, нет никаких требований, чтобы

те, кого он спонсирует, позже работали в его компаниях, хотя их карьера может пойти не так блестяще.

Мне кажется, что эти люди, конечно, получают какое-то понятие о мистере Стонагале и воспользуются любой возможностью, которую он предложит, но, насколько я знаю, никаких условий он не ставит, ни за какие ниточки не тянет.

— А сколько вы об этом знаете, мистер Планшетт?

— То есть?

— У меня много вопросов.

— Я весь ваш.

— Начнем с вопроса о том, скольким дошкольникам в возрасте шести лет предлагается обучение или финансирование обучения.

Планшетт растерялся. Он показал на Марилену пальцем.

— Великолечно, — сказал он. — Вопрос понятен. Мне кажется, что ваш случай — уникален. Я уверен, что остальными стипендиатами мистера Стонагала становятся исключительно студенты.

— Даже не ученики средней школы?

— Да, насколько мне известно.

— И сколько таких? Десятки?

Он пожал плечами:

— Возможно, больше.

— Сотни?

— По всему миру? Да. Думаю, сотни.

Она кивнула:

— Сотни студентов по всему миру и один шестилетний дошкольник.

— Правда же, чудесно?

— Подозрительно, — сказала Марилена. — Я не понимаю.

— Да вы должны радоваться, госпожа Карпати! Вы в восторге должны быть! Представьте только, какие открываются возможности для вас, для Ники!

— Но как мистер Стонагал узнал о моем сыне?

— Я не имею права...

— Нет-нет. Вот не надо с этого начинать. Вы приходите с такими известиями и думаете, что сможете утаить важнейшую часть соглашения? Стонагал спирит? Люциферит?

— Я не могу отвечать за него. Я...

— Да вы уже и так говорите от его лица! Вы предлагаете его покровительство!

— Я думаю, что он симпатизирует нам.

— Просто симпатизирует или он ваш последователь?

— Думаю, и то и другое верно.

— Ха, — сказала она. — И значит, он узнал о Ники через медиумов? От вас или от Вив?

— Не от нас.

— Что же, это может оказаться лучше, чем я опасалась. Пожалуйста, скажите мне, что новости о Ники не разошлись по миру и все спириты мира знают о нем.

Планшетт поерзал:

— Нет, я так не думаю. Ходят кое-какие слухи, что появился необычный ребенок, дар из-за грани. Но вряд ли им известно его имя или место рождения. И вряд ли люди думают, что он какой-то...

— Меня волнует только то, кем считает Ники Джонатан Стонагал. И если он узнал о нем не от вас и не от Вив, то откуда?

Планшетт стал рассматривать свои ногти.

— Давайте же, говорите, Райш, — сказала Марилена. — Я заслужила право знать хотя бы это.

— Стонагал... ну... владеет, — на самом деле, вы могли бы это выяснить, немного порывшись в Интернете, так что если вы узнаете позже, то вы, возможно, захотите сказать, что когда вы это услышали...

— Это честно. Я вас прикрою.

— Он владеет Înselăcuine Industrie.

— Господин Планшетт, вы понимаете, что это с самого начала было неправильно?

— Я сказал вам: он владеет...

— И это позволяет ему нарушать политику конфиденциальности собственной компании?

— Что вы такое говорите, госпожа Карпати? Из-за какого-то технического момента вы собираетесь отвергнуть шанс, который дается раз в жизни?

— Технического момента? Я скорее назвала бы это вопиющим вмешательством в личную жизнь моего сына!

Планшетт вздохнул и сел.

— Марилена, я хочу, чтобы вы кое-что поняли. Вы мать уникального сына.

— А вы думаете, я не знаю? Но это не делает его собственностью...

— Выслушайте меня. Позвольте мне сказать, что мистер Стонагал планирует для Ни-

колае, и тогда вы уже сами решите, отказываться от этого или нет.

— Мне казалось, что у меня будет выбор. А теперь мне кажется, что вы пришли не спрашивать меня, а ставить перед фактом!

Марилену тревожило, что Планшетт не стал спорить с ней. Значит, все так и есть. Все считали, что мать должна с благодарностью принять эти известия. Но эта мать все больше чувствовала, что ее исключают из сделки. Она опасалась, что, в конце концов, ее полностью разлучат с ее кровью и плотью.

— Обычная школа, за которую вы так цепляетесь, что, честно говоря, удивляет меня, с учетом ваших академических дипломов...

— Простите, сударь, но я как раз продукт обычной школы.

— Тогда вы лучше, чем я, знаете, что только пять процентов выпускников таких школ готовы к поступлению в колледж. Так частная школа, которою мы, ну, мистер Стонагал выбрал или готов вам порекомендовать...

— Сколько времени мистер Стонагал провел в Румынии?

— Понятия не имею. Я...

— И он тоже понятия не имеет, что у нас есть. Как удачно совпало, что он знает, какую именно выбрать школу для моего сына.

— У него есть советники. Как у любого хорошего управленца.

— Он мной не управляет.

— Нет. Он просто делает щедрое предложение, мэм, и, простите меня за грубость, вы просто дура, если отвергнете его.

— Хорошо, я слушаю. И куда вы вместе с величайшим правителем мира намерены отправить Ники на учебу?

Планшетт улыбнулся, словно полагал, что раз Марилена готова выслушать, то все ее сомнения и страхи можно будет развеять.

— *Intellectualite Academie* в Блаже.

— Блаж! Да это больше пятидесяти километров отсюда!

— Транспорт предоставят.

— Вы о чем? Автобус? Лимузин? Пятьдесят километров до школы каждый день?

Лицо Планшетта помрачнело.

— Будьте благодарны, что его отправляют не в школу-интернат.

— Только через мой труп.

Впервые по выражению глаз Планшетта Марилена поняла, что коснулась жуткой правды. Ее устранение не исключалось. Она не имела прав на этого ребенка.

Она вернулась мысленно к тому моменту, когда материнский инстинкт овладел всем ее существом. Но перед эмоциями, которые она испытывала сейчас — инстинкт медведицы, подхлестнутый страхом за собственную жизнь, — эти страдания, запущенные ее биологическими часами, казались детскими страхами.

Ей хотелось ругаться, кричать, угрожать, сказать этому вкрадчивому мерзавцу, что ни он, ни его американский миллиардер не имеют права указывать ей, что делать с собственным сыном. И все же она не могла дать задний ход. Они собирались сделать то, что собира-

лись сделать. Вив была на их стороне, и согласие Марилены воспитывать Ники в духовном направлении влекло за собой все прочие обязательства. На самом деле единственным способом было похитить собственного сына и ночью увезти его куда подальше.

Но куда? Что она будет делать? У нее не было денег, а ее заработка едва хватало на самое нужное, хотя большую часть их расходов и так покрывали. И даже в этом случае ее скромные доходы зависели от контактов с крупнейшими университетами. Вести работу тайно никак не получится. Сидя напротив Райша Планшетта, она осознала чудовищную реальность. Она потеряла всю свободу, которая, как она думала, у нее еще оставалась.

Марилена быстро адаптировалась и приспособливалась. Если она не может придумать способа бежать вместе с сыном, она примет их игру — или сделает вид, что приняла. Ей придется согласиться на эту «рекомендацию» или где учить ее сына. Ей придется согласиться воспитывать Ники в рамках их «религии», как она обещала. Теперь становилось необходимым, чтобы она заняла в этом смысле ведущую позицию. Ей даже придется изобразить личную преданность Люциферу. Конечно, он узнает правду. Обмануть его ей не удастся. И если эти люди имеют с ним связь, как они утверждали — и даже могут предоставить доказательства, — он сообщит им о ее лжи. Туманно, как на их семинарах, при помощи Таро, или спиритической планшетки, или через автоматическое письмо, как с Вив.

Следует ли Марилене заставить себя думать иначе? Следует ли открыться и совершенно по-другому посмотреть на люциферианство? Сможет ли она, в конце концов, себя убедить, что князь стихии воздуха достоин поклонения? Если от этого зависит ее близость с единственным сыном, с единственным в мире кровным родственником, она должна сделать все, что возможно.

Но сейчас она не могла демонстрировать слабость.

— Я не хочу, чтобы мой сын ездил на автобусе или чтобы его возил в школу кто-то кроме меня.

— Даже госпожа Авинцева?

— Только я.

— Но Вивиана, по крайней мере, должна порой менять вас, чтобы начать наставлять Николае в нашей вере.

— Она может периодически подменять меня в случае необходимости или моей болезни. Но наставлять его тоже буду я.

— Вы?

— Конечно, я. Почему нет?

— Но я думал...

— Слушайте, я усердно изучала духовный мир задолго до рождения Николае.

— Я знаю, но...

— Я обещала воспитать его в рамках этой веры, и я подтверждаю это обещание...

— Ну, это же великолепно! И вы сможете легко делать это во время ежедневных поездок отсюда в Блаж и обратно.

— Я так и собиралась делать. Вы говорите, что нам дадут машину?

— Это же самое оно!

«Конечно, все что угодно, только бы я подумала, что дело того стоит».

— Вам дадут новенький полноприводной внедорожник. Обо всех, связанных с ним расходах, позаботятся. Горючее, обслуживание, все, что вам потребуется.

— И все по чистому человеколюбию Джонатана Стонагала? — уточнила Марилена.

Планшетт улыбнулся:

— Именно так.

* * *

На втором курсе Рэйфорд Стил начал выбираться из своей раковины. Кроме того, его мать и доктор объединенными усилиями нашли, наконец, нужное средство для ухода за лицом. Рэйфорд рос уже не так быстро и снова начал чувствовать себя в своей тарелке как в гостях, так и на спортивной площадке. Он осознал, что девушки опять на него смотрят, здороваются с ним, заигрывают. Ему приходилось заставлять себя думать только об учебе, поскольку в мыслях его были одни девушки.

ГЛАВА ЧЕТЫРНАДЦАТАЯ

— Для вас факс, сэр, — сказал шофер Джонатана Стонагала.

Стонагал перехватил взгляд Фредерики и кивнул на устройство, гудевшее на заднем сиденье «бентли» с удлиненной базой, остановившегося на красный свет в деловом районе Манхэттена. Он заметил, что она сложила листок вертикально, даже не глянув на него, и протянула ему.

«Дж. С.,

Носитель в худшем случае не желает сотрудничать, в лучшем — не заинтересован.

Р. П.»

Стонагал медленно и тщательно разорвал факс на мелкие кусочки и передал Фредерике.

— Спросите Планшетта, насколько критично наличие матери, — прошептал он.

* * *

Взаимоотношения Марилены и Вив начали, в конце концов, ухудшаться. После нескольких лет совместного воспитания Ники дружба женщин начала остывать.

Это началось, когда Марилена обнаружила, что ее новенький внедорожник, предоставленный спиритической ассоциацией — благодаря щедрости Джона Стонагала, конечно же, — зарегистрирован на имя Вив.

— Почему он должен принадлежать кому-либо из нас? — поинтересовалась Марилена.

— Это же ничего не значит, — сказала Вив. — Просто так удобнее, обычный технический момент. Если понадобится обслуживание или что-нибудь еще, то лучше, чтобы он был зарегистрирован на имя одной из нас.

— Тогда почему не на мое?

— А что? В чем разница?

— Он должен быть зарегистрирован как минимум на нас обеих, — сказала Марилена.

— Так ведь это ты не хотела, чтобы нас принимали за лесбиянок, — сказала Вив.

— Почему тогда машина не может быть зарегистрирована на имя мистера Планшет-

та, или ассоциацию, или на одну из компаний Стонагала?

— Марилена, я правда не понимаю, в чем проблема. Это же мелочно даже для тебя.

«Даже для тебя»? И что это значит? Вив считает Марилену мелочной?

— Я просто ощущаю себя так, словно меня отодвинули в сторону, вот и все. Я ведь тоже вхожу в ассоциацию. Я ходила на семинары. Я ращу Ники так, как обещала. Почему со мной обращаются как с пятым колесом в телеге?

Вив просто покачала головой. Хуже того, она не слишком хорошо отнеслась к идее лишь время от времени подменять Марилену как личного водителя Ники.

— Почему бы нам не поменяться местами? — сказала она. — Я могла бы подменять тебя через день. Или одна из нас могла бы возить его, а другая — забирать.

— Уж прости меня, что я хочу пару часов в день побыть с сыном наедине! — съязвила Марилена. — Ты и так достаточно влияешь на него, и я это ценю, правда. Но я могу научить его тому же, что и ты, и, честно говоря, мне нужна большая близость с ним. Мне кажется, что мальчик не понимает, кто из нас есть кто.

Вив пробормотала что-то себе под нос.

— Что?

— Не спрашивай.

— Я спрашиваю. На что ты жалуешься?

— Я просто сказала, — ответила Вив, — что всегда можно попросить Райша нас рассудить.

Марилена закрыла глаза.

— Даже не заговаривай со мной об этом. Я что, служащая Николае Энтерпрайз? Я его мать!

— Значит, ты продолжаешь настаивать.

— И как это понимать?

— Ты его родила, Марилена. Ты — резервуар. Носительница. С тех пор от тебя толку было мало, и уж настоящей матерью, наставницей ты для него стать не сумела.

Марилену словно под дых ударили.

— Но кто виноват в этом? Это ты чужая, Вив. Нет, я не смогла бы этого сделать без тебя, но разве не ты должна была держать границы? Ты ему не мать!

— В духовном смысле — мать.

— Что же, я намерена изменить положение и начну с того, что стану его водителем.

В течение нескольких лет Марилена и Ники каждый день вставали рано утром и до восхода солнца пускались в дорогу. Когда они возвращались, Марилена садилась за работу, отправляя результаты различным клиентам. Остаток дня она проводила изучая то, что хотела потом донести до Ники, и, к ее ужасу, часто понимала, что ей придется проконсультироваться с экспертом — с Вив.

Что бесило всего сильнее, так это то, что Вив всегда была готова помочь. Возможно, Марилена еще сильнее бы разъярилась, если бы старшая подруга отказалась ей помогать. Но Вив была очень скрупулезна, растолковывая Марилене не только то, что необходи-

мо было донести до Ники, но также давая совет, как это лучше сделать, что подчеркнуть, как понимать маленького мальчика и способ его мышления.

— Он учится как взрослый, — сказала Марилена.

— Но он по-прежнему ребенок, и ты не должна этого забывать. Позволь ему расти так, как он растет, будь снисходительна к его ограниченным эмоциональным и духовным возможностям.

Марилена напряглась. Еще ей будут читать лекции насчет собственного ребенка!

— Он до сих пор демонстрировал неограниченные духовные возможности. Он каждый день меня удивляет.

— Дети могут быть потрясающе восприимчивы, — сказала Вив. — Просто будь осторожна.

Марилене захотелось дать ей оплеуху. Неужели нет выхода? Как бы ей выгнать Вив из ее собственного дома? Но ведь это не дом Марилены. Ведь и жильем ее обеспечили.

Ники и правда был полон вопросов, и мир духов притягивал его, как ничто иное, хотя интересы его были безграничны. Даже в элитной частной школе он оказался на голову выше всех учеников его возраста и даже более старших. Он был единственным первоклассником, который умел читать, и уж точно единственным, кто бегло говорил на трех языках. Его учителя, напоминая в этом Марилене Вив, предупреждали ее, чтобы она не давила на него, говоря ей, что «дети развива-

ются по собственному графику. Остальные скоро сравняются с ним».

Ни в коем разе. Этот мальчик — прирожденный лидер, и никто никогда не сравнится с ним.

* * *

В день своего первого одиночного полета в шестнадцать лет Рэй Стил все повторял себе, что может это сделать. Он знал, что сможет. Он мечтал об этом много лет и готовился к этому много месяцев. И он много раз проделывал это, когда рядом с ним сидел инструктор. И в чем разница на этот раз? Он летит один. Без инструктора. Без страховки. Последние десять полетов его инструктор не делал ничего, ничего не говорил. Он просто присутствовал, готовый помочь в любой момент, как только что-то пойдет не так.

И все же мурашки бежали по спине. Но только ли от страха? Разве от страха тошнит? У Рэя бурчало в животе и нервно двигались руки. И еще эта дурацкая ухмылка. Если ему так плохо, то почему он никак не может отделаться от этой ухмылки?

— Есть еще какие-нибудь вопросы, прежде чем я покину кабину? — сказал, расстегивая пояс безопасности, инструктор.

— Нет. Не думаю. Готов. Хочу. Хочу лететь.

— Не позволяй возбуждению перевешивать рассудок.

— Не позволю.

— Я говорю не только о полете.

— Сэр?

— Первое, что ты забудешь, — это то, что надо сделать еще на земле. Проверка. Ты ведь свою жизнь доверяешь этой машине.

Рэй провел проверку. И еще раз. Топливо было в норме, все электрические системы работали. Все казалось в порядке.

— А что, если я скажу тебе, Рэй, что я кое-что специально разладил, чтобы посмотреть, сумеешь ли ты найти неполадку?

— Это так?

— Я первым спросил.

— Ну, я ведь все проверил?

— Ты спрашиваешь или утверждаешь?

— Я могу еще раз проверить, если хотите.

— Если я хочу? Рэй, подумай головой. Конечно, я не позволил бы тебе взлететь, если бы знал, что ты что-то упустил. Но это больше касается тебя, а не меня. То есть мне очень не хотелось бы принести нехорошие известия твоим родителям, но ты-то сам? Ты смерти хочешь? Ты хочешь, чтобы это был твой последний полет?

— Ни в коем разе. Он будет первым из многих.

— Ладно. Тогда пристегиваешься или еще раз проверишь?

Рэй сверился с порядком проверки и еще раз прокрутил все в голове. Он был уверен, что все проверил. И он также был уверен, что инструктор не даст ему взлететь, если что-то не так. Подняв большие пальцы, он сел

за пульт. Инструктор показал на дорожку, и Рэй повел самолет туда, где он будет ждать разрешения на получасовой полет.

Страх, волнение — эти слова не могли описать его состояние. Он признавал, что не в своей тарелке, что ему снова хочется окатиться на земле, чтобы первый полет был уже позади. Но он не сомневался в своем профессионализме и знаниях. Если не случится чего-либо экстремального с погодой или самолетом — конечно, он дважды проверил и то и другое, — он приземлится спокойно. Целью Рэя было сесть гладко, чтобы произвести впечатление на инструктора, чтобы ему с этого момента разрешили летать в одиночку.

Когда маленький турбовинтовой самолетик побежал по полосе, Рэй увидел что-то на пути. Зверек? Что-то металлическое? Свернуть? Затормозить? Поздно. Его правая шина с разгону наехала на «это» как раз в тот момент, как тяга легонько оторвала его от земли.

Он старался выпрямить самолет. Интересно, инструктор видел, что произошло?

Затрещало радио.

— Немного неровно получилось.

— Мне кажется, я налетел на птицу.

— Все в порядке?

— Все отлично.

— Продолжай.

Он немного соврал. Эта штука точно не была птицей. Она громко звякнула о фюзеляж и потом покатила по полосе. Но Рэй не хотел, чтобы что-нибудь помешало ему

совершить первый самостоятельный вылет. Самолет вроде не был поврежден, и все работало нормально.

Через полчаса, когда он заложил круг над полосой и приготовился к посадке, Рэй пожалел, что не сказал родителям, какой у него сегодня знаменательный день. Да нет, самый лучший в жизни день! Он расскажет им за ужином, и как бы они ни отреагировали, восторг свершения ничем не погасить!

Рэй был всего в десяти футах от покрытия, когда заметил, что показания топливного расходомера говорят, что бак пуст. Но тяга еще была, так что, похоже, что-то туда попало.

Он хотел, чтобы колеса коснулись земли одновременно, но левое пошло раньше и скрежетнуло. Когда самолет коснулся и вторым колесом, самолет зацепился за полосу и бешено закрутился. Правая шина лопнула и теперь работала как тормоз.

Рэй изо всех сил старался удержать самолет, чтобы тот не перевернулся. Хорошо, что топлива было настолько мало, что расходомер даже не показывал его наличия. Если пропеллер зацепит асфальт и самолет нырнет, то искры могут воспламенить горючее.

Когда самолет с шумом и грохотом наконец остановился, Рэй увидел, как к нему по асфальту бежит инструктор, за ним двое парней из диспетчерской, а за ними мчится машина с мигалками.

Инструктор был бледен. Он помог Рэю выбраться из кабины и все спрашивал, в порядке ли он.

— Все хорошо, — отвечал Рэй.

— Он сел на лопнувшую шину и с порванным бензопроводом, — сказал человек, осмотревший машину. — Везучий ты парень. Будь ты котом, у тебя осталось бы только восемь жизней.

Рэй попытался успокоить пульс и дыхание. Ну почему он не сказал об инциденте при взлете? Как долго он тянул в буквальном смысле на честном слове? И стоит ли индивидуальный полет его жизни?

Когда они с инструктором оказались, наконец, в маленькой столовой терминала, инструктор провел пятерней по голове.

— Ну, парень? — спросил он. — Счастлив?

Рэй решил быть честным. Он покачал головой. Он просто не знал, что сказать.

* * *

Познавая основы люциферианства, Ники больше всего заинтересовался тайной его природой.

— Другие не должны об этом знать, — говорила ему Марилена, — потому что большинство верующих в этом мире считают, что Люцифер — это сатана, враг Бога. Но мы знаем правду. Он просто сделал ошибку, пожелав превзойти других, стать мудрым и познать истину.

— Что в этом плохого? — сказал Ники.

— Вот именно. Кто поставил Бога во главе всех? Почему один из главнейших Его ангелов должен выполнять Его волю и почина́ться Его приказам? Амбиции Люцифера были названы гордыней и грехом. Но он, как и мы, — Божье творение. Почему мы должны слепо почина́ться богу, а не своим стремлениям?

— А почему это тайна? — сказал Ники.

— Верующие люди исповедуют ошибочную идею о том, что Бог — хороший, а Люцифер — плохой. Но мы знаем правду. Скорее, все наоборот. Если всем управляет Бог, то почему Он допускает такие ужасы? И почему Он опасается существа, которое просто хочет стать чем-то бо́льшим? Бог завистлив, эгоистичен, своекорыстен. Но если ты выскажешь это публично, тебя обольют грязью. Ты понимаешь, что это значит?

— Конечно, мам. Будут смеяться. Унижать.

Как же она любила, когда он называл ее мамой.

— Так называемым грехом Люцифера является его углубленность в себя, — сказала она. — Почему это должно угрожать Богу, если Он всемогущ? Если Он и правда Создатель всего, разве не было бы Ему все равно, любят ли Его Его твари и повинуются ли Ему? Конечно, нет, если целью творения было создание легиона рабов для себя. Кто Он таков, чтобы говорить, что верно, а что — нет? Мы все — индивидуумы, все капитаны наших собственных судеб. Мы уникальны,

и жизнь говорит нам все, что мы должны знать.

Марилена исподволь глянула на сына. Глаза его сияли.

— Так вот каков наш секрет! — сказал он.

— Верно.

— И есть другие, кто знает, но мы никому не говорим.

— Да.

— Но как мы тогда привлекаем других людей? — спросил он.

— Мы должны быть осторожны. Если кто-то радикально против этого, то мало надежды привлечь его на сторону истины. Есть люди сомневающиеся или те, кто еще не пришел к выводу, кто лучший. — Марилена рассказала Ники о том, как сама поклонялась алтарю знаний и учености. — Даже там, среди духовной жизни, подвергают сомнению существование мира духов что той, что другой стороны.

— Но ты сама пришла к другому выводу, — сказал он.

— Да. Особенно потому, что, когда я невыносимо хотела ребенка, он пообещал мне тебя.

Как же Ники любил эту историю. Он снова и снова просил Марилену рассказывать ее ему, и Марилена верила, что эта правда заставит его по-другому смотреть на нее. Хотя, может, она и обманывалась. Она хотела его, надеялась, что он у нее родится, молилась за него, поклялась, что вырастит его предан-

ным последователем того, кто пообещал ей ребенка. Ники никогда не говорил, что любит ее или привязан к ней, но она была уверена, что в глубине его души это есть.

Ее поразило, что точно таковы же ее отношения с Люцифером. Она вела себя по отношению к нему точно так же, как ее сын — по отношению к ней. Она была его ребенком, его дочерью, он искал ее расположения, выполнив величайшее желание ее души. А она чуть ли не кулаком ему грозила, сдерживала себя, держа его в эмоциональной зависимости. Марилена вдруг почувствовала себя инфантильной, недостойной, упивавшейся тем, что манипулировала силой столь могущественного существа. Возможно, что, раз она увидела вдруг свою ошибку, Ники увидит свою.

— Значит, мы знаем правду, — сказал Ники. — Так, мама? А большинство других людей не знает?

— Не просто не знают, но верят лжи.

— Но мы же правы?

— Да. — Она на самом деле в это верила. И видела, что он тоже верит. По крайней мере, было понятно, что он хочет в это поверить. Казалось, он в восторге от тайны, от того, что возвышает его над толпой.

— Некоторые дети ходят в церковь и молятся там Богу, — сказал он. — А мы?

— У нас есть своя церковь, чтобы поклоняться Люциферу. Там мы просто собираемся как на урок, но он и его духи разговаривают с нами.

— Как он говорил с тобой обо мне.

— Именно.

— Здорово!

После того как она наставляла Ники в вере как могла во время их ежедневных поездок, Марилена обнаружила, что у него стали возникать вопросы.

— А почему Бог считает, что желание Люцифера стать таким же, как Он, — плохое желание?

— В том-то и дело, Ники. Только малодушный и испуганный Бог мог бы счесть это проблемой. Ты понимаешь, о чем я?

— Ну да. Может, Он не хочет терять последователей. Многие из них, наверное, испугались Его, но Люцифер просто оказался чересчур любопытным.

Марилену не переставала поражать зрелость ума Ники.

— Да, — сказала она. — Его красота в его уме и ауре.

— Но ты сказала, что Бог предложил ему прощение?

— Так учит наша традиция. Бог хотел, чтобы Люцифер вернулся вместе со всеми ангелами, которые пошли за ним. Потому Он предложил им всем прощение. Но лишь немногие согласились.

— И не Люцифер.

— Конечно же, нет. Он был благороден, он был идеалистом, и он никогда бы не отошел от своих убеждений, что бы там ни было.

— Тогда ведь он герой, верно?

— Конечно же.

— Тогда почему столько людей считают его плохим?

— Это вековая традиция, сынок. Он прекрасен, он — сияющий свет, его называют утренней звездой. И все же сколько людей считают его дьяволом! Чушь какая-то. И таких всегда большинство. Люди не ищут просветления. Они погрязли в невежестве.

— Но не мы.

— Не мы.

— Мы знаем правду, истинную правду.

— Да, Ники. И в правде — сила. Правда может освободить тебя.

— От чего освободить?

— От предрассудков, невежества, от слепого следования за завистливым Богом только потому, что все остальные за Ним идут.

— Я не пойду.

— Я знаю.

— Но я никому не скажу, мама. Они не поймут.

* * *

Год перед выпускным оказался для Рэя Стила еще одним трудным годом. Он прибавил еще два дюйма и стал играть в футбол, баскетбол и бейсбол куда хуже, чем за год до того. Все предпосылки, что он станет выступать в трех видах спорта и достигнет выдающихся результатов в школьной спортивной команде, не оправдались, и во всех

видах спорта сезон у него выдался трудный. Он начал квортербеком, но, выиграв две первых игры против слабых соперников, последнюю восьмую проиграл, заработав больше перехватов, чем тачдаунов. Он не потерял свое место в команде только потому, что ни у кого больше не было такого сложения и потенциала. Его тренер Фуззи Белман, по совместительству физрук школы, подбадривал его:

— Все при тебе, Рэй. В следующем году у нас будет хороший сезон.

— Да, но хороший игровой сезон не даст хорошего образования.

— А откуда тебе знать? Ты справишься.

Рэй и в баскетболе подавал большие надежды, но большую часть сезона он просидел на скамейке запасных в качестве дублера хорошего мощного форварда на год моложе его. Рэй в основном занимался уборкой, и как-то поймал себя на желании, чтобы его младший товарищ по команде покалечился.

«Что со мной творится?» — подумал он как-то ночью. Он не помнил, чтобы в детстве был завистлив или мелочен. Но ведь и причины завидовать раньше не было. Чем хуже шли дела в баскетбольном сезоне — его команда закончила средненько, — тем усерднее Рэй учился. Его утешала мысль, что он на пути к высшему среднему баллу, особенно по математике и естественным наукам. Но он должен был признаться самому себе, что предпочел бы, чтобы его уважали как вы-

дающегося спортсмена, а не выдающегося студента. В учебе у него шансы были выше, чем в спорте, но от этого было меньше удовольствия.

Хотя бы его летные уроки проходили хорошо. Из-за всех других его занятий ему нечасто выпадало добраться до летного поля, но инструктор Рэя заверял его, что он сможет получить свою лицензию, когда ему стукнет восемнадцать и он станет выпускником.

Бейсбол весной предвыпускного года тоже разочаровал. Он должен был стать отличным питчером и играть в первой базе. Мячик у него летал со скоростью девяносто миль в час — что гарантированно бы привлекло к нему внимание рекрутеров большой лиги, — пока не повредил руку. Затем он просто играл первым, выбивал восемь и не задевал триста. Так пришел конец надеждам на спортивную стипендию.

Хуже было то, что Рэй терял популярность, даже среди парней. В начальной школе он был лидером, главным разыгрывающим, тем, с которым все хотели дружить. А теперь все они сравнивались с ним в способностях и даже опередили, и он стал не тем, кто подтрунивает, а тем, над кем подтрунивают. Но он хотя бы понял, каково находиться на другой стороне. Вместо того чтобы превращать все в шутку, как другие ребята, Рэй ошетинивался и обижался. Он чувствовал себя униженным, и гнев заставлял его пытаться прыгнуть выше головы, что оказалось совершенно бесполезно.

Дома Рэй учился ладить с родителями, пытаясь поступать, как они. Но с каждым днем он все больше от них отдалялся. Они не понимали его, пытались давать ему советы, но он не хотел их слушать. Он знал, что им не о чем беспокоиться. Он был порядочным гражданином, если не сказать большего. Он не курил, не кололся наркотиками, не занимался сексом, хотя последнее было не из-за отсутствия желания или надежды. Все, на что он решался, — это украдкой выпить банку пива. Он любил пить пиво — но только потому, что это было запрещено.

В выпускной год для Рэя все сошлось как нельзя лучше. Его поврежденная рука зажила, он вырос до шести футов, стал быстрее и маневреннее. Он очень впечатлил тренера Белмана во время тренировок в ходе подготовки к сезону, и был назначен капитаном команды, и снова начал играть в качестве квотербека.

Теперь лицо Рэя очистилось, он нашел свой стиль прически для своих густых темных волос. Его выбрали председателем студенческого совета, предпочтя его популярной чирлидерше, и он снова стал некоронованным королем (она была королевой) и чуть ли в один момент сделался в школе самым крутым парнем. Но несмотря на все, что он делал в школе, Рэй по-прежнему выкраивал как можно больше времени, чтобы проводить его в кабине самолета, стремясь получить частную лицензию.

Врожденные способности Рэя передавать мяч и играть помогли Бельвидеру про-

держаться в борьбе за чемпионский титул ассоциации, пока они чуть не проиграли две игры в конце сезона. К сожалению, он не попал и в сборную лиги, потому что хороших квотербеков и без него хватало.

— Ну, тренер, — спросил Рэй в конце сезона, — сколько вы заявок на меня получили?

— Ни одной.

— Да ладно, я знаю, что вы давите на коллег, продвигая своих игроков. И я знаю, что вы придерживаете заявки до конца сезона.

— Я сам не понимаю, Рэй. Я проталкивал тебя в несколько программ дивизиона I, но когда не получил ответа, я попытался пробиться во второй эшелон. Я получил несколько циркуляров из трех небольших школ, куда я не рекомендовал бы тебе отправляться, разве что твоя единственная цель в жизни — играть в футбол.

— Вы шутите.

— Если бы. Привлечь внимание колледжей и университетов становится все труднее, Рэй. Крупных талантливых ребят у них самих хватает. К счастью, при твоих оценках и внеклассной деятельности ты наверняка себе найдешь место.

— Но не как спортсмен.

— Ну уж точно не как квотербек.

ГЛАВА ПЯТНАДЦАТАЯ

— Вызовите мне Планшетта по безопасной линии, Фредерика. И напомните, чтобы все равно приглушил звук.

Стонагал услышал в голосе Планшетта почтительность, если не страх. Может, ему надо почаще лично звонить этому человеку.

— Я хотел узнать, не утратила ли еще известная вам личность своей полезности.

— О... а... ну... да. Я бы сказал...

— Все эти ваши «э-э-э» и «а-а-а» означают «да», Эр Пи?

— А-а-а... нет. Нет! Вив, то есть наш человек говорит, что она... ну... пока еще нужна. Она не то чтобы полностью в деле, но обучает... цель, и хорошо.

— Вы видели, что происходит с рынками, Эр Пи?

— Сэр?

— С рынками! Рынки!

— Я не слежу за этим, сэр, так что не знаю.

— Чтоб вас! Слушайте, все сходится. Начинает происходить то самое. Вы меня понимаете?

— Ну да.

— Понимаете или нет?

— Скажите яснее, сэр.

— Я просто хочу все это рационализировать. Если что-то стоит на пути, мешает продвижению, это надо устранить. Я ясно выразился?

— Думаю, да.

— Все так? Момент настал, Эр Пи?

— Я не уверен пока, сэр, но вы видите знаки лучше меня.

— Считайте, что это предварительный зеленый свет. Как только вы сочтете, что мы готовы и необходимость назрела, можете действовать, как сочтете нужным. И держите меня в курсе.

* * *

Марилена смотрела вслед Ники. Он выскочил из внедорожника с портфелем и побежал через школьный двор к своим девятилеткам-одноклассникам. Она всегда приезжала чуть пораньше, чтобы он успевал поиграть перед школой. Но когда он убежал, к ней направилась его учительница и помахала ей. Приземистая, крепкая госпожа Чабо опустила на

колени и что-то сказала маленькому Ники, пробежавшему мимо, но, похоже, он ее даже не узнал.

Марилена опустила окно.

— Госпожа Карпати, — сказала учительница, — не найдется ли у вас минутка сегодня после уроков?

— С удовольствием, — сказала Марилена. — Но сегодня после обеда Ники забирает его тетя Вив. А что, какие-то проблемы?

— Просто кое-что надо обсудить. Я уже поговорила с госпожой Айвинз.

— Тогда я устрою это, — сказала Марилена, не скрывая раздражения. — Я была бы очень вам благодарна, если бы вы не разговаривали с Вив о Ники без моего ведома.

— О! — воскликнула госпожа Чабо, будто была искренне удивлена. — Но я думала... — Она осеклась.

Марилена не стала выпрашивать, что думает учительница.

— Значит, встретимся сегодня во второй половине дня.

Марилена беспокоилась, что не сможет сосредоточиться на работе, думая, какая там может быть проблема у Ники. Неужели он заговаривал о люциферианстве со своими одноклассниками? Одно дело, что ему хватило ума осознать суть духовного мира и конфликта между Богом и прочими ангелическими сущностями. Но ждать, что мальчик его лет сумеет все это держать в тайне, — это же нереально. Может, у него разум взрослого, но эмоционально он ребенок.

Дома она напустилась на Вив.

— Прошу не обсуждать моего сына с его учительницей без моего ведома!

— Это была не моя идея, — ответила Вив.

— Ты должна была сказать, что тебе будет удобнее, если она поговорит со мной!

— Но это будет неправдой, Марилена.

— То есть?

— Мне не будет удобнее. Я не доверяю твоим суждениям в отношении Ники.

— Как ты можешь говорить такое?

— Ирония в том, что, хотя ты ему и мать, ты не близка ему.

— Это не правда! Я...

— Не настолько, как ты думаешь или хотела бы. Смирись с этим, Марилена. Ты а satura.

— Надоедлива? Он мой сын! Я не отдам его тебе, или обществу, или даже люциферианству!

— Что ты сказала? Ты отступаешь от...

— Вряд ли, Вив, и ты это знаешь. Я ращу его в традиции, как и обещала. И я сама стала более преданной. Но я не знаю, сколько еще мне повторять: я не дам посторонним людям разрывать наши родственные связи.

— Посторонним? Разрывать? Так ты обо мне думаешь? Я отдала последние десять лет моей жизни тебе и этому мальчику, и я счастлива! Я его тетя не только на словах. Я считаю тебя сестрой!

У Вив был искренне обиженный вид, а Марилена вовсе не хотела ее обидеть.

— Хорошо, но... но как бы ты чувствовала себя на моем месте? Ты рожаешь ребенка...

— И вынуждена сотрудничать из-за того, что он обещан тебе миром духов и обещание это выполнено?

— Да, но...

— Понимаешь, Марилена, — сказала Вив, готовая заплакать, — я не могу иметь ребенка. Ты когда-то спрашивала меня почему, помнишь? Я ответила, что слишком стара и вообще не представляю себя матерью. Но правда в том, что у меня другая миссия. Мне дан дар ясновидения, который духи считают жизненно необходимым для нашей ассоциации. Это честь, это благословение, я ощущаю себя нужной, но, — она начала всхлипывать, — я все отдала бы, чтобы очутиться на твоём месте, поменяться с тобой ролями. Пожалуйста, не гони меня.

Марилена преисполнилась раскаяния и сочувствия. Надо быть внимательнее, чтобы не поддаться обману. Что это за внезапная перемена в поведении? Вив много лет демонстрировала свое превосходство, свое положение, свое место представительницы от лица тех, кто владел Ники. Она втиралась в доверие, чтобы использовать свое положение, требовала, чтобы третейским судьей был Райш Планшетт, хотела быть в привилегированном положении, чтобы заставить Марилену в конце концов чувствовать себя только средством достижения цели.

Но теперь Вив умоляла, чтобы ее не выгоняли из-за стола. Несмотря ни на что, Ма-

рилена почувствовала, что кажущаяся беспомощность и слабость Вив как-то укрепила ее и придала ей сил. Она обняла старшую подругу, осознав, что они так редко прикасались друг к другу за все эти годы и почти не обнимались.

Казалось, Вив совсем перестала владеть собой и громко разрыдалась, уткнувшись в плечо Марилены.

— Неужели мы не можем прийти ни к какому соглашению? — сказала Марилена.

— Мне бы очень хотелось.

— Я не хочу выгонять тебя. Я знаю, что ты хорошо влияешь на Ники и что он тебя любит. Знаю, как он тебя любит. Думаю, именно это меня и раздражает. Что он любит тебя больше, чем меня.

— Это не так!

— Это так. Я пытаюсь изменить ситуацию, поскольку это неправильно, но мне нужно твое согласие и помощь.

— Помочь тебе отнять у меня его любовь? — сказала Вив.

— Нет! Я не хочу, чтобы он перестал тебя любить. Но я хочу, чтобы он относился к тебе как к тете, а не к матери. То есть посмотри правде в глаза — ты ведь на самом деле ему даже и не тетка.

— Я ему ближе, чем тетя!

— Возможно, но твое место ты сама себе назначила, а не получила по праву крови.

— Именно по праву крови, — сказала Вив. — Я отдала себя вам обоим, принесла себя в жертву!

— Ну-ну. Ты ведь ничего на самом деле не сделала.

Вив невольно хихикнула:

— Да уж.

— Теперь сядь, — сказала Марилена. — Скажи, о чем собралась поговорить со мной госпожа Чабо.

— Я не имею права...

— Мне напомнить тебе, что мы говорим о моем сыне? Сколько раз нам повторять одно и то же?

Вив вытерла слезы и снова взяла себя в руки.

— Что же, ты высказалась, и я постараюсь помочь тебе занять надлежащее место в жизни Ники. И я попрошу, чтобы госпожа Чабо в первую очередь консультировалась именно с тобой по всем вопросам, касающимся его. Но в этом случае я не хочу совершить ошибку или пытаться говорить за его учительницу. Она должна иметь право быть услышанной без какого бы то ни было влияния с моей стороны.

— Боже, Вив, что такое?

— Ничего страшного. Просто волнуюсь за него.

— Значит, мы договорились, что сегодня я забираю его после обеда, чтобы поговорить с ней?

Вив кивнула.

— Я могу поехать с тобой. Занять его чем-нибудь, пока вы будете разговаривать.

Это имело смысл. Значит, другому учителю не придется присматривать за ним, а

другие ученики долго после школы не остаются. Она согласилась.

И как Марилена и опасалась, она не смогла до конца дня ни на чем сосредоточиться.

* * *

Старшеклассником Рэй Стил вернул себе ведущее положение виксайд-форварда в баскетбольной команде и занял ведущее место по забитым мячам. Бельвидер тем не менее закончил сезон третьим в конференции, и снова рекрутеры не заметили Рэя.

Его игра сделала его самым популярным парнем в школе. Внезапно он то и дело стал ходить на свидания. Но, несмотря на удовольствие, все это оставляло его неудовлетворенным. Девушки, которые выказывали к нему интерес, были как раз теми, за которыми он ухаживал много лет, но они не замечали его, когда он страдал от утрей. Теперь ему нравилось их внимание, но все это казалось таким пустым. Он же был тем же самым, что и прежде, он просто выглядеть стал по-другому. Может, он теперь распространял вокруг себя ауру уверенности, и его атлетизм стал зрелым, но если девушек привлекало только это, то что сказать о таких девушках?

Рэй стал более дружелюбным и радушным, но в душе научился не верить людям. Все было так поверхностно. Он что, тоже такой? Он надеялся, что это не так. Он был на-

столько одержим обманчивостью своих новых отношений, что даже и поддерживать их не мог дольше чем пару недель — не то чтобы завести себе подружку на долгий срок.

Популярность ему нравилась, но недоверчивость Рэя ко всем и каждому и сомнение в мотивах утнездились в его мозгу. Единственным утешением были полеты. Летая в одиночку на нескольких тысячах футов над землей, чтобы заработать лицензию, он ощущал такую свободу и мощь, которой не выразить словами. Никто другой не смог бы понять, почему это дает ему такое удовлетворение. В этом не было никакого лицемерия, это точно. В полете были сосредоточены все причины и следствия. Если ему приходилось проверять все функции самолета и он был удовлетворен своей работой, то он знал, что самолет выполнит все, что надо, при всех маневрах, которые знал Рэй. Если он переключит нужные тумблеры и повернет штурвал так, как надо, самолет ответит, и ему будет наплевать на внешность Рэя, его телосложение, оценки и популярность.

Хотя его отцу это и не понравится, но именно полеты станут жизнью Рэя.

Марилена и Вив разговаривали по дороге в школу Ники, как все эти годы. Это было на самом деле приятно, думала Марилена, и

бранила себя за то, что ведет себя как собственница, ревнует и выпускает иглы. Ее тянуло к Вив с самого начала, поскольку она выказывала столько заботы в отношении других. И это не изменилось.

Вив была несовершенна, но кто совершенен? Марилена ожидала, что после долгого совместного житья под одной крышей с кем-нибудь в конце концов испытаешь разочарование. Она сама не подарок, так с чего ожидать другого от Вив? В целом Вив хороший человек, решила Марилена. Лучше, чем она сама. Более общительна, более ориентирована на людей. В конце концов, приятнее.

Несмотря на все сестринские веселые разговоры и смех по дороге, Марилена заметила, что они ни разу не заговорили о Ники. Она понимала, что Вив не хочет, чтобы Марилена на нее давила, совала нос в ее дела, выспрашивала, о чем собирается говорить госпожа Чабо. Когда они приехали, быстро стало понятно, что учительница сказала Ники, что будет говорить с его матерью, а тетя пока присмотрит за ним, поскольку он вылетел из школы, готовый играть. Как только Вив открыла дверь, он бросился ее обнимать. Несмотря ни на что, Марилена ощутила новый, острый укол ревности. Мальчик даже не взглянул в сторону матери.

Не помогло и то, что госпожа Чабо устроила их встречу так, чтобы Марилена сидела лицом к окну и видела, как Вив веселится вместе с Ники. Они играли в салочки, пятнашки, качали друг друга на качелях, лазали по швед-

ской стенке. Марилена тоже могла бы — и с удовольствием, — если бы у нее был шанс.

— Николае самый сообразительный девятилетка из всех, кого я когда-либо учила, — начала учительница.

Эти слова явно должны были растопить лед, но Марилена не сумела даже улыбку изобразить. Она сюда не ради комплиментов пришла.

— М-м-м.

— Вам наверняка уже об этом говорили.

— Все учителя.

— Хотя эта школа — для одаренных детей, он уникален. Иногда я не знаю, чем бы еще его озадачить, порой мне кажется, что я чувствую себя как его ученица, а не учительница.

— Добро пожаловать в клуб, — сказала Марилена.

— Но меня беспокоит его поведение.

— Он вас не слушается?

— Как правило, слушается. Но я нахожусь в таком положении, что могу наблюдать за его общением с другими детьми. Не буду ходить вокруг да около. Он, как бы я сказала, патологически манипулятивен.

Конечно, это не было новостью для Марилены. Она и дома такого насмотрелась. Но она надеялась, что хоть в школе это не настолько очевидно.

— И как это проявляется? — спросила она.

— Он дружит со всеми, — сказала госпожа Чабо. — И все же совершенно очевидно,

что он просто играет детьми. Все они вроде бы любят его и не понимают, чего он хочет, но все всегда делают то, чего он добивается. Он выигрывает во все игры, его команда всегда побеждает, все вращается вокруг него.

— Так он эгоистичен?

— Это не то слово. Весь мир принадлежит ему. Он делает так, что его избирают капитаном команды в любом проекте. Когда мы устроили шуточные выборы президента класса, я решила, что пора кому-то другому выйти на свет, потому я наудачу выбрала других мальчика и девочку, чтобы они соревновались друг с другом. Они должны были вести кампанию, набирать себе команду поддержки, вывешивать постеры и все такое. Николае вызвался вести избирательную кампанию Виктории, и она быстро стала фавориткой. А теперь послушайте. Она не просто выиграла, но победила единогласно. Даже ее противник проголосовал за нее.

— Ники угрожал ему?

— Нет! Я уверена, что Ники кое-что пообещал ему.

— Что?

— Место вице-президента.

— Но как?..

— Когда Виктория победила, она заявила, что, как президент, она имеет право назначить вице-президента.

— И она выбрала проигравшего?

— Нет. Николае. Затем она отказалась от поста президента, заявив, что проявит себя

лучше в качестве помощника лидера, чем на месте самого лидера. Николае стал президентом, и вице-президентом он назначил проигравшего. И это — в возрасте девяти лет.

— Не знаю, что и сказать. А что в результате получила Виктория?

— Она стала его подружкой. Они всегда ходят вместе.

— Подружкой?!

Учительница кивнула.

— Понимаете, он пытается применять такую же тактику и со мной. Он рассказывает мне обо всем, что происходит, все плохое, что думает о других детях. А когда он чувствует, что с меня довольно, он заверяет меня, что все уладит и чтобы я не беспокоилась. Через пару дней он говорит мне, что он все уладил. Мне порой действительно хочется взять его себе в помощники по управлению классом. Но я сопротивляюсь, потому как мне кажется, он и так достаточно контролирует остальных.

— Что я могу сделать?

— Учите его, госпожа Карпати. Он чрезвычайно одарен, но его надо направлять. Он дипломат, политик, гений, светский раздражитель, разделитель и объединитель. Он должен научиться смирению. Он должен понять последствия власти. Он любого может обвести вокруг пальца.

Если это была шутка, то Марилене не было смешно. Это было хуже, чем она опасалась.

— Попытаюсь, — сказала она. — Спасибо, что рассказали.

— Еще кое-что. Мы устроили соревнование между мальчиками и девочками в одном проекте. Обе стороны дают разным ученикам запомнить функции и положение персон в национальном правительстве, кто какую позицию занимает, что-то вроде. Как вы знаете, у Румынии сложная форма правления, двухпалатный парламент и все такое. Николае запомнил все, свое задание и все чужие, но я не хотела, чтобы его команда победила только из-за этого. Я настояла на том, чтобы каждая команда запомнила разный набор фактов. Команда мальчиков легко победила, и я выяснила, что Николае научил их, как запомнить личное задание мнемоническим способом. Он использовал акrostихи и акронимы так, что они запоминали простое слово, в котором каждая буква была первой из того, что они должны были запомнить.

— Изобретательно. С этим-то у вас точно не должно быть проблем.

— За исключением того, что это почти магия. Николае так одержим жаждой победы, что его команде это не доставило никакого удовольствия. Он их вдохновлял и уговаривал, но также дразнил и унижал. У мальчиков не оставалось другого выбора, кроме как запомнить слова и выиграть исключительно благодаря подавляющей силе его личности.

— Дар, который может обернуться как добром, так и злом, — сказала Марилена.

— Именно. В этом его сила и его слабость, как и у всех нас. Помогите мне научить его командной игре, научите его ценить осталь-

ных и их чувства. Впечатление такое, что у него какой-то провал в сознании, словно он действительно верит в том, что и этот мир и все, кто в нем живет, существуют только ради его удовольствия.

— Я попробую, — выдавила Марилена.

— Я буду держать вас в курсе, — сказала госпожа Чабо.

Куда ж вы денетесь.

Рэй Стил лежал в своей спальне, не в силах сосредоточиться на домашнем задании. Ничто не могло отвлечь его — ни телевизор, ни музыка, ни журналы, ни Интернет — после того, как повернулся разговор за ужином.

Рэй понятия не имел, как много его отец думает о его будущем. Вообще-то мог бы и догадаться, отец этого никогда не скрывал. Рэй просто считал, что старик будет впечатлен тем, что он добился лицензии на частные полеты в восемнадцать лет, и тем, что у него есть конкретные планы в жизни. Рэй знал, что он делает, чего хочет и как этого достичь.

— Я с прошлого года записан на вневойсковую подготовку офицеров резерва, и тренер Беллман говорит, что я получу свою лицензию еще до того, как школу закончу, и это мне дает достаточно оснований рассчитывать на стипендию для учебы в колледже.

— Что же, это хорошо, — сказал его отец. — Но что скажет об этом Фуззи?

— Он знает, что по линии спорта мне помощи в поступлении не будет. Разве только я не выберу какой-нибудь маленький колледж.

— Но почему? Ты же лучший...

— Пап, не надо. Времена изменились. Даже десять лет назад я мог бы где-нибудь пристроиться, но не более того. Сейчас надо быть лучшим в своем виде спорта во всей конференции, чтобы хоть какую-то стипендию получить.

— Бейсбол остается лучшим шансом для тебя.

— И это мой любимый вид спорта, пап, но только ничего не получится.

— Как ты можешь так говорить?

— Я больше не могу бросать девяносто миль в час и очень удивлюсь, если наберу больше 0.4 успешных бросков. Последний парень из нашей конференции, который поступил на стипендию в школу первой лиги, выбивал почти 0.6, причем делал много успешных бросков.

— Это не запредельно и для тебя.

— Пап, тебе не кажется, что ты несколько предубежден?

— То есть я не понимаю, о чем говорю? Думаешь, я не разбираюсь в этой игре?

— Конечно, разбираешься, и ты научил меня всему, что я знаю. Но ты также учил меня реалистично оценивать собственные способности. Я бы все отдал, чтобы оставить-

ся здоровым и забивать достаточно много, чтобы привлекать внимание рекрутеров. Но с этим покончено, пап. Я все равно на подаче в этом году, потому что слишком много ребят не будут играть. Понимаешь, машины, девочки, все такое, и все меньше людей ходят смотреть бейсбол, так что ребята просто перестают играть и уходят, если только они не суперзвезды. Если бы я не любил так эту игру, я бы тоже подумал уйти.

— Значит, команда будет паршивая?

— Скорее всего. Будет полно зеленых, и интерес рекрутеров привлечь некому, разве что если вдруг у нас не будет целой полосы побед. Я не вижу такой перспективы.

Ссора вспыхнула, когда мистер Стил попытался обрисовать Рэю будущее, по-прежнему связанное с ремонтной мастерской. Он говорил о колледже, о вневойсковой подготовке, о военной службе, вскользь упоминая о бизнесе или производстве, а затем вернулся к разговору о том, чтобы Рэй продолжил его дело.

Рэй надеялся, что, когда он расскажет вкратце о собственных планах — намеренно не включая в них ремонтную мастерскую, — его отец, в конце концов, смирится с реальностью. Рэй сидел молча.

— Ну? Что ты думаешь, Рэй? Хорошее образование. Больше летних часов. Немного военной подготовки. Готовое рабочее место. Твое будущее обеспечено, не так ли?

Рэй глянул на мать, которая выдавила улыбку. Глупой она не была ни в коем разе.

Вид у нее был такой, словно настал момент, о котором она мечтала, явно понимая, что ее мужу не понравится то, что он услышит.

— Я не вернусь в авторемонтный бизнес, пап.

— Что, ты уже решил? Ты так ненавидишь меня и мой бизнес, что...

— Да хватит, пап! Ты же знаешь, что это не так! Я восхищаюсь твоими успехами, но ты меня не заставишь...

— А если бы я заплатил за твое образование? Но ты четко сказал, что тебе этого не нужно!

— Ты сам мне сказал, что не можешь оплатить мое обучение в колледже! Потому я и пытался всеми способами выбить себе стипендию!

— Да, но раз не я это финансирую, ты считаешь, что можешь...

— Я просто хочу тебе сказать, что теперь ты можешь распорядиться по-другому. Подготовь себе другую замену.

— Мои люди слишком стары. И ни у кого из них нет нужных способностей.

— Так найми подходящего наследника.

— Наследник ты, Рэй! Ты! Я об этом всю жизнь мечтал!

— Но я-то не мечтал, пап. Ты же не станешь насильно меня заставлять, если я этого не хочу? Представляешь, какой бизнес я после этого поведу?

Его отец встал. Лицо его побагровело.

— Я не могу больше есть.

— Милый, прошу тебя, — сказала мать.

— Я просто не понимаю, как ты можешь решать сейчас, о чем ты будешь думать через четыре—шесть лет. Это долгий срок. Пора привести в порядок мозги. Хотя бы не отворачивайся от этой возможности и хоть немного держи это в своих планах!

— Нет! Ты потом опять начнешь этот разговор, пап, ипустишь на ветер все это время, вместо того чтобы подыскать кого-нибудь еще. Я хочу быть летчиком, и все. Я...

— А если не получится?

— А почему нет? Я создан для этого! Я уже летчик. Я начну свою карьеру и буду водить тяжелые самолеты, и...

— И вернешься в авторемонтный бизнес, только если твоя мечта рухнет.

— Я не вернусь, пап. Если почему-то я не смогу летать, я стану преподавателем в авиашколе. Или инструктором. Или и тем и другим.

Его отец вышел из комнаты, бросив через плечо:

— Все же ты ненавидишь меня.

ГЛАВА ШЕСТНАДЦАТАЯ

Марилена Карпати никогда не чувствовала себя настолько не в своей тарелке. За девять лет материнства она кое-как приспособилась, научилась действовать согласно инстинкту. Но теперь она была на совершенно незнакомой территории. Как она сможет заговорить о таком тонком предмете со своим выдающимся сыном? Это же взрослый разговор, и хотя у него много самых худших качеств взрослого — и лучших тоже, — Марилена понимала, что эмоционально он по-прежнему ребенок.

По дороге из Блажа она попросила его почитать, пока тихонько болтала с Вив по-венгерски.

— Что будем делать? — начала она.

Вив улыбнулась и погладила ее по руке.

— Мы? Значит, снова мы? Все так плохо, что для решения этого кризиса нужен еще кто-то?

Марилена отреагировала спокойно. Забавно. Похоже, сейчас не время для ревности. Она не хотела в одиночку разбираться с этим.

— Я знаю, что должна принять основной удар, — сказала она. — Но поверь мне, я готова выслушать любой совет. В глубине души я жажду... — она попыталась найти правильное слово для своего сына, чтобы не называть его по имени, — чтобы мой отпрыск использовал свой необыкновенно одаренный разум на благо человечества.

— Так и будет, Марилена. Так и будет.

Внезапно Ники положил руки на спинку переднего сиденья и опустил на них голову, вклинившись между женщинами. Марилена ощутила его присутствие и увидела его краем глаза. Она следила за дорогой, посматривая на него в зеркало заднего обзора. У него был удивленный вид.

— Пристегнись, молодой человек, — сказала она снова по-румынски.

— Все в порядке, — ответил он по-венгерски, изумив ее. — Мой князь не позволит, чтобы со мной что-нибудь случилось.

Марилена вздрогнула. Он понимает по-венгерски, он слышал их разговор! Неужели от него ничего не утаить? Ее страх мгновенно превратился в гнев. Она решила не терять контроля над мальчиком, в душе сомневаясь, что вообще когда-нибудь контролировала его.

— Сядь и пристегнись! — рявкнула она. — Быстро!

Марилена увидела, как вздрогнула Вив, видимо, удивившись ее тону.

Ники замолчал, но в зеркале одна не заметила, чтобы на его лице отразились хоть какие-то эмоции. Он не удивился и не оробел. И не послушался.

— Не заставляй меня останавливаться, — сказала она.

— Делай, что хочешь, мам, — скучно ответил он. — Ты не осмелишься причинить мне вред. И больше не будешь говорить со мной так, как сейчас.

Марилена повернула внедорожник к обочине и остановилась. Она повернулась к Ники. Их лица разделяли какие-то дюймы.

— Сядь и пристегнись! — рявкнула она. Он не пошевелился. Она подняла руку и предплечьем уперлась в его лицо, толкнув его изо всех сил.

— Марилена! — взвизгнула Вив.

Марилена уперлась ногами и выпрямила колени, всем весом пытаясь заставить Ники сесть. Он отчаянно упирался, и впечатление было такое, словно она пытается сдвинуть гранитную скалу. Марилена отстегнула свой ремень и полностью повернулась к нему, встав на колени на сиденье. Она схватила его за плечи и встряхнула, пытаясь заставить его сесть.

Вив схватила Марилену за руку и попыталась оттащить ее.

— Вив! Перестань! Помоги мне!

— Мы не должны его заставлять! — сказала Вив. — Перестань!

— Да! — завопил Ники. — Перестань!

— Я не поведу машину, пока он не пристегнется.

— Я под защитой! — сказал Ники.

— Что?

— Со мной ничего не будет.

— Ты что несешь?

— Скорее ты покалечишься, чем я.

Марилена, упав духом, повернулась к Вив.

— Поехали, Марилена. Дома поговорим.

— И тебя не волнует, что он не пристегнут?

— Я согласна с тем, что у него есть защита.

Марилена выругалась.

— Я не понимаю, о чем вы говорите!

— В том-то и дело, — сказала Вив. — Мы каждый день общаемся с духами. У него действительно есть защита. Ему не страшны те опасности, которые могут угрожать другим.

— Я не еду.

— Тогда я поведу машину, — сказала Вив.

Ники показал на Марилену.

— Она не будет сидеть сзади со мной.

Марилена пожалела, что у ней нет пистолета. Она испытала бы на прочность так называемую неуязвимость этого отродья.

— Выйди и поменяйся со мной местами, — мягко сказала Вив.

Марилена вышла из машины, вся дрожа. Меньше всего ей хотелось возвращаться в машину. Но что ей делать, автостопом ехать? Домой ей тоже не хотелось. Выбора у нее не оставалось. Когда она проходила мимо Вив, обходя машину спереди, та сказала ей:

— Выдохни, Марилена. Успокойся.

Вив села за руль, но Марилена стояла, положив руку на открытую пассажирскую дверь, пытаясь расслабиться. Ники снова сел на заднее сидение, и Вив тихо с ним заговорила. О чем — Марилена не могла слышать. Наконец, она вошла в машину, хлопнула дверь и пристегнулась. Она решила даже не смотреть на сына. Своего сына. Он казался ей настоящим животным.

— Сăтеа¹, — прошептал Ники.

Марилена против воли обернулась.

— Как ты меня назвал?

— Ты слышала.

Пока Вив выруливала на дорогу, Марилена отстегнулась, повернулась и размахнулась. Мальчик со смехом уворачивался и уклонялся. Наконец, она поймала его за запястье и дернула, но он схватил ее другой рукой, рванул к себе и изо всех сил укусил ее. прокусив руку до крови.

Марилена вскрикнула и отдернула руку.

— Марилена! Прекрати! — заорала Вив.

— Он укусил меня!

— И поделом тебе! — ответила Вив.

Марилена упала в кресло, зажимая укус здоровой рукой.

— Что?

— Да, — ответил Ники. — И поделом тебе! Сăтеа!

Марилена закричала на Ники, обзывая его последними словами, хуже, чем он ее.

— Это надо прекратить! — сказала Вив. — Марилена, ты ведешь себя как ребенок!

¹ Сука (рум.).

В том-то и была проблема. Он вел себя как гораздо более взрослый, чем казался.

— Мне нужна медицинская помощь, — сказала Марилена. Кровь сочилась сквозь пальцы. — Может, у этой маленькой твари бешенство. — Она сунула руку Вив под нос. На руке были глубокие следы верхних и нижних зубов.

— О, Dunmnezeu!¹ — воскликнула Вив и выехала на полосу обгона, вдавив в пол педаль газа.

Марилена гневно глянула на Ники и показала ему кровоточащую руку.

— Видишь, что ты наделал, sorul nelegitim².

Он оторвался от книжки и улыбнулся. А потом показал ей язык. Марилена разрыдалась. Она была потрясена до глубины души. Она поймала себя на том, что взбешена настолько, что могла бы убить его, будь у нее возможность.

Через двадцать минут Вив подъехала к клинике, где родился Ники. Она велела Ники сидеть в машине и потащила Марилену внутрь. Доктор словно бы уже ждал их.

— Несчастный случай, — сказала Вив, пока он осматривал Марилену.

— Случай? — сказал доктор. — Да это укус. Человеческий. Слишком маленький для взрослого. Вас укусил ребенок?

Марилена хотела было заговорить, но Вив опередила ее:

¹ О Господи! (рум.)

² Ублюдок (рум.).

— Мне пришлось резко затормозить, чтобы не сбить животное, и она попыталась защитить моего сына. Но его швырнуло вперед, и вот последствия.

«Ее сын»! На этот раз Марилена была бы рада не называть его сыном. Она пристально посмотрела на доктора, пытаясь понять, купился ли он на эту уловку.

— Возможно, мне следует и его осмотреть, — сказал он.

— Он в порядке, — ответила Вив. — Ведь так, Марилена?

— Да, — ответила она, еле сдерживая дрожь. — С ним все в порядке.

Рана от его верхних зубов потребовала восьми стежков. От нижних — шесть. После противостолбнячного укола, анестезии и анальгетика Марилена размякла и вернулась в машину. Там она нашла Ники, который растянулся на заднем сиденье и спал невинным сном младенца. Это снова распалило ее гнев.

— Сегодня вечером лучше держи его от меня подальше, Вив, — сказала она.

— Он не сделает тебе ничего плохого, — сказала Вив. — Я прослежу за этим.

— Меня волнует не то, что он сделает со мной, — ответила она.

— Вообще-то я думала увезти его на недельку отдохнуть, — сказала Вив.

— Правда? И куда?

— А тебе не все равно?

— Думаю, все равно.

Голова у Марилены отяжелела настолько, что ей пришлось откинуться на спинку кресла. Это было неудобно, потому она опустила спинку так, что она почти уперлась в заднее сиденье. Она была благодарна Вив, что та вела теперь машину медленнее, поскольку хотя рука Марилены и онемела, все ее тело болело. Она чувствовала себя беззащитной, поскольку ее сиденье было близко к тому месту, где сидел Ники и читал свою книжку. По крайней мере, она думала, что он читает. Она повернула голову влево и увидела, что он пристально смотрит на нее.

— Читай, — прошептала она, надеясь, что ее тон будет первым шагом на пути процесса восстановления. Она не хотела быть на ножах с сыном. Виноват во всем был он, она была уверена, но она слишком резко отреагировала, сделала все еще хуже, вела себя не по-взрослому. Но кто бы удержался? Кто стерпел бы, если бы девятилетний ребенок вел себя так?

Он показал ей неприличный жест, она резко села, несмотря на усталость и боль.

— Тетя Вив! — закричал Ники. — Она только что ударила меня!

— Марилена! В конце концов!

Марилена выдохлась. Она не собиралась оправдываться. Вив все равно будет на его стороне. Она отвернулась и стала смотреть в окно. От проплывающего мимо пейзажа ее начало клонить в сон, и она закрыла глаза. В горле комом стояли рыдания, но она сдержалась.

Что случилось? Что с ней стало? Неужели она настолько не способна быть матерью, что даже не может установить контакт с собственной плотью и кровью? Что может быть ужаснее, чем любить сына всем сердцем, а он ведет себя так, будто тебя вообще нет на свете? Теперь она знала что — когда он ненавидит тебя так, что заставляет тебя сомневаться в твоей собственной любви к нему.

Марилена не хотела ненавидеть его, и все же у нее было ощущение, что он смотрит на нее волком, скалится, готовится обзывать ее, показывать неприличные жесты, ложно обвинять. Зачем она так хотела ребенка? Дар, который должен был окружить ее заботой и любовью в старости, стал проклятием, которое свело к нулю все хорошее в ее жизни. Ради чего ей жить? Ради ее исследований? Чтения? Все это не имеет смысла, раз ее собственный сын ненавидит ее.

Она слушала, как Вив говорит по мобильному телефону. Она беседовала с госпожой Чабо.

— Да. Мы с госпожой Карпати уже кое-чего добились с Ники, и я уверена, что, когда мальчик вернется к занятиям, вы увидите, что он совершенно изменился... Мы хотели бы, чтобы он сменил обстановку, увезти его на каникулы, где мы могли бы поработать с ним... Спасибо за понимание... Спасибо за понимание. Если мы не сообщим иного, то через неделю начиная с нынешнего дня ждите его возвращения.

Марилена услышала, как Ники подался вперед.

— Ты хорошая, тетя Вив, — сказал он. Он по-прежнему не был пристегнут. Марилена почти пожелала, чтобы Вив не справи-лась с управлением — вот тогда посмотрим, есть ли на самом деле у него сверхъесте-ственная защита.

— Марилена, ты не могла бы сесть за руль?

— Что? Я не...

— Осталось меньше десяти километров, а мне надо послать электронное сообщение Райшу.

— Я не могу, Вив. Неужели нельзя подо-ждать?

— Нет, сейчас... ладно, не бери в голову. Я просто останавлиюсь у обочины.

— Мне действительно надо домой, Вив.

— Нельзя делать одновременно два дела. Если сядешь за руль, быстрее попадешь до-мой, а мне надо отослать сообщение.

— Просто позвони.

— Позвоню, но не из машины, Мариле-на. Это личное сообщение.

Отлично. Она собирается сообщить ему, что происходит.

Вив остановилась, вышла из машины и захлопнула дверь. Марилена украдкой опу-стила стекло на дюйм, надеясь, что услышит обрывки разговора. Когда Вив смотрела в ее сторону, Марилена закрывала глаза, но когда ей подворачивалась возможность, она

приоткрывала их, пытаясь понять по губам, что Вив говорит.

В какой-то момент Вив отвернулась от машины и медленно пошла прочь, разговаривая.

— Я люблю тебя, Ники, — сказала Марилена.

Молчание.

Она повторила слова. По-прежнему ничего. Она обернулась и увидела, что он вытянулся на заднем сиденье, заложив руки за голову, и спит. Марилена позавидовала ему. Как бы ей хотелось закрыть глаза и отгородиться от мира, от того, чем стала ее жизнь. Она надеялась, что дома сможет так же растянуться на постели и задремать. Сейчас она себе даже представить такого не могла.

Марилена свернулась, чтобы лечь как можно бережнее, лицом к боковому стеклу.

Вив возвращалась к машине, оживленно разговаривая.

— Да, да, конечно. Можете сказать ему, что дело сделано... Понятия не имею сколько... Думаю, как минимум двадцать четыре часа... Значит, сегодня за ужином. Мы ждем вас к семи.

О нет. Ради бога, нет. Марилена считала, что анестезия отойдет полностью часам к шести, и не чувствовала себя в состоянии готовить ужин для гостя.

— Райш хочет с нами поговорить, — сказала Вив, садясь в машину. — Он приедет сегодня вечером.

— Я не могу готовить, — ответила Марилена. — И не знаю, насколько я смогу общаться.

— В этом ты вся, Марилена, — саркастически ответила Вив. — Не беспокойся. Он привезет еду с собой. И говорить тебе не придется. Полагаю, что тебе лучше приготовиться слушать.

— Что? Значит, это у меня проблемы? Если господин Планшетт должен узнать, что произошло сегодня, то почему бы ему не помочь нам с нашим ребенком?

— Проблема не в ребенке, Марилена.

ГЛАВА СЕМНАДЦАТАЯ

Марилена давно полюбила домик в Клу-же. Он был уютный и теплый, и она вспомина-ла дымок очага как наяву, когда была вдалеке от дома. Теперь он манил ее как оазис, но ей страшно было оказаться под одной крышей с мальчиком, которого она больше не знала. А знала ли она его вообще? Он всегда был та-ким отстраненным, так не любил объятий и нежностей.

Когда Вив подъехала к дому и под колеса-ми захрустел гравий, Марилена с кружащей-ся головой подняла спинку кресла. Все ее тело было словно налито свинцом. Как же ей хоте-лось, чтобы ее сын или ее давняя подруга про-явили чуткость, помогли ей выйти из машины, отвели бы в дом, уложили в постель, чтобы она могла отдохнуть до приезда Планшетта.

От Ники этого нечего было ждать, он никогда не проявлял чуткости. Но Вив? Что

случилось с ее характерной бескорыстностью, чуткостью? Неужели она и правда была настроена против Марилены? Действительно поверила, что она виновата? Да, Марилене не стоило набрасываться на мальчишку. Но ведь он вел себя отнюдь не как ребенок. Он вел себя подло, как взрослый, и так же грязно. Кто стерпел бы — кто обязан терпеть — такие оскорбления, особенно от собственного сына?

Ники выскочил из машины прежде, чем Марилена сумела открыть дверь. Вив попросила его помочь накрыть стол, поскольку приедет «дядя Райш». Значит, теперь, кроме тети Вив, у него еще и дядя появился? Разве не мать раздает такие титулы и не тем, кого сама выберет?

Только бы Ники не согласился помочь Вив после того, как он так мерзко повел себя в отношении Марилены! Но он был последователен.

— Нет уж! — отрезал он.

Он бросил свой ранец в доме и побежал играть с Алмазным Светиком.

Какое облегчение! Пусть никто ей не помог, Марилена хотя бы могла немного полежать в постели. Она чувствовала себя старухой, когда в полусне вошла в дом.

— Как понимаю, подготовка к приезду Райша полностью на мне, — сказала Вив.

Марилена не ответила. Ей было неприятно даже в таких условиях быть грубой, но она сейчас не способна была на уступки. Если она и заслуживала внимания, то сей-

час. Но раз никому нет до нее дела, она сама о себе позаботится. Она сбросила туфли и осторожно легла на свой любимый плед. Через пару секунд она спала.

Она проснулась от боли. Марилена с изумлением увидела, что уже темно. Она почувствовала запах азиатской кухни и услышала голоса. Это благодаря заботливости Вив ее не стали будить ради ужина, или Вив с Планшеттом просто было на нее наплевать? Несомненно, они воспользовались ее отсутствием, чтобы перебить ей кости.

Марилена плеснула воды себе в лицо, проглотила пару таблеток обезболивающего, и тихонько вышла из комнаты. Ники сидел в соседней комнате за компьютером.

Планшетт встал, но как-то чересчур галантно, подумала Марилена, и тепло с ней поздоровался. Она попыталась изобразить улыбку.

— Кое-что еще осталось, — сказала Вив. — Я не знала, захочешь ли ты есть, но я...

— Я просто с голоду умираю, — ответила Марилена.

— ... знала, что ты хотела бы поспать подольше.

— Спасибо, — ответила Марилена, тяжело опустилась на стул и начала есть прямо из коробки. Голод, всегда говорила она, лучшая приправа, но острый вкус еды показался ей каким-то странным, возможно, из-за таблеток. Рука пульсировала болью.

— Нам надо поговорить, — сказал Планшетт. — Когда вы будете готовы.

Марилене уже надоело, что с ней обращаются как с инвалидом.

— Я готова.

— Жестокое обращение с ребенком — серьезное обвинение, — сказал Планшетт.

— Жестокое обращение? Я...

— Одно слово властям, и вы легко можете потерять сына.

Сейчас это ее уже и не пугало — но жестокое обвинение?

— Господин Планшетт, этот ребенок...

— Пожалуйста, не пытайтесь оправдываться, госпожа Карпати. Дети всегда дети и мальчики всегда мальчики. Какова бы ни была его вина в этом случае, вы — взрослый человек, родительница, и ваши поступки не имеют оправдания.

— Но...

— Никакого оправдания!

— Отлично! Я вас услышала. Полагаю, вы не будете оповещать соответствующие органы об этом.

— Конечно. Как минимум гражданские. Ассоциация очень встревожена. Говоря откровенно, вы не оправдали своей роли матери Ники.

— От этого я не перестаю быть его матерью, — ответила Марилена.

— Позвольте мне говорить совершенно откровенно, — сказал Планшетт. — Вы на испытательном сроке. Мне хотелось бы сказать, что если в течение года подобные инциденты не повторятся, то испытательный срок будет зачтен, но мои здешние кураторы

и руководители из мира духов напоминают мне, что никакой *toleranță*¹ здесь быть не может. Еще одно физическое нападение на избранного — при любых обстоятельствах, — и вы утратите материнские права.

Марилена едва могла вздохнуть. Голос ее звучал неуверенно и слабо, и она ненавидела себя за это.

— А как же его нападение на меня?

— Это была самозащита! — вскричали в один голос Планшетт и Вив. — Что ему еще оставалось делать?

— О, я поняла, — сказала Марилена, ощущая себя как в начальной школе, когда дети травили ее и распускали слухи, завидуя самой умненькой девочке в классе. Когда ее же собственные слова оборачиваются против нее — правда это или нет, — ее положение безнадежно. Тогда ей пришлось смириться с судьбой, как и теперь.

— Итак, вы обещаете, что больше таких срывов не повторится? — сказал Планшетт.

— Если такое случится, вы и так уже все решили. Так что пообещаю я или нет, это ничего не меняет. Просто тогда я буду виновата вдвойне — и в том, что ударила его, и в том, что нарушила слово.

— Значит, вы не можете пообещать, что такого не повторится?

— Зависит от того, не спровоцирует ли он меня снова.

¹ Терпимость (рум.).

— Неверный ответ, — сказал Планшетт, изображая улыбку.

— Неверный ответ, — как попугай повторила Вив, и Марилена возненавидела ее.

— Если сегодня я не получу вашего обещания, что такое никогда больше не повторится, я не могу гарантировать, что вы когда-либо еще увидите вашего сына.

И несмотря на разочарование Марилены в сыне и отвращение к этому взрослому ребенку, такая перспектива глубоко ранила ее. Они что, действительно попытаются разлучить их с Ники? Только через ее труп. А если им удастся сделать это и не убить ее, то она сама с собой покончит. Больше ей не для чего жить.

Могут ли они действительно это сделать? Не уступила ли она свои права ассоциации, пообещав, что будет растить Ники в рамках их духовных воззрений? Она не могла себе такого представить.

— Сделаю, что смогу, — выдавила он.

— Это вряд ли можно счесть обещанием.

— А что вы хотите услышать?

— Что вы были не правы. Что вы потеряли голову. Что вы понимаете, что пытались нанести физический вред избранному посланнику мира духов. Что вы обещаете никогда не действовать под влиянием гнева или эмоций

Марилена стиснула челюсти до скрежета зубовного.

— Я признаю это и удовлетворяю ваше желание.

— Я бы хотел, чтобы вы повторили это сами, — сказал Планшетт.

Еще бы.

— Мне плохо. Мне больно. Я не могу сосредоточиться. Прошу поверить мне на слово хотя бы ради моей безупречной жизни и удовлетвориться тем, что я вас услышала и согласилась с вами.

Планшетт внимательно рассматривал ее.

— Ну хорошо, — сказал он наконец. — Но я должен сказать, что вы не столь безупречны, как вам кажется. Нет-нет, вы никогда прежде не поднимали руку на мальчика, но и ваши отношения нельзя назвать нормальными. Судя по нашим отчетам, он относится к вам очень безразлично.

— И откуда вы это знаете?

— А как вы думаете, зачем здесь госпожа Авинцева? Чтобы просто помогать вам? Вы должны были догадываться, что она — наши глаза и уши.

Марилена кивнула. Значит, за ней каждый день следили. И Вив передавала информацию руководству. Ужасно. Просто ужасно!

Значит, никто не контролирует Николае? Значит, его статус избранника таков, что, несмотря на все его выходки, его и пальцем нельзя тронуть? Если он что-то вроде божества, то по определению даже его самые отвратительные поступки божественны. Единственная надежда Марилены — стать его последовательницей, его поклонницей. После того как его младенчество закончилось,

никакого материнского влияния на него она не имеет и иметь не будет. И нечего ждать, что сын будет ей признателен. Нечего и надеяться, что она занимает хоть какое-то место в его душе и вообще хоть что-то значит для него.

Она выносила его, она вскормила его грудью, она качала его на руках, меняла подгузники. Но ни один ребенок этого не помнит, даже смертный ребенок. Она сыграла свою роль, она просто средство, которое использовали до конца. Теперь она должна будет полагаться на его милость.

И что случится, если он выдвинет против нее лживое обвинение? Скажет, что она напала на него, когда они были наедине? Или, что еще хуже, если при этом будет Вив, которая все равно встанет на его сторону? Конец всему. Конец всем взаимоотношениям. Марилена пришла к чудовищному выводу, что она остается матерью Ники только благодаря его капризу. Да уж, испытание в чистом виде. Если она хочет сохранить хоть какое-то место в его жизни, она должна стать *lingușitor*¹, *parazit*, подхалимкой.

— Теперь вот что, — сказал Планшетт. — Госпожа Авинцева увезет Ники на неделю, чтобы они могли пересмотреть, продумать, укрепить их связь.

Их связь! Уж с этим-то все в порядке. Даже лучше чем в порядке. Это Марилене нужно было время наедине с Ники.

¹ Лизоблюд (рум.).

— Обсудит ли она с ним его поведение в школе?

Планшетт улыбнулся и посмотрел на Вив, которая усмехнулась ему в ответ.

— Честно говоря, госпожа Карпати, это нас не волнует. На самом деле это очень даже нас радует. Ники выказывает качества лидера, далеко опережающие его возраст. Естественно, учительница начальной школы не может с ним справиться. А кто мог бы? Он демонстрирует способности политика, которые очень пригодятся ему в будущем.

— Я вижу. — Если бы только она увидела это раньше. Ники был всем другом, все были на его стороне. Даже сам Планшетт, похоже, намеревался долгие годы пользоваться Ники как паровозом.

Планшетт встал.

— Чувствую, нам удалось добиться некоторого прогресса. Вивиана с мальчиком уедут утром, а вы не будете пытаться связаться с ними до тех пор, пока они не вернутся.

— И где они будут?

— Это вам не обязательно знать.

— Тогда как я вообще могла бы с ними связаться?

— Вот именно.

Марилена покачала головой. Они явно не ждут, что ей это понравится или что она смирится с этим, но какой у нее выбор? Похоже, что все это было затеяно с одной целью — поставить ее на место. У нее не было выбора, не было никакой власти. Одно неверное движение — и она потеряет своего сына. В голове ее

крутились мысли о похищении собственного ребенка. Марилена и Ники придется уйти в бега, без средств к существованию, без перспектив — особенно если ее сын не захочет бежать. В лучшем случае бегство продлится двадцать четыре часа. А потом она точно потеряет его навсегда.

Марилена никогда не разлучалась с сыном на целую неделю. Она не могла себе такого представить, но что-то в ее душе желало этого.

Марилена очнулась от неверного, болезненного сна на рассвете при звуках сборов Ники и Вив. Марилена набросила халат и выскочила из комнаты, застав Вив, которая подталкивала к двери Ники с набитым рюкзаком.

— Быстрее, — шептала она. — Идем!

— Подожди, — сказала Марилена. — Я должна с вами попрощаться.

— Нет, — ответила Вив. — Лучше не надо.

— Лучше для кого? Для чего? Почему?

— Марилена, будь разумна. Ты вчера очень расстроила его. Он не знает, что и думать. Притворное пожелание доброго пути только смутит его. Оставь его в покое. Встретимся через неделю.

— Я тебя ненавижу, — сказала Марилена.

Вив вздохнула:

— Я знаю. Но во мне нет ненависти к тебе. Мне жаль тебя. Тебе нужно время, что-

бы твой разум успокоился. Поработай над собой эту неделю, ладно?

— Вив, а на чем я буду ездить?

— Куда тебе нужно поехать?

— К врачу.

— Зачем?

— Снять швы.

Вив помедлила.

— Это может подождать.

— Нет.

— Тогда вызови такси. Будь посообразительней, ты же взрослая женщина.

Марилена, топая ногами, пошла к себе в комнату и захлопнула дверь. Она упала на постель и разрыдалась. Услышав шум отъезжающего внедорожника, она подошла к окну и смотрела вслед, пока задние огни не растаяли вдалеке. А вдруг она больше никогда не увидит Ники? Вдруг она угодила в чудовищную ловушку? Вдруг они решили, что она — неподходящий вариант, и просто украли его?

Она позвонила Планшетту. На ее звонок ответила какая-то сонная женщина.

— Нет, сударыня, — ответили Марилене. — Он уже уехал в Бухарест.

В Бухарест?

— Пожалуйста, пусть он позвонит мне как можно скорее. У меня чрезвычайная ситуация.

Повисла долгая пауза.

— Я это сделаю, если вы мне кое-что пообещаете.

Марилена села на край постели, совершенно озадаченная. Она даже не знала этой

женщины. Госпожа Планшетт? Дочь? Любовница? И она просит у Марилены какого-то одолжения?

— Пообещайте, что не скажете ему, что это я сказала вам, где он.

— Почему?

— Потому, что я не должна была.

— Он с госпожой Авинцевой и моим сыном?

Более длительная пауза.

— Больше я ничего не знаю.

— Пускай он мне позвонит.

— Я скажу ему, если вы обещаете. — Судя по голосу, женщина была не в меньшем волнении, чем Марилена.

— Подождите. Я соглашусь при одном условии.

— Я уже поставила условие, госпожа Карпати. И вы его знаете.

— Сударыня. Я должна знать. Просто скажите — они намерены вернуть мне сына?

Меньше всего ей хотелось услышать в ответ молчание. Все что угодно, только не это.

— Я понятия не имею, — ответила женщина, наконец, но пауза была слишком долгой.

— A face un jurământ¹; поклянитесь мне.

— Прошу вас, — взмолилась женщина, — я ничего не знаю.

— У вас дети есть? — сказала Марилена. — Вы мать?

— Да.

¹ Как под присягой (рум.).

— Прошу вас, скажите!

— Я правда не знаю, — ответила она.

— Пусть он позвонит мне, — сказала Марилена. — Я вас прикрою.

Марилена была уверена, что сходит с ума. Как она могла такое допустить? Ники — единственное, что заботило ее, единственное, ради чего она жила. Если бы ей только побыть немного с ним наедине, чтобы все исправить, снова вернуть все в колею, убедить его, что она любит его больше жизни.

В халате, босая, Марилена, проходя мимо зеркала, мимоходом увидела свое отражение. Она действительно выглядела как безумная. Волосы на голове стояли дыбом, как у Медузы-горгоны. Лицо было бледным, глаза покраснели, отеки, под глазами темнели синяки. На ее лице было написано отчаяние и паника, она попала в ловушку и была беспомощна. Даже если она вызовет такси, куда ей ехать? К кому? Кто ей поможет?

Как сказать властям, что ее собственный ребенок похищен лже-тетей? Что заставит их перехватить внедорожник? Один неверный шаг, и Марилена может даже не молить о том, чтобы снова увидеть Ники.

Молить. Молитва.

Последняя гавань среди урагана. Кому ей молиться? Если за всем этим стоит Люцифер, то что же это за бог такой? И стоит ли он ее поклонения? А если она будет просить помощи другой стороны, вдруг это приведет Люцифера в такую ярость, что она всю жизнь будет жалеть об этом?

Послушай себя. Ты безумна. Безумна.

— Господи, — взмолилась она, — неужели уже поздно? Можешь ли Ты помочь мне? Я знаю, что я недостойна помощи. Я грешница. Я понимаю, что мне заказан путь к Тебе. Но я в отчаянии. Мне нужна Твоя помощь, пусть я и выбрала не тот путь. Помоги мне. Скажи мне, что делать. Защити моего сына.

Небеса молчали.

Марилена бродила по комнатам, и все напоминало ей о Ники. Это разрывало ей душу. Она часто дышала, ей пришлось успокаивать себя. Когда через шторы начали пробиваться розовые и оранжевые лучи рассвета, ее начало трясти от боли в руке. Она проглотила еще одну таблетку и впервые подумала о том, не проглотить ли ей все остальное содержимое пузырька и не погрузиться ли в небытие.

Марилена отдернула шторы здоровой рукой и застонала в отчаянии, упала на колени и разрыдалась. Она била кулаками по половицам из твердого дерева, пока ее ладони не заболели так же сильно, как ее предплечье. Какой же она была душой! Как она могла позволить делам зайти так далеко?

— Господи, помоги мне! — кричала она. — Спаси меня!

Марилена понимала, что сместила акценты. Ее последний крик был не о том, чтобы ей вернули сына, а о спасении ее души. Неужели Бог истинный, Бог любви не ответит на ее крик? Она немного успокоилась, болезненно раскачиваясь на коленях взад-вперед. Как же

ей хотелось мира в душе. Но поймет ли она, что этот мир снизошел к ней? Не затуманит ли его отчаянная тоска по ребенку?

Какая-то зыбкая картина возникла в голове. Воспоминание. Проблеск. Что это было? Biserica Cristos. Церковь Христа. Где она ее видела? Знак. Стрелка возле съезда с шоссе где-то между их домом и школой Ники. Насколько это далеко? Можно ли дойти пешком? И в состоянии ли она идти?

Марилена не верила в сверхъестественное. Прежде не верила. Ей потребовалось осязаемое доказательство реального существования мира духов. Но можно ли связать это — что бы то ни было — с ее неистойой молитвой? Ее научный ум сопротивлялся этому, но другого выхода у нее не было. Она всем своим существом хотела верить, что это — ответ Бога.

Марилена бросилась к телефону и позвонила. Руки ее тряслись. Включился автоответчик, сообщая о расписании воскресных служб, и о том, что на все ее вопросы служители церкви готовы ответить в любое время после полудня, с понедельника по пятницу.

— Мне надо с кем-то поговорить. О Боге. Я не знаю, что мне нужно, правда, но я буду благодарна за звонок.

Даже поговорив с автоответчиком Марилена почувствовала себя лучше. Она смогла добраться до душа и потом одеться. Она надеялась, что кто-то получит ее сообщение, но также молилась, чтобы та женщина Планшетта смогла убедить его позвонить ей. Она

была готова сказать что угодно, пообещать, согласиться на любые условия. Марилена решила держать себя в руках и со временем чего-нибудь да добиться.

В десять часов она заставила себя выпить еще одну таблетку обезболивающего и позавтракать. Не в силах ждать, Марилена еще раз позвонила Планшетту. Никакого ответа. Даже автоответчик не был включен. Через полчаса она позвонила еще раз. Механический голос сообщил ей, что этого номера больше не существует.

Марилена позвонила в школу Ники и попросила госпожу Чабо.

— О, госпожа Карпати, мы как раз собирались вам позвонить, но мы знаем, что вы в отпуске. У госпожи Чабо в семье случилась беда, и она покинула нас буквально не сказав ни слова. Ее мать внезапно умерла, а отец не в состоянии ухаживать за собой. Похоже, что она единственный ребенок, который сейчас способен ему помочь. Как бы то ни было, мы намерены найти ей замену как можно быстрее.

Марилена запаниковала и решила сделать то, чего поклялась не делать никогда. Она позвонила в университет и попросила к телефону Сорина. За все годы с того дня, как она ушла от него, он сам ни разу ей не позвонил. Она звонила ему сама, оставляла сообщения, посылала ему фотографии Ники, даже его школьные оценки. Когда он все-таки отвечал, она получала сердечные поздравления, благодарности и пожелания

всего наилучшего. В каждом сообщении были банальные слова о том, какой у нее красивый сын и что Сорин надеется на то, что она счастлива и много пишет. Он даже один раз обмолвился, что слышал хорошие отзывы о ее исследовательской работе.

Но ни разу он не звонил или не писал по собственной инициативе. Видимо, на самом деле его вовсе не интересовало благополучие ее сына или ее самой. Марилена пришлось признать, что она была для него просто оставшкой на шоссе его жизни. Она была уверена, что, если бы время от времени не общалась ему новости, он быстро позабыл бы о ней.

— Простите, мадам, — сказали ей, — но доктор Карпати больше здесь не работает.

— Извините?

— Уже почти два года, мадам.

— А где же он?

— Как понимаю, уволился.

У нее закружилась голова.

— Тогда соедините меня, пожалуйста, с доктором Бадуной Марьюсом.

— О, но они уволились одновременно.

Марилена, потрясенная до глубины души, попросила соединить ее с еще одной из бывших коллег. Но та была на семинаре.

— Простите, что надоедаю, — сказала Марилена, но попросила соединить ее с женщиной-профессором, которую знала по факультету психологии. Эта женщина всегда знала самые последние слухи, но они уже много лет не общались.

После обычных здравствуй-как-хорошо-что-ты-позвонила, Марилена перешла к делу.

— А что стало с моим бывшим мужем и его любовником?

— Так они поженились, ты сама знаешь!

— Да, но они оба ушли из университета?

— Да уже почти полтора года. Конечно, это было лишь вопросом времени. Они наверняка выиграли в лотерею, Марилена. Если бы это была какая-то премия, мы бы знали, но...

— Ты о чем?

— Ну, вскоре после того, как ты уехала, точнее, когда они поженились, Сорин и... как там его звали?..

— Бадуна.

— Да, они стали жить на широкую ногу. Вскоре после похорон госпожи Марьюс. Ты слышала об этом.

— Я была на похоронах.

— А, ну да. Короче, Сорин и Бадуна вдруг стали роскошно жить. Мы думали, что его жена оставила ему кучу денег или...

— Я не верю, чтобы у нее были деньги, — сказала Марилена.

— ...или он получил после нее огромную страховку.

— Вряд ли. И разве страховые компании не тянут с выплатой за самоубийство?

— Короче, у них с Сорином откуда-то взялись огромные деньги, поскольку они продали квартиру Сорина, продали дом Бадуны и купили петнхауз за несколько миллионов лей в кондоминиуме в центре Бухареста.

— Невероятно.

— Но факт. Мы все знали, что они туда переедут, это был только вопрос времени. Я еще удивлялась, что они так долго тянули. Им явно не нужна была зарплата.

— И что они делают сейчас?

— Пишут, преподают. Книги их не продаются, за лекции они много не получают. В общем, по сути дела, они ушли на покой.

Марилена поблагодарила свою старую сослуживицу. Теперь ей овладело маниакальное желание узнать, что столько лет скрывала под замком Вив Айвинз. Она ни разу не позволила Марилене зайти в свою спальню. Марилена достала из ящика на кухне вилку и загнула все зубцы, кроме одного, сделав из него грубую отмычку. Через несколько минут она повернула простой дверной замок и распахнула дверь.

ГЛАВА ВОСЕМНАДЦАТАЯ

Результаты бейсбольного сезона оказались неутешительными, как и опасался Рэй Стил. Большинство старшеклассников, с которыми он играл предыдущие три года, под разными предлогами постарались как можно раньше оставить команду. В результате Рэй остался и лидером, и капитаном, и питчером, и первым бейсменом.

Он был здоров, но он потерял несколько миль в час на фастболе. По иронии судьбы это сделало его более ловким питчером — а куда денешься — и первым в команде по победам. К сожалению, побед было слишком мало, чтобы Бельвидер смог выиграть сезон. Хотя он и стал основным игроком, это был самый разочаровывающий для Рэя сезон за четыре года. Летние игры были ему уже поперек горла. Он лучше бы сосредоточился на полетах и покончил с ремонтной мастерской.

Его отец принял бы это с трудом, но Рэй решил, что это уже не его проблема. К моменту выпуска он получил похвал больше, чем кто-либо другой, — первый спортсмен в школе, спортсмен года, а также еще два приза зрительских симпатий — самый красивый молодой человек и самый популярный парень в школе.

И опять от всего этого Рэй чувствовал себя опустошенным, хотя его радовали поздравления многочисленных друзей, одноклассников и родителей. Но каждый раз, как кто-то поздравлял его родителей. Рэй слышал, как отец бормочет себе под нос:

— Конечно, я им горжусь, но большая часть его заслуг — благодаря мне.

Осенью Рэй начнет посещать университет Пердью за счет академической стипендии и стипендии для будущих офицеров резерва, не оставляя варианта поступления в академию ВВС в Колорадо-Спрингз. Он не хотел вводить людей в заблуждение, делая вид, что мечтает о военной карьере. В конце концов, все это были лишь способы достижения цели. Он хотел быть гражданским летчиком и зарабатывать достаточно денег, чтобы иметь дом, машину — и жену — такие, какие он хочет.

Комната Вив оказалась опрятной, что не удивило Марилену. Но отдельные замки на

двери чулана и нескольких ящиках озадачили ее. Что за тайну Вив так тщательно пыталась скрыть?

Марилена попыталась вскрыть замки, но они оказались не таким простыми, как дверной, а Марилена не хотела оставлять следов.

Вскоре она уже раскаялась в этом. В душе ее зашевелился страх. Почему никто не позвонил ей от Райша Планшетта или из церкви? Сердце ее снова запрыгало в груди, она ощутила себя одинокой и беззащитной.

Она вышла наружу, к сараю и маленькому загону. Лошадь зафыркала, увидев ее, а Марилена нашла в сарае молоток и длинную отвертку. Что же, ей теперь еще и за лошадью ухаживать? Она об этом как-то не подумала. Она никогда не чистила конюшню.

Ей показалось, что очень жестоко оставить Алмазного Светика утопать в собственном навозе целую неделю. Но почему ему должно быть легче, чем ей? И с чего она решила, что это только на неделю? Если ее сына похитили, то она останется в одиночестве до конца жизни. И позволит ли ассоциация, Планшетт и его прихвостни ей оставаться здесь вообще?

Но бедный конек в этом не виноват. Потом она найдет лопату и сделает, что нужно, но Светику лучше выйти, когда она войдет. Марилена совершенно не умела обращаться с лошадьми.

Вернувшись в дом, она попыталась осторожно открыть замок шкафа Вив, но чем больше она трудилась, тем больше остава-

лось на замке и дереве царапин. Наконец, она поняла, что нет другого выхода, кроме как сделать то, что она должна была сделать. Марилена сунула конец отвертки под дужку висячего замка и прижала стержень отвертки к дверной раме шкафа. Она надавила всем своим весом, и отвертка вошла в мягкое дерево, расщепив его и упершись в стенку за ней.

Замок не собирался открываться, но рама и стенка начали медленно подаваться. Теперь ей было все равно, наследит она или нет. Скоро вся структура покосилась, стена в месте, где в нее уперлась отвертка, начала крошиться, и замок, все еще запертый, повис на створке двери.

Если только Марилене не удастся срочно найти хорошего мастера, скрыть попытку вторжения в личное пространство Вив не получится. Но Марилене было все равно. Вся эта таинственность наверняка была связана с ней и ее сыном, так что она считала себя вправе все узнать.

Как только она взломала дверь, она увидела сейф. К счастью, он не был какой-то особенной конструкции и уж явно не самой последней модели. На нем был секретный замок, но она была уверена, что с имеющимися у нее инструментами она сможет проникнуть в него. Через пару минут она прогнула дверь и открыла ее. О последствиях она подумает потом. Она зашла слишком далеко, чтобы повернуть назад.

В сейфе лежала пухлая папка-гармошка. Вив прекрасно расположила документы в

хронологическом порядке, что было неудивительно. Они были разложены по годам, и первые относились ко времени за несколько лет до того, как Марилена встретила Вив, затем шел пропуск в несколько лет до времени примерно за год до их встречи. С тех пор за каждый год накапливалось по несколько страниц.

Марилена должна была что-то сделать. Она вытащила бумаги и вывалила их на постель Вив. Ее сердце чуть не остановилось, когда она увидела, что за ней следили еще до сориновского периода. Она увидела переписку между Вивианой Авинцевой и собственным будущим мужем.

Сорин был знаком с Вив? Он ведь ни слова об этом не говорил даже спустя много лет, когда она затащила его на встречу с Вив.

Одно из ранних писем Вив:

Носитель избранного ребенка должен быть умным, хорошо образованным и как минимум агностиком по убеждениям, если не одним из нас. Согласно мнению духов, внешность может быть позаимствована у вашего любовника, но интеллект должен быть вашим и той женщины, которую вы выберете для вынашивания ребенка.

Мистер Стонагал передает вам свои поздравления и наилучшие пожелания и просит, чтобы я еще раз вас поблагодарила за вашу доброту в отношении его покойного ныне сына, который не раз гово-

рил ему, что Цюрих был счастливейшим периодом в его краткой жизни.

Во имя духовной связи,

Вивиана Авинцева».

А может, эти документы — подделка? Вдруг Вив надеялась, что однажды Марилена их обнаружит? Может, это специально, чтобы помучить ее? Неужели Сорин знал все с самого начала? Даже еще до начала? И Бадуна тоже? Значит, они оба были донорами спермы? У Марилены все это не укладывалось в голове. Да, Сорин действительно преподавал в частной школе в Цюрихе, его выдающийся ум давал привилегию вести себя запанибратски с детьми богачей из разных стран.

Она порылась в документах, добралась до того, который касался прежней жены Сорина.

«Мадам Авинцева.

Моя жена, конечно, оказалась неподходящей, как и еще две многообещающие студентки. Но я по-прежнему в неустанном поиске. Было бы гораздо проще, если бы мне позволили поиск внутри нашей собственной ассоциации. Но я вижу ценность человека со стороны как сосуда, если только она — не враг нашего дела.

Все еще в поисках,

С надеждой оказаться полезным,

Сорин К.».

Марилена едва дышала. Последующие письма рассказывали о том, как Сорин обнаружил Марилену и медленно, осторожно начал оценивать ее пригодность. Ее поразило в самое сердце замечание о том, что он «рад, что у ребенка будет не ее внешность». Но ниже он очень высоко оценивал ее интеллект и способности к преподаванию.

Вив побуждала его быть осторожным, но поторапливаться.

«От нас требуют сделать эту цель первоочередной. Так что не торопитесь, но и не тяните».

Позже Сорин просил у Вив совета, как лучше обсудить вопрос с Мариленой, его сожительницей, которая быстро превратилась просто в коллегу и соседку по квартире:

«Достаточно приятная, но совершенно не героиня моих романтических мечтаний».

Вив ответила:

«Ей можно внушить жажду иметь ребенка, Сорин. Если вы понимаете, о чем я. Но обязательно нужно, чтобы она поверила, что это ее собственная идея».

Сорин писал о Марилене пренебрежительно как о неодушевленном предмете:

«Я женился на ней по вашему предложению и с надеждой на долговременное

финансовое процветание, так что прошу вас дать подтверждение, что я не трачу впустую лучшие годы жизни».

Вив завершила его в этом.

Затем следовало обсуждение стратегии того, как заронить в душу Марилены тоску по ребенку и в качестве отдушины подсунуть ей эти еженедельные встречи, которые откроют ей мир духов. Сорин посещал частные встречи в течение многих лет вместе с Бадунной. Марилена покачала головой, дивясь своей наивности. Она не только думала, что Сорин встречается с другой женщиной, но даже не подозревала, что он был еще где-то, кроме как в чужой постели в эти одинокие вечера.

Значит, материнский инстинкт — только наваждение? Марилена никогда не хотела ничего так отчаянно, всей душой. Несмотря на эти свидетельства, она не могла поверить, что это было не по-настоящему. Или это чувство вселил в нее Люцифер? Может ли это объяснить появление той машины без водителя? Этого не может быть. Трясущимися пальцами Марилена переворачивала страницы, читая документы, распечатанные на принтере и свидетельствовавшие о ее потраченной впустую жизни.

Основной проблемой оказалось ее нежелание броситься в люциферианство с тем пылом, на который они надеялись. Вив писала Райшу Планшетту:

«Это могло бы все решить, но она упертая. Даже мой переезд вместе с ней,

что вроде не вызвало у нее подозрений, не помог подтолкнуть ее к цели. Она дилетантка, но я начинаю опасаться, что она никогда не станет нашей последовательницей.»

«Дж. С. считает ее расходным материалом», — ответил Райш Планшетт.

У Марилены все поплыло в глазах. Ее жизнь оказалась вымыслом, чужой идеей. Она пролистала остальные документы, выхватывая подробности, из которых происходили все беды ее существования. Она была простой пешкой, ее дергали за ниточки другие люди, пытаясь достичь своих целей и выгод. Ее собственный муж использовал ее как средство, чтобы получить много денег и заронить в ее душу семена того, во что он, как он сам заявлял, не верил!

А вдруг ее сын никогда не имел к ней родственных чувств, никогда не отвечал на ее любовь потому, что вовсе не был ее сыном? Вдруг он просто продукт мира духов — дешевая имитация того, что христиане называют воплощением, — а не ее собственной плотью и кровью? Она не могла смириться с этим, стерпеть! Она была привязана к Ники как к части самой себя — к органу, конечно, он был ее продолжением.

Рука Марилены снова начала пульсировать от боли, и она с ужасом увидела, что краснота и опухоль распространились по обе стороны повязки. Инфекция. Причем быстрая. Она

могла бы проконсультироваться по Интернету, но понимала, что находится в опасности. Кисть ее раненой руки дрожала, словно ее поразила болезнь Паркинсона, зрение начало затуманиваться. Нельзя, чтобы боль еще сильнее ухудшила ее физическое состояние.

Зазвонил телефон, она бросилась к нему, но головокружение заставило ее опереться о стену и сесть на пол, когда она схватила трубку.

Послышался голос мужчины средних лет.

— Здравствуйте, могу ли я поговорить с Мариленой?

— Я слушаю.

— С вами все в порядке? Похоже, вы в смятении.

— Простите, кто звонит?

— Protopop¹ церкви Христа.

— Да, спасибо за звонок. Я должна приехать поговорить с вами, но, боюсь, прежде мне понадобится медицинская помощь.

— Что случилось? Я могу вам помочь?

Она рассказала ему, но сказала, что ее укусила собака.

— Боюсь, вам надо вызвать такси и поехать к вашему врачу, — сказал он. — У меня сегодня служба, а к пяти часам приглашаю вас приехать ко мне.

— Это я смогу сделать, — с трудом выговорила она.

— Вы уверены? Может, мне вызвать кого-нибудь к вам?

¹ Настоятель (рум.).

— Нет, спасибо. Я смогу доехать до врача и к пяти буду у вас.

Марилене пришлось звонить в три компании прежде, чем она нашла одну в Клуж-Напоке, которая согласилась послать машину так далеко и потребовала за это внушительную надбавку. Они пообещали забрать ее через час.

Возможно, это была игра ее воображения, но Марилене показалось, что краснота вокруг ее повязки стала сильнее за последние несколько минут. Повязка стала давить и из-под нее что-то сочилося. Марилена еле справлялась с паникой. Она, хромая, вернулась в комнату Вив и быстро просмотрела последние страницы, стараясь не упустить ничего.

Она застыла, увидев фамилию госпожи Чабо. Они ее знали? Знали до того? Специально ее внедрили? И все эти школьные дела были частью обмана, инсценировкой, чтобы настроить Марилену против Ники? И доктор! Даже он, «доктор Люзие», и медицинский факультет назван! Но здесь документы в папке заканчивались. Но должно быть что-то еще!

Марилена подошла к компьютеру Вив, но он был запаролен. Она пыталась подобрать комбинацию слов и цифр, какие только могла придумать, — дату рождения Вив, адреса, имена друзей и соратников, слова, связанные со спиритизмом. Когда после получаса стараний ничего не получилось, Марилена начала вводить даты задом на-

перед. Вив родилась 12 июня. Марилена попыталась набрать 612. Не получилось. Она набрала 216.

Когда она услышала скрежет шин по гравии, открылась домашняя страница. «Добро пожаловать в Интернет, Вивиана». Марилена быстро просмотрела списки директорий и файлов, нашла одну под заглавием «СК». Если это означает Сорин Карпати, то там должна быть самая свежая информация.

Марилена встала, чтобы попросить водителя подождать, но головокружение заставило ее на мгновение присесть на край постели. Наконец, она медленно поднялась и вышла. Она подняла палец, чтобы водитель понял, что ей нужно несколько минут, но он сердито указал на часы.

— Я быстро, — сказала она.

— Две минуты! — крикнул он.

ГЛАВА ДЕВЯТНАДЦАТАЯ

Может, Марилена слишком мало ела? Желудок скрутило болью. Нет, в нервном состоянии она, скорее, могла бы слишком много съесть. Так откуда головокружение и тошнота? Она держалась ближе к стене, упираясь в нее здоровой рукой. Марилена вернулась к компьютеру.

Для доступа к папке СК тоже требовался пароль, 216 снова сработал. Видимо, Вив, по счастью, была с компьютером на «вы». В папке содержались файлы, отсортированные по дате, и Марилена быстро поняла, что они соответствуют документам, которые она нашла в сейфе. Она сэкономила бы себе много сил и времени, если бы начала с компьютера.

Зрение быстро ухудшалось. Марилене с трудом удавалось сосредоточиваться. В конце списка она нашла документы, датированные более поздними датами, чем она уже читала.

Зачем Вив выделила их? Это было бессмысленно. Если она хотела, чтобы Марилена их нашла, почему она просто не показала их ей?

Моргая распухшими сухими глазами, она подалась вперед, чтобы прочесть запись трехдневной давности. Это было письмо Планшетту.

«Ники выдумал остроумный способ спровоцировать Марилену. Он не перестает меня ежедневно изумлять».

Марилена не была врачом, но читала достаточно много медицинской литературы, чтобы распознать признаки обморока. Она была уверена, что к этому дело и шло. Спеша наперегонки со временем, она прищурилась и прочла предложение. Ей показалось, что его породил ее собственный поврежденный разум.

«Если мы сможем сделать это до Клуж-Напоки, ваш человек должен быть на месте».

Ваш человек? Доктор? Марилена рылась в воспоминаниях. Каждый раз, когда они приезжали в клинику, им не приходилось ждать врача, разве что в очень редких случаях. И хоть раз проходили они стандартную процедуру — регистрацию, проверку страхового полиса, что там еще? Она не могла вспомнить. Но доктор казался приятным человеком, заметил, что укус был человеческий, предложил обследовать укусившего ее ребенка. Как

это может быть? Или все это — часть общей схемы?

Марилена была параноиком и напомнила себе, что не надо поддаваться возбуждению. Она услышала на улице гудок и потянулась, чтобы поднять штору. Она замасала руками, показывая, что ей нужно еще время, но не могла сказать, смотрел ли в ее сторону таксист. Когда она снова села, она заметила, что задела за клавиатуру, и страница, которую она читала, исчезла. Ее пришлось восстанавливать, снова заходя через список файлов, но она услышала, как трогается с места машина. Но он же не может уехать! Может, он просто припарковывается в другом месте. Но еще два коротких гудка заставили ее понять, что его терпение иссякло.

Марилена вскочила со стула и, шатаясь, пошла к входной двери. Она открыла ее, и в клубах пыли увидела, как такси отъезжает.

— Нет! — закричала она. — Простите! Я готова! Вернитесь!

Но он уехал. Когда Марилена захлопнула дверь, ее колени подломились, и она упала на пол. Она ударилась правым бедром, и боль пронзила ее таз. Когда она попыталась подняться, у нее закружилась голова, и она легла на пол, тяжело дыша.

Комната плыла перед глазами. Она попыталась молиться.

— Господи, я предаю себя Тебе, я признаю, что я согрешила, я молю Твоего прощения, я молю о спасении. Неужели Тебе

нет до меня дела? Неужели Ты мне не поможешь? Я умираю.

Марилена поднялась на четвереньки, обдирая колени о деревянный пол. Она поползла к телефону, заметив, что темно-красные полосы появились по обе стороны от повязки. В ее мозгу теснились образы. Она представляла себя у телефона разговаривающей с больницей, а они говорили ей, что им нужна фамилия доктора. Она не могла ее вспомнить, хотя только что видела в компьютере. В уме она подробно излагала, как ей оказали помощь, говорила, что это было только вчера, называла время приема, вид травмы. Никаких записей. Никаких записей. Никаких записей.

— Но мне нужна помощь. Мне нужно в больницу.

— У нас нет скорой помощи. Позвоните властям.

— Я не знаю номера, и телефонную книгу не могу найти. Вы не могли бы сделать вызов для меня?

— Это ваше дело, мадам.

— Но я сейчас в обморок упаду.

— Позвоните Планшетту. Вив. Ники.

— Вы знаете моего сына?

— Он не ваш сын. Он сын Люцифера.

— Вы это знаете? Все это знают?

— Мадам, вы бредите. Позвоните священнику.

— Вы знаете священника? Вы можете вызвать его для меня?

— Священник — Люцифер.

— Нет! Нет! Не правда! Он добрый, но он занят! Он приедет ко мне в пять.

Зазвонил телефон. Марилена помотала головой, пытаясь прийти в себя, в нормальное состояние. Этот звонок на самом деле? Или тоже галлюцинация? Она хотела добраться до телефона прежде, чем включится автоответчик.

Она протянула руку, но, казалось, чем ближе она подползала, тем дальше он отодвигался. Она заплакала, когда отзвенел четвертый звонок и включился автоответчик.

— Вы позвонили в дом Вив, Марилены и Ники. Пожалуйста, оставьте сообщение после гудка, и мы перезвоним вам сразу же, как только сможем.

— Это доктор Люзие, проверяю состояние пациентки. Если она или кто-нибудь из вас может мне позвонить...

Это было на самом деле! Но осмелится ли она заговорить с ним? Она должна использовать шанс. Люзие? Что это за имя? Пока он бубнил, спрашивая, нет ли признаков заражения и нет ли у нее вопросов, ей пришло в голову, что его имя очень похоже на *iluzie*, «иллюзия». Неужели ее разум по-прежнему обманывает ее?

Отчаянно рванувшись, Марилена схватила трубку.

— Доктор! Я здесь!

— Госпожа Айвинз?

— Нет! Марилена!

Он замялся.

— Я просто хотел проверить, как вы себя чувствуете, мадам.

— Спасибо, спасибо. Мне плохо, у меня кружится голова, я того гляди упаду в обморок.

— Пусть госпожа Айвинз как можно скорее привезет вас с больницу. Там я вас приму...

— Она уехала! Я одна. У меня нет машины.

— Вы можете вызвать такси?

— Это слишком долго...

Марилена слабела, Марилена гневалась. Почему он не понимает, что ей нужна скорая? У нее распух язык, голова снова кружилась. Это на самом деле? Он — настоящий? Можно ему доверять? Нет, конечно! Он тоже внедрен, это все план Înșelăcuine.

— Сударь, если у вас осталась порядочность...

Марилена услышала, как телефон упал на пол прежде, чем упала она сама. Она теряла сознание... отключалась... и пока она пыталась удержаться в сознании, ее охватила жажда сладостного покоя. Сон успокоит какофонию в ее голове. Она все равно не может ничем себе помочь. Если бы она могла добраться до обезболивающих таблеток, она бы проглотила все сразу, однозначно.

— Господи, ниспошли мне покой. А если я умираю — прими меня.

Марилена понятия не имела, сколько так пролежала. На часах была половина пятого, если она могла, конечно, верить своим глазам и разуму. Прошло почти двадцать четы-

ре часа с тех пор, как ее укусил собственный сын. Ей было холодно, ее бил озноб. Она хотела есть. А решится ли она поест? Ее до сих пор мучило. Она осторожно перекатилась так, чтобы встать на четвереньки, затем на колени, затем на ноги. Ее повело.

Марилена присела на диван. Телефон лежал на полу в каких-то десяти футах от нее, и она слышала раздраженные голоса и прерывистые записанные сообщения, с вопросами, пыталась ли она дозвониться. Надо поднять его, положить трубку, снова позвонить Планшетту, оставить сообщение священнику, позвонить в больницу. Сделать что-нибудь. Хоть что-то. Но сейчас десять футов было все равно что десять километров. Неужели ее глупость, ее самолюбие привели к тому, что она потеряла все, включая сына и жизнь?

Пустота. Все напрасно. Но Марилена была бойцом. Она не станет просто так сидеть, покорившись обстоятельствам. Она заставила себя встать, держась за стену, пока в голове не прояснилось. Она повесила трубку, затем начала набирать номера.

Сначала она позвонит домой Планшетту. Потребуется сказать, передала ли эта женщина — кто бы она ни была — ему ее сообщение. Марилена будет кричать, плакать, угрожать, сделает все, чтобы добиться ответа. Может, ей придется сказать, что она все знает и обратится к журналистам, к властям, раскроет существование ассоциации.

Но что делать с тем фактом, что этот номер больше не существует? Это тоже иллю-

зия? Сон? Она позвонила. Тот же ответ. Она бросила трубку и подняла ее снова. В церкви ей ответил автоответчик. Больница. Надо вызвать скорую. Но прежде чем она успела это сделать, она услышала, что к дому подъезжает машина.

Марилена подошла к переднему окну и увидела черный седан последней модели. Когда водитель вышел, он оставил мотор на ходу, и Марилена увидела, что это доктор! Это спасение или смерть? Да какая разница. Почему он приехал сам? Почему не прислал скорую? Он наверняка участвует в этом заговоре.

О, если бы она только могла быть уверенной, что в нем осталась хоть какая-то порядочность, хоть чуточка гуманности! Она не могла рисковать. Марилена направилась через кухню к задней двери. Выскользнув наружу, она услышала, как он быстро постучал в дверь и открыл ее. Как скоро он поймет, что ее здесь нет? Он увидит взлом, папку, компьютер.

Инстинкт самосохранения преодолел все ее недомогания. Она должна убежать, но куда? В лесу она может скрываться — но недолго. Можно спрятаться в сарае, но он догадается. Надо добраться до его машины. Как здорово будет оставить его с носом и скрыться в клубах пыли! Но куда она поедет? Если не сразу в отделение скорой помощи, то она может умереть. Но ее и там легко найдут.

Как бы то ни было, это был ее единственный шанс. Она обошла дом по широкому кругу, держась подальше от окон и перебе-

гая от дерева к дереву. Она услышала внутри грохот и стук, звук открывшейся задней двери, шаги. Она ждала. Он выругался и вернулся в дом через заднюю дверь.

Марилена, пригнувшись, спряталась за деревом примерно в двадцати футах от стоящей на холостом ходу машины. Она сулила сладкую свободу хотя бы на время. Но он сообщит об угоне, и ее скоро задержат. Как минимум это поможет ей встретиться с представителями власти, которые — если они не сочтут ее выдумщицей — дадут ей убежище.

Марилена уже была готова броситься к машине, когда услышала, как со стуком открылась передняя дверь, и увидела доктора на пороге. Он стоял, уперев руки в боки и стиснув челюсти. Люэне посмотрел направо, налево в явном смятении. Затем, осознав свою беспечность, он чуть не хлопнул себя по голове, бросился к машине, выключил мотор и убрал ключ.

Последняя надежда Марилены испарилась.

Или нет? Она не станет сидеть здесь и дожидаться, пока ее найдут. Она не сумеет от него убежать, но она сможет сбить его с толку. Он вернулся к дому, еще немного посмотрел по сторонам, повернулся к ней спиной и открыл мобильник.

Марилена поспешила назад, откуда пришла, стараясь, чтобы между ним и ей оставался дом. Заглянула за угол, чтобы посмотреть, не идет ли он в ее сторону. Из-за ку-

стов она увидел, как он обшаривает ту часть участка, где стояла его машина. Это давало ей возможность пойти в другую сторону, к сараю.

Алмазный Светик стоял мордой к стенке стойла. Вонь ударила ей в нос. Но она не собиралась падать в обморок прямо сейчас. Держась подальше от копыт, она заговорила с ним ласково, осторожно продвигаясь к его голове.

— Спокойно, Светик, — сказала она. — Это же я, малыш.

Он стоял спокойно, настороженно, поглядывая на нее. Она не знала, насколько умны лошади и сколько человек они могут запомнить, но он должен ее узнать. Мари-лена сняла с крючка уздечку. Хорошо, что конек не стал упираться, когда она неумело засунула трензель ему в зубы и натянула остальную часть уздечки через морду. Другой вопрос — седло. Оно висело на краю стойла, но с одной здоровой рукой ей никак его не поднять. А не рискнуть ли ей поехать без седла?

Совершенно не уверенная в себе, Мари-лена тихонько потянула повод, пытаясь вывести его из стойла. К ее огромному облегчению, он повернулся.

— Хороший мальчик, — сказала она, думая, как залезть ему на спину. А если и так, то что тогда? Если он испугается, то она никак не сможет на нем удержаться, а если он помчится быстро, то она точно слетит. Ну, по крайней мере, стоит попытаться.

Марилена ничего не знала о лошадях, но, на ее взгляд, Алмазный Светик казался любопытным, словно бы чего-то такого ждал от нее. Она забралась на забор рядом с ним, не выпуская повод. Он стоял достаточно близко, чтобы легко прыгнуть ему на спину — если бы не ее травма. Теперь ей пришлось собрать всю свою решимость и отвагу. Наконец, поняв, что выбора нет, Марилена снова стала тянуть за повод, пока лошадь не оказалась совсем близко — только чтобы не прижать Марилену.

Она потянулась к его шее и перекинула ногу через его спину. Как только она уселась верхом, держась за его жесткую, вонючую гриву, он фыркнул и загарцевал.

— Ну! Спокойно, малыш. Спокойно.

Марилена попыталась держать повод обеими руками, но она понятия не имела, как пропускать их между пальцев, как Ники. Она помнила, что Ники одновременно был ласков и тверд, направляя лошадь, но не заставляя ее нервничать.

Сидя верхом в стойле, Марилена могла видеть дом. И она увидела доктора — если это был доктор. Он, наверное, идет в сарай искать ее. Она молилась, чтобы было не так, но готовилась к худшему. И как только он подойдет и окажется на одной прямой с ее лошадью, она ткнет коня пятками в бока, подастся вперед и закричит, чтобы конь рванул вперед. И если есть Господь на небесах, то Светик собьет Люэне, а она как-нибудь уж остановит коня, заберет у Люэне

ключи от машины и уедет отсюда как можно дальше.

С высоты она видела, как доктор ищет в пыли ее следы. Так развеялась ее надежда, что она сумеет отсидеться в стойле. Она наклонилась и тихонько сказала:

— Готовься, малыш. Будь готов скакать.

Если бы Марилена не опасалась за свою жизнь, она расхохоталась бы, поскольку понятия не имела, сумеет ли заставить лошадь сделать хоть что-нибудь.

Когда фигура доктора заслонила свет и он вошел в конюшню, конь насторожил уши и напрягся. Марилена дернула повод и стиснула коленями бока лошади. Она пыталась крикнуть, но это лишь привлекло внимание Люэне. Марилена резко качнулась в седле и тряхнула поводом.

— Вперед! Пошел!

Лошадь ударила копытами и двинулась вперед, но мужчина встал прямо перед ними.

— Оу, Алмазный Светик! — крикнул он, и конек остановился.

Откуда он знает его кличку? Как он связан с Вив?

— Слезайте, госпожа Карпати, — сказал он.

Но она снова тряхнула повод, пытаясь заставить пони двигаться, попятиться, взбрыкнуть, хоть что-нибудь сделать. Лучшее ей убится, слетев с лошади и разбив голову о стену конюшни, чем попасть в руки этого оборотня. Конь явно испугалась, но предпочла слушаться мужчину.

Люзие вырвал повод из рук Марилены.
— Слезайте. Сейчас же.

Марилена заставила себя соскользнуть с другой стороны и попыталась бежать. Она чувствовала себя полной дурой. Она шаталась, хромала, спотыкалась. Она заскулила, спеша к выходу с другой стороны конюшни, слыша за спиной решительные мужские шаги. Он даже не бежал, просто шел — решительно, спокойно, словно знал, что ей некуда бежать и что скоро она выдохнется.

Ошибаешься, думала она. Если другого выхода не останется, она просто закроется в машине. Да, это не выход, но ему она подгадит. И если он намерен ее убить, она не станет облегчать ему задачу. Собрав остаток сил, Марилена поначалу попыталась обдурить его, упав в пыль. Она обернулась — ну да, он замедлил шаг и улыбнулся.

Марилена поднялась на дрожащие ноги и рванула к машине. Когда она нырнула на пассажирское кресло и закрыла дверь, он достал ключи и покачал ими в воздухе. Она стукнула по блокировке замка и скрестила руки на груди. Он покачал головой и отключил замки брелком.

Как она могла так сглупить? Несколько секунд они развлекались игрой «закрой замки — открой замки». И каждый раз он подходил все ближе.

— Выходите, — сказал он. — Вы сами все себе усложняете.

Она показала ему тот же самый жест, что и Ники ей вчера. Однако удовлетворения ей

это не принесло и только заставило его рассмеяться. Теперь он смотрел на нее сверху вниз, держа брелок перед ее глазами. Он нажал кнопку. Она снова закрыла дверь. В следующий раз она была уже готова и просто держала руку на ручке двери. Как только он открыл замок, она рванула ручку и ногами ударила дверь, сбив доктора на землю.

Она взвизгнула от радости и быстро закрыла дверь снова.

Он вскочил, красный, с горящими глазами. Ударом ноги, как в карате, он высадил окно, осыпав ее стеклом. Марилена схватила руль и протиснулась к водительской двери. Бросилась в дом, взлетела по ступенькам, захлопнула и заперла дверь. Бросившись к задней двери, она увидела Люзие, бегущего туда же. Они достигли двери одновременно, и он ворвался в дом, опрокинув ее на пол.

Вот и конец. Она проиграла. Он стоял над ней, качая головой.

— Глупая сәҗеа, — сказал он.

Это все, что ей надо было услышать. Что бы он ни собирался с ней сделать, она не собиралась облегать ему задачу. Он заплатит за каждое оскорбление. Она не сдастся, по крайней мере, легко не сдастся. Она сделала вид, будто пала духом, плечи ее поникли. Но как только он подошел к ней, она пнула его ногой в голень и отшвырнула прочь. Вскочила и бросилась к телефону.

Прежде чем она успела набрать номер, он вырвал у нее телефон и ударил ее так,

что она полетела на диван. Она ударилась о спинку и упала на пол. Марилена не знала, сколько она еще выдержит, но понимала, что от этого удара ее ране только станет хуже.

— Послушайте, — сказал он. — Я действительно доктор, и я могу вам помочь, если вы мне позволите.

— Конечно, доктор, — задыхаясь, проговорила она. — И почему это я вам не доверяю?

Он достал из кармана шприц.

— В iad¹ я не пойду, — сказала она. — Только подойдите — горько пожалеете!

Он покачал головой и вздохнул. Сел напротив нее.

— Вы пожалеете, что не приняли это добровольно.

— Мне так не кажется. И что же я тогда была бы за женщина? Что за мать?

— Вы никакая не мать, — сказал он. — Мы это уже установили.

Ей захотелось наброситься на него, но она ощутила, что силы ее иссякают. Чем дольше она сидела, тем неподъемнее она себя ощущала. Ее больная рука распухла так, что она уже не могла согнуть пальцев.

— Вы отравлены, понимаете, — сказал он. — Обработка вашей раны в клинике была летальной. Странно, что вы еще не умерли. Вы живете взаймы.

— Я так и подозревала.

¹ Ад (рум.).

Он помахал шприцем.

— Это освободит вас от страданий. Вы просто заснете.

— А вы этого хотели бы, не так ли?

— Да, хотел бы. Я и так уже слишком долго вожусь с вами. Мне еще убирать разгром в комнате мадам Авинцевой, не говоря уже обо всем доме. Не заставляйте меня пристрелить вас. — Он приподнял полу пиджака, показав короткоствольный пистолет у себя на поясе. — Кровь слишком долго выводить и замывать.

Странно, но это дало Марилене надежду. Она понимала, что в живых не останется, но если она как-то сумеет избежать инъекции, то ему придется ее пристрелить, а от этого разгром здесь станет еще сильнее. Конечно, это было слабое удовлетворение, но ее воля к жизни еще не была сломлена. Этот инстинкт ярко полыхал в ее душе, и она даже искала шанса переломить ситуацию.

— Мне конец, — сказала она. — Ну, пристрели меня.

— Я не хочу этого делать, — сказал он. — Верьте или нет, но я уважаю вашу hotarare.

Решительность? Да, этого у нее хватало.

— Просто смиритесь с неизбежным, мадам, и согласитесь на инъекцию. Это сильно облегчит жизнь нам обоим.

Она кивнула.

— Я не хочу умирать тяжело.

— Какая отвага! — сказал он. Достал маленький флакончик из кармана и наполнил шприц.

— Окажите мне одолжение, — сказала она. — Введите это в больную руку. Она онемела, и я не почувствую укола. Я терпеть не могу уколы.

— Это можно, — сказал он с облегчением, как она и надеялась. Он подался вперед в кресле.

Она опустила голову и протянула больную руку

— Надеюсь, вы понимаете, что ничего личного.

— Именно, — сказала она, выхватив здоровой рукой пистолет у него из-за пояса и выстрелив ему в упор в лицо.

В щеке его образовалась дырка, кровь забрызгала стену у него за спиной. Его лицо смертельно побледнело, глаза широко распахнулись. Он упал в кресло, шприц откатился в сторону.

Марилена держала его под прицелом, не понимая, как она промахнулась и не вышибла ему мозги. Он все еще был жив, дергался, задыхался, зачем-то тянулся к осколкам зубов на полу. Он застонал, затем резко нагнулся, схватил шприц, зажал его в кулаке и бросился на нее.

Марилена выстрелила еще один раз и еще, попав ему в шею и в плечо, но он со всей силой набросился на нее и всадил шприц глубоко ей в грудь. Шприц там и остался, когда Люзие выпрямился и рухнул на пол, и она разрядила револьвер в него до конца.

Она бросила пистолет, нащупала пустой шприц, медленно вытащила его из тела, по-

нимая, что уже слишком поздно. Слишком поздно.

Когда она снова упала на диван, зазвонил телефон. Неужели еще оставалась надежда? Сможет ли она добраться до него и сказать тому, кто бы там ни был, чтобы он поскорее приехал к ней с противоядием? Марилена попыталась податься вперед, но смогла продвинуться всего лишь на какой-то дюйм. Теперь обе руки не слушались ее, и зрение ее туманилось.

Горло ее свело, она пыталась вздохнуть, ощущая, как цепенеет все тело. Ноги ее дернулись, поскольку мозг говорил, что она падает. Но на самом деле она не шевелилась, она не могла двинуться, хотя отчаянно пыталась это сделать.

Наконец, включился автоответчик, и Марилена изо всех сил старалась не потерять сознание, пока он не прочирикает приветствие и не включит сигнал. Вот... наконец...

— Это снова священник, я очень хочу с вами поговорить. Я буду в церкви, как обещал.

— Помогите! — прохрипела она, словно какое-то чудо поможет ему ее услышать. — Помогите мне!

— В общем, скоро встретимся, мадам.

Щелчок.

«Господи, — про себя сказала Марилена, ощущая, как уходит из тела душа. — Господи. Господи. Прими меня. Прошу Тебя, Господи».

ГЛАВА ДВАДЦАТАЯ

Ники Карпати проснулся в отдельной комнате в роскошных апартаментах на верхнем этаже бухарестского отеля «ИнтерКонтиненталь». В окно било солнце.

Он услышал тихий стук.

— Тетя Вив? — спросил он.

— Да. Ты проснулся?

Он поспешил к двери.

— А мы можем заказать завтрак, как ты обещала?

— Сначала мне надо поговорить с тобой.

— Я есть хочу.

— Ты должен это узнать, Ники.

— Что?

— Это касается твоей мамы. Тебе лучше сесть.

Он вздохнул.

— Во-первых, я не буду садиться. Во-вторых, с нынешней минуты ты будешь называть меня Ник. Я не маленький.

— Конечно. Я...

— И в-третьих, ты же сказала, что мне больше не надо будет видаться с моей матерью. Это так или нет?

— Это так.

— Отлично. Тогда больше меня ничего не волнует. Давай поедим.

— Нет-нет, ты должен это услышать!

— Ладно! Ну, что?

— Она вчера умерла.

— Умерла? Как? Ты сказала, что доктор собирается куда-то ее увезти и мне больше никогда не надо будет о ней беспокоиться. Он ее убил?

— Да.

— Хмм. Стало быть, нам не надо больше от нее прятаться и беспокоиться о ней, верно?

Тетя Вив кивнула.

— И что ты чувствуешь?

— Голод. Я уже тебе говорил.

— Но ведь она была твоей матерью.

— А теперь она умерла. В чем разница? Мы ведь все равно больше не должны были с ней увидаться?

— Да, но если у нас из-за кого-то были проблемы, не значит, что мы не должны о нем печалиться.

Он начал одеваться.

— Ты будешь горевать по ней?

— Конечно.

— Хорошо. Хоть кто-то о ней поплачет.

— А ты не будешь, Ники... Ник?

Он поджал губы и покачал головой.

— О чем тут горевать?

— Она любила тебя.

Он пожал плечами:

— Все меня любят.

Вив сказала Ники, что теперь она будет его законным опекуном и что они переезжают в Бухарест.

Но ему это не понравилось.

— А Алмазный Светик?

— Когда-нибудь у тебя будет другая лошадь.

— Нет, я хочу именно его.

— Но его негде держать в городе.

— Тогда вернемся в Клуж.

— Ассоциация не хочет, чтобы мы возвращались в тот дом. Там умерла твоя мать.

Он уставился на нее:

— Я так хочу, тетя Вив.

Она вздохнула и пошла звонить по телефону. Вернувшись, она сказала ему, что его учительницы в школе тоже больше не будет.

— А в Бухаресте ты сможешь начать с чистого листа.

Но он все прекрасно понимал. Не все до конца еще было ему ясно, но в некоторых вещах он был уверен. Он был особенный. Он был чем-то большим. Почему-то люди делают всегда то, что он хочет. Когда он пристально смотрел Вив в глаза и серьезно говорил, она не возражала ему.

— Я хочу жить в том самом доме и хочу ходить в свою школу. Мне все равно, кто будет учителем.

— Значит, это твое последнее слово? — сказала она.

Он кивнул, и она вернулась к телефону. Он на цыпочках пошел за ней и стал ждать у двери. Она с кем-то спорила.

— Тогда сами ему скажите, Райш... Нет, конечно, я этого не сказала. Он не поймет. Верные слова для него будут — место преступления... Не надо сносить дом. Почему там просто нельзя прибраться?... Я буду на связи.

Ник отошел от двери, и Вив, вернувшись, сказала:

— Посмотрим, что можно сделать.

Он улыбнулся. Он знал, что будет. Так всегда бывало. Проблемы решались. Делалось все, чтобы только не беспокоить его.

— Я почитал о гуманизме, — сказал он.

— Ты?

Он кивнул.

— Это будет отличное прикрытие.

— То есть? — спросила она.

— Мы ведь не хотим, чтобы люди узнали, чего мы на самом деле добиваемся?

— Верно, Ник. Они просто не поймут нас.

— Не согласятся с нами, мы будем их раздражать.

— Да.

— Но они понимают гуманизм, хотя большинство людей его и не любит. В Люксембурге есть группа «Молодые гуманисты». Я хочу в нее вступить.

— Я уверена, что это можно устроить. Ты знаешь, во что они верят?

— Я ведь уже говорил тебе, тетя Вив. Я читал об этом.

— Но я не знала, сколько ты можешь из этого понять...

— Когда я говорю, что читал о чем-то, это значит, что я это понял. И ты уже должна бы об этом знать. Я читал об этом на двух языках.

— Это меня не удивляет.

— Тогда перестань задавать мне глупые вопросы.

— Извини, — сказала она.

Ему нравилось, когда она извинялась. И когда люди извинялись или просили прощения, он знал, что обычно на это принято отвечать: «Ничего, все в порядке». Но он никогда так не говорил. Власть — в том, чтобы не давать людям всего, что они просят.

Когда мистер Планшетт перезвонил им, Ник не стал подслушивать. Он знал, что будет, и оказался прав. Вив доложила ему:

— Это может занять пару недель, но мы думаем, что дом к тому времени будет готов. И ты сможешь вернуться в свою школу.

Ник просто посмотрел в окно и кивнул.

Через пару недель, когда Вив отперла дом, Ник вошел внутрь и поднял руку. Внутри что-то было не так. Пахло хлоркой, средствами дезинфекции и свежим деревом.

— Тут умерла не только моя мать, — сказал он.

Вив оцепенела.

Ник закрыл глаза.

— Доктор тоже мертв, я прав?

— Да.

— Они прикончили друг друга.

— Да.

— Замечательно.

* * *

Рэй Стил мыслями был так далеко от Иллинойса, словно находился на другом конце света. Но он был на расстоянии всего лишь одного штата от родного дома. В обширном кампусе Пердью у него раскрылись глаза на все потенциальные возможности вероятного будущего. Но самым приятным было то, что теперь он видел в зеркале мужчину, а не недозрелого юнца-переростка, так что можно было больше не работать над собой.

Мужчина, подтянутый, с решительным подбородком, шесть футов роста и двести двадцать фунтов веса.

Иногда, воображая, как он будет выглядеть когда-нибудь, он втягивал живот и выпячивал нижнюю челюсть. Теперь все это пришло само собой. Рэю всегда казалось, что это мальчишки восхищенно смотрят на девушек. Теперь, когда он созрел лицом и телом,

он понял, что восхищение — вещь обоюдная. Он притягивал взгляды прямые, потаенные, оценивающие. И ему приходилось прилагать изрядные усилия, чтобы излучать спокойную уверенность. Он не всегда был уверен, что ему это удастся, но явно был самым привлекательным и популярным парнем, кроме ребят со стипендией по спортивной линии и богатеньких сынков.

Он не был из людей, которые ведут себя панибратски, как бы ему того ни хотелось.

Богатые ребята имели деньги, и явно не от корпуса вневойсковой офицерской подготовки. Рэй был поражен, когда узнал, что военная компонента его образования — насколько разумной и стратегически выгодной она бы ни казалась для его будущего — вызывает презрение людей, мнение которых ему важно.

Не прошло и месяца после приезда в кампус, как он научился выполнять свои военные обязанности — причем с отличием, — но не говорить о них. Он старался быть дружелюбным, старался познакомиться с мужчинами и женщинами — так администрация называла студентов, — соседями по общежитию и товарищами по семинарам. Это по традиции влекло за собой обмен семейными историями, рассказами о своем происхождении, о местах детства, о своей специализации, планах, о том, что имеет для тебя особое значение.

Рэй, конечно, рассказывал о Бельвидере. Единственный сын родителей, которые

упорным трудом выбились в люди, спортивная звезда старших классов с местечковой славой. Изучает гуманитарные науки с некоторой специализацией по механике. Намерен стать гражданским пилотом на коммерческих авиалиниях. Проходит невойсковую подготовку офицеров резерва.

Последнее как-то странно влияло на собеседников. Даже если они выказывали любопытство или интерес, Рэй был достаточно сообразителен, чтобы понять, что это вовсе не от восхищения. Все, что было связано с военной службой, включая дисциплину и ношение формы, рассматривалось студентами с подозрением. Некоторые даже не скрывали своих взглядов. Тон и выражение, с которыми это говорилось, их комментарии ставили все по местам.

— Какого черта ты пошел на военную подготовку? — сказал один. — Я думал, это для тупых, технарей да бойскаутов.

Поначалу Рэй отстаивал свой выбор, пытаясь показать сомневающимся все его преимущества. Стипендия, дисциплина, будущее. Но никто на это не покупался. Никто, кроме других ребят, пошедших на военную подготовку, насколько он знал. Вскоре военная подготовка стала тайной Рэй Стила. Но в душе он не стыдился своего решения. Он удивлялся, как люди не видят выгоды. Это же замечательное средство обеспечить будущее. Но он быстро научился держать эти мысли при себе.

Рэй также сочинил отмазку на случай вопроса, почему он не вступает в сообщество. Поскольку он богатым мальчиком не был, но хотел быть таковым. Это было еще одной причиной, почему он хотел стать пилотом, кроме ощущения свободы и всемогущества.

Порицать сообщество за излишнюю приземленность — лишь свои собственные социальные и экономические недостатки подчеркивать, так что он просто отмахивался.

— Меня все к себе зовут, — говорил он. — Я решить никак не могу. К тому же я из тех, кто если за что возьмется, так с полной отдачей, а у меня нет времени стать таким членом сообщества, каким мне хотелось бы.

— Так мы самому себе не нравимся? — ответила ему с улыбкой Кэтрин-зови-меня-Китти Уайли. Она хихикала при его имени. — Извини, если я буду называть тебя просто Рэй.

Он пожал плечами. Он думал, что полное имя Рэйфорд — до поступления в колледж он это скрывал — делает его старше, что бы там ни было.

Китти, первокурсница, была чирлидершей. Бойкая блондинка из Северной Индианы специализировалась по бизнесу. Поначалу Рэю она была безразлична. У нее была типичная внешность чирлидерши и безупречный стиль. Ботинки, носки, джинсы, топы, волосы, нос, макияж — с ног до головы она была девушкой, которая не жалела на себя денег и времени. Она слишком

напоминала ему старшеклассниц, которые презирали его, когда он был в младших классах и назначали свидания, когда он перешел в старший класс и стал весомой персоной в кампусе. Сколько времени нужно человеку, чтобы научиться так прикидываться? Что же, решил он, лучше так, чем ничего. Нью-йоркские штучки носили строгие туфли, черные костюмы, классические короткие стрижки, презирали макияж. С Кэтрин-зови-меня-Китти хотя бы было приятнее общаться, чем с ними.

Рэй поначалу вздрагивал от ее подколов.

— Я не пытаюсь произвести ни на кого впечатление, — сказал он. — Мне кажется, это золотое правило. Я не вступаю в сообщество, если не смогу быть таким человеком, с которым я хотел бы жить под одной крышей.

— Ладно, — сказала она, принеся ему выпить, несмотря на то, что ей еще оставалось три года до возраста, в котором официально разрешается употреблять алкоголь, а он уже на год этот возраст перерос, — если ты сам собой недоволен, то я-то вполне довольна.

Рэй не мог отрицать, что ее внимание ему льстит, не говоря уж о том, что все видел, как он гуляет с самой привлекательной девушкой кампуса. Но что-то, опасался он, было не так в нем самом. Он не мог никому доверять, особенно тем, кто пытался сказать ему комплимент. Если бы Китти увидела его лицо до того, как оно очистилось от утрей, до

того, как его подбородок приобрел четкие очертания, прежде чем его мускулатура стала под стать его росту, то что она тогда подумала бы о нем? Она наверняка обратила бы внимание на кого-нибудь другого. Он был в этом уверен.

— А тебя не волнует, что я тоже в сообществе? — сказала Китти. — Только в женском?

— С чего бы? Это достойно. Я предполагаю, что ты и правда предана своему сообществу.

— Но мы обычно встречаемся только с парнями из сообщества.

Если бы только у Рэя хватило духу выложить все, что он об этом думает! И как ему с этим быть? Они же только что встретились! Она что хочет сказать, что он должен вступить в землячество, чтобы быть достойным с ней встречаться? С чего она взяла, что она хоть на йоту ему интересна?

— Ну что же, тогда ступай, — сказал он, не понимая, в какой навозной куче откопал такое сокровище. Что тут еще сказать, кроме того что он про все это думает? Для грубости не было никаких причин, помимо ее нахальства. Приятно, наверное, думать, что каждый парень прямо так и сохнет по тебе. Китти казалась особенной, но наверняка была пустышкой.

Рэю понадобился почти целый месяц, чтобы понять, что он наткнулся на неразрешимую проблему. Он не собирался ее решать.

Все было последствием его глубокого недоверия, выросшего из того, как с ним обращались в старших классах. Хотя внешне он был приятным лидером-старшекурсником, внутри он оставался прыщавым отроком. Но разница в отношении к первому и второму была как между небом и землей.

Каким-то образом его презрение к манипулятивному подходу Китти Уайли сделало его загадочным и замкнутым. Несмотря на внешний вид и поведение, Рэю было всего двадцать лет. Он не сразу понял, что Китти бежит за ним именно потому, что ему все равно. Он не собирался вступать в сообщество ради ее внимания. В душе он терпеть не мог ее мелочности, но каким-то образом его презрение сделало его в ее глазах недостижимым идеалом.

Китти ясно дала это понять, когда они снова случайно встретились недели через три. Она выбежала из группки девушек и ребят, похожих на нее, и по мере ее приближения он начал ощущать на себе их взгляды.

— Рэй Стил! — крикнула она. Она поставила на землю сумку с книгами и протянула к нему обе руки. Сначала он и не знал, что делать. Он тоже поставил сумку, и она взяла его за руки. — Наше сообщество в пятницу устраивает пикник, и я была бы очень рада, если бы ты пришел.

Он склонил голову набок.

— И я могу прийти без значка сообщества?

— Не глупи. Если я тебя приглашаю, то все с радостью тебя примут.

— Я немного опоздаю. У наших, военных, танцы в этот вечер.

— И ты должен там быть?

— У меня свидание.

— О! — капризно сказала она. — Но ведь ты предпочтешь пойти на свидание со мной, не правда ли, Рэй?

Вообще-то, наоборот. Ирэн, первокурсница по линии военной подготовки, девушка со старинным именем, может, и не кружила голову так, как Китти, но и носа не задирала. Она была из семьи военнослужащих и жила на военных базах всю сознательную жизнь, пока ее отец не погиб в бою. Она пошла на военную подготовку не ради карьеры, просто ей было привычно среди людей, подобных тем, которые окружали ее, пока она росла.

— Я постараюсь прийти, если можно опоздать, — ответил Рэй.

— Пообещай! — сказала Китти.

— Я приду.

— А твою девушку я не приглашаю.

Это и без слов было понятно.

— И раз всем известно, что ты не в сообществе, — сказала Китти, — то давай не будем говорить о военной подготовке, ладно?

Рэй невольно кивнул. Надо было отругать ее, разорвать отношения — если это вообще можно было так назвать — прямо сейчас. Он не любил прикидываться. Она пригласи-

ла Рэйфорда (хотя не стала бы его так называть), парня не из землячества (что все и так знали, так что не было смысла заострять на этом внимание), да еще и проходившего военную подготовку (о чем ни он, ни Китти не должны упоминать), и еще он должен закончить свое предыдущее свидание как можно скорее.

Все это подталкивало Рэя к желанию бежать без оглядки от этой девушки, но он стоял перед ней как дурак и соглашался на все ее требования. Она что, особенная? Да вряд ли. Недалекая она. Может, ему нравилась собственная власть, но это было не в его духе, по крайней мере, не в духе человека, которым он хотел бы стать.

Следующие несколько дней он не только пытался себя отговорить идти на пикник, но даже обсудил проблему, и не абы с кем, а с Ирэн. Она была миниатюрной брюнеткой, довольно симпатичной и веселой. Ее происхождение позволяло ей свободно общаться со всеми остальными студентами и студентками, проходившими военную подготовку. Рэйфорда к ней не тянуло, даже намек на романтические отношения к ней не было в нем. Они просто болтали о том, что среди военных гораздо больше мужчин, чем женщин, и что на танцы пригласят девушек со стороны.

— Я правда не знаю, кого бы я хотел пригласить, — сказал он тогда.

— И я тоже.

— Мы можем потанцевать вместе, — сказал он. — Так что не беспокойся.

— Ну ладно.

Так и порешили. Вот потому Рэй не ощущал себя обязанным и даже поговорил с ней о том, чтобы пораньше уйти с танцев.

Они сидели в вестибюле корпуса военной подготовки вечером во вторник, развалившись на диванчике и положив ноги на кофейный столик.

— Пикник женского сообщества, — сказала Ирэн. — Вряд ли это для тебя.

— Так оно и есть. Но и проигнорировать ее предложение было бы грубостью, а она ведь меня попросила.

— Это очень благородно с твоей стороны, но ты же не хочешь ввести ее в заблуждение?

Рэй хмыкнул.

— Вряд ли она будет страдать, если я немного щелкну ее по носу. На мне свет клином не сошелся. Слушай, а ты не обиделась? В смысле, что я хочу уйти пораньше.

Она улыбнулась:

— Да нет, конечно. Мне тоже не хочется оставаться до конца. И это же не свидание. Мы просто придем вместе. В смысле, я не собираюсь танцевать только с тобой.

Рэй внимательно посмотрел на нее. Если она блефует, то ей это хорошо удастся. Он был уверен, что она говорит совершенно без задней мысли. Интересная, здравомыслящая девушка. Хорошенькая.

Рэй даже не зашел за Ирэн. Он просто не знал, где она живет, не спросил заранее, а она и не предлагала за ней зайти. Они просто договорились встретиться прямо на танцах. Она ждала его, и они неловко поздоровались. Это было не свидание, но что-то вроде, и свою неловкость он приписывал тому, что они слишком мало знакомы, чтобы знать, как себя вести друг с другом.

Они проболтались там часа полтора, и хотя Ирэн и сказала, что не намерена танцевать с ним одним, получилось именно так. Может, потому, что она была так физически привлекательна, и потому, что все считали, будто они пришли вместе, никто из других парней не осмелился разбить их пару или пригласить ее на танец.

Рэй был не особо ловким танцором, особенно в медленных танцах. Когда они с Ирэн обнимались, между ними не возникало связи, и это была не только его вина, но и ее тоже. Это был договор ради удобства, так что никакой искры между ними не пробежало, он ее и не ждал. Может, она была напряжена, волновалась или, по крайней мере, задавалась вопросом насчет его намерений. Они касались друг друга примерно так, как Рэй позволял своей уродливой тетке обнимать себя. И после каждого медленного танца их разговор становился все более неловким и чопорным.

Рэй оттягивал момент расставания долго, как мог, и, к его облегчению, первой об этом

заговорила Ирэн. Она посмотрела на часы и сказала:

— А тебе не пора идти, а?

— Да, пора бы. Хочешь, провожу тебя, или ты останешься, или что еще?

— Со мной все будет в порядке, — сказала она. — Иди.

— Ладно, спасибо.

— Нет, это тебе спасибо.

Он поспешил прочь, но, когда дошел до другой стороны площадки, вдруг передумал и решил вернуться, увильнув от Китти и ее тупой вечеринки. Рэю стало интересно, по-прежнему ли Ирэн танцует, и несмотря на то, что вечер был не очень, ему было неприятно думать, что Ирэн может прямо сейчас танцевать с кем-то другим.

Он повернул голову и увидел, что Ирэн одна уходит с танцев. Рэй фыркнул, осознав, что она была здесь только с ним и только ради него. Он повернул к дому сообщества Китти.

Пикник был не похож на все остальные пикники, на которых ему доводилось бывать. Для Рэя пикник был самостоятельным мероприятием, когда его папа, или дядя, или он сам бросали куски мяса на решетку на слишком сильный или слишком слабый огонь и пытались понять, когда мясо будет готово. Люди слишком много пили и резвились в пруду, им было плевать, пережарились ли бургеры и хот-доги или не готовы еще. Главное — чтобы все были вместе, веселились и хрустели угольками.

Но не тем вечером.

Рэй терпеть не мог ситуации вроде этой. Кроме того что он пошел против своего здравого смысла, во всей компании он знал только одного человека, и если он не найдет Китти сразу же, придется спрашивать, где она... спрашивать тех, кто будет сомневаться в том, что его действительно пригласили. Все на этой вечеринке друг друга знают, кроме него.

Он услышал музыку, доносившуюся с заднего двора большого строения, но чтобы туда попасть, ему пришлось пройти через дом. Никто не ответил на его звонок или стук, так что он осторожно вошел внутрь. Он прошел через комнаты, занятые парочками в разной степени физической активности — от поцелуев до большего. Все они могли услышать, как он стучался, но похоже, что такие дома всегда были открыты, так что можно было входить просто так.

Он прошел через кухню, где с ним поздоровались две девушки, рывшиеся в холодильник. Обе сказали «привет», словно им было приятно его видеть. Обе подали ему руку и представились.

— Рэй, — сказал он.

Они попытались угадать, к какому сообществу он принадлежит, но он только покачал головой.

— Я ищу Китти.

Девушки переглянулись и улыбнулись:

— Кто ее не ищет?

На Рэя почти никто не смотрел, когда он вышел в задний двор, но он много лет уже не чувствовал себя настолько в центре внимания. Было понятно, что это не простой пикник. Во-первых, его обслуживали. Повара в белых колпаках стояли над отличными плитами, и он не увидел ни единого хот-дога, бургера или уголька. И никаких одноразовых тарелок.

Вокруг большого патио были развешены фонарики, освещавшие покрытые льняными скатертями столы, сервированные фарфором и серебром. Однако никто не был особенно наряжен. Те, кто не танцевал под пронзительную музыку — с непременно диджеем — сидели, смакуя шашлыки из свинины, креветок, говядины и фруктов. Также там были стейки и отбивные. И повсюду официанты.

Наконец, Китти заметила Рэя и с визгом бросилась к нему. Она повисла на нем, поцеловала в щеку и поблагодарила, что пришел.

— Я бы ни за что не пропустил этого, — сказал он.

Она представила его десятку друзей, все время упоминая, что он из Иллинойса, учится на пилота и не состоит ни в одном сообществе. Как правило, этим разговор и кончался. Китти была права, подумал он, когда попросила не упоминать о военной службе. Его бы за это выгнали отсюда.

Когда громкая музыка сменилась медленной песней о любви, Китти втащила его

на временный танцпол и прижалась к нему. Ее объятия были совершенно не такие, как у Ирэн. Он осторожно обнял ее, и они словно бы сразу притерлись друг другу. Она была теплой и мягкой. Она положила голову ему на плечо и стала напевать себе под нос мелодию, попадая в ноты.

Когда он прижал ее к себе, она подняла голову и обняла его за шею. Они словно были созданы для этого. И несмотря ни на что — на все сигналы тревоги, на все опасения, Рэй вдохнул ее запах и влюбился.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЕРВАЯ

Год, который Рэй Стил провел с Китти Уайли, оказался худшим в его жизни, даже хуже, чем годы в старших классах, когда он был неуклюжим и выглядел неказисто. Он понял, что такое наркотическая зависимость.

Все, окружавшее эту девушку, шло вразрез с его чувством здравого смысла, но эту загадку он никак не мог разгадать. Ему нравилось быть влюбленным. Ему нравилось, что его видели в обществе самой привлекательной девушки кампуса. А когда он был не с ней, она давала ему понять, что он ее единственный мужчина на всю жизнь.

Все это было бы прекрасно, если бы только, когда он был вместе с ней, у него не возникало ощущения, будто она ему вовсе не нравится. Но как такое может быть? Что он на самом деле нашел в ней? Он стал хуже

учиться. Его остальные связи — с ребятами в общежитии и товарищами по военной подготовке — свелись к нулю. Единственным человеком, с которым он по-настоящему общался, была Ирэн. «Эта распустеха Ирэн», — как называла ее Китти.

— Приятная девушка, но совершенно лишенная вкуса, — так решила Китти. — Могу поспорить, она крутит любовь со студентами из сельской местности. Из нее получится отличная фермерская жена.

Очень неприятные слова, подумал Рэй. Он знал несколько студентов из сельской местности, и у некоторых из них были совершенно роскошные подружки.

Каждый день, который он проводил с Китти, отнимал у Рэя часть его «я». Или она была такой сильной личностью? Он ненавидел ее оценки, ненавидел то, что она говорила, то, что ей казалось важным. Он постоянно спрашивал себя — почему он с ней, почему он просто не порвет с ней и не покончит со всем этим? Он даже репетировал этот разговор перед зеркалом, писал длинные трактаты на тему «это-не-из-за-тебя-а-из-за-меня».

Неужели все их взаимоотношения сводились к физической близости? Они быстро скатились к рутине, и он не отрицал, что ему нравилось с ней спать. Неужели он стал такой же пустышкой, что и она, приняв все ее ценности и установки, которые шли против всех правил среды, в которой его воспитывали? И все из-за того, что ему нравилось заниматься с ней сексом?

Он свозил ее в Бельвидер, познакомил с родителями. У них дома Рэй и Китти спали в отдельных комнатах и делали вид, что отношения у них чисто платонические. Мать Рэя души не чаяла в Китти, ей все в ней нравилось. Отец вел себя формально и сдержанно, возможно, потому, что Китти не скрывала скуки, когда он показывал ей свою мастерскую, а еще потому, что он не мог ответить на ее вопросы, к какому клубу он принадлежит и как он проводит свободное время.

— Я не уверен, что знаю, что такое свободное время, — ответил мистер Стил. — Для меня это звучит как пустая трата времени, если вас интересует мое мнение.

Всю обратную дорогу до Индианы Китти подшучивала над родителями Рэя. Он смеялся в ответ, и соглашался, и, ненавидя себя за это, рассказывал семейные истории, от которых все становилось еще хуже.

За этим, конечно, последовал ответный визит к ее родителям в Северную Индиану. Ее отец и мать были в разводе, у обоих были новые семьи, но они продолжали возвращаться в одних и тех же кругах, словно и не разводились. Таким образом, у них было два официальных ужина, два визита в местный клуб, игра в гольф с настоящим папочкой и с приемным... и несмотря на рост Рэя, спортивное телосложение и атлетизм, он оказался потрясюще неловок в этой игре.

Все в этой среде было ему противно. Он не был и не будет клубным завсегдатаем никогда. Повседневная одежда стоимостью доро-

же смокинга, понятные только узкому кругу шуточки и разговоры, товарищеское общение, с виду такое непринужденное и дружественное, но всегда сводящееся к разговорам о бизнесе, машинах, о том, как в очередной раз воспользоваться гандикапом, чтобы улучшить свой счет.

Рэй и Китти провели две ночи в домах соответствующих родителей, и каждый раз их размещали в одной спальней, не задавая вопросов, словно другого варианта и не предусматривалось. Вопреки себе, Рэй был смущен. Но ведь мы взрослые, говорил он себе. Хорошо, зрелые. Так зачем делать вид, что дела обстоят не так, как есть? Эти непростые, искушенные жизнью люди даже не подумали, что современная студенческая пара, которая уже некоторое время была вместе, может подождать с сексом до свадьбы. И почему это должно его удивлять? Они были правы.

Возвращение в кампус было иным, чем когда они ехали из Илинойса. Она не насмешничала, не критиковала своих настоящих или приемных родителей. Китти гордилась тем, что ее мама и папа остались главными маяками в ее жизни и не вываливали на нее свои личные проблемы.

— Конечно, они порой говорили друг о друге неприятные вещи, но в конце концов они пришли к согласию, чтобы мы с моими сестрами не пострадали. — Она хихикнула. — И конечно, мы научились сталкивать их друг с другом и получать выгоду, потому что они ощущали себя виноватыми, что мы

из-за них страдаем. Мы всегда получали, что хотели, нужно нам это было или нет. И хорошо, что они оба вторично вступили в хороший брак, поскольку мы с сестрами теперь выиграли вдвойне. Представь лучше нашу свадьбу, Рэй.

Да, он представлял. Он еще не сделал ей официального предложения, но после полугода свиданий они говорили о будущем, как об уже решенном вопросе. Они обсуждали его карьеру, самый быстрый способ стать коммерческим пилотом, думали, где они будут жить, будет ли Китти работать — у нее не было иллюзий насчет необходимости этого.

— Знаешь, личная жизнь — это та еще работа на полную ставку. Я хочу оставаться красивой ради тебя, Рэй. А это требует много времени и денег.

Это был комплимент, и он сделал вид, что так и понял. Ощущение у него было такое, будто он катится с горы на собственном задуге и затормозить может лишь о зазубренные скалы. Неужели Китти так завладела им? Частично, как он понимал, здесь играло роль то, что он и сам хотел иметь многое из того, что было необходимо для счастья этой женщины. Он хотел иметь красивый дом и красивую машину. И хотя, возможно, он никогда не будет членом загородного клуба, но кто знает, может, когда-нибудь и станет. И разве красивые машины и дома не идут в комплекте с красивой женой? Ему могла бы попасться женщина и похуже, чем красотка Китти.

Они почти никогда не ссорились, но не потому, что он этого не хотел. Бывали дни, когда все в Китти, ее образ жизни, ее мнения и приоритеты оскорбляли его до глубины души. Они всегда делали то, чего она хотела, ходили туда, куда хотелось ей. Она капризничала, льстила, умоляла, заигрывала с ним, вела себя так, словно он был самым лучшим в ее жизни, поскольку так хорошо с ней обращается. Рэй ощущал себя так, словно он исчез. Он был ее ручной собачкой, и хотя пока у нее больше средств, чем у него, это изменится. Они часто это обсуждали. Он вступил на путь к удобной жизни, и она была рада, что едет вместе с ним по этой дороге.

Как-то днем в центре вневойсковой подготовки Рэй с Ирэн сидели на их обычном месте на краю мягкого дивана, положив ноги на стол. Дневная нагрузка была выматывающей, но завершился день учебным фильмом, и теперь вокруг сновали курсанты-первокурсники. Кто-то собирался к себе в общежитие, кто-то намеревался поиграть или перекусить в баре.

Ирэн, как казалось Рэю, осталась его единственным другом, не считая Китти — конечно, термин «подруга» был неприменим к его почти невесте. Каким-то образом провинциалка Ирэн напоминала ему его собственную мать. Во-первых, из-за того, что на курсах военной подготовки его всегда называли полным именем, и Ирэн тоже называла его Рэйфорд. Недавно она стала сокращать это имя до Рэйф. Она нравилась ему. В ней

была глубина. Поскольку ей приходилось жить в очень разных местах, она понимала людей и умела с ними общаться. А поскольку ее отец умер, в ней было глубокое здравомыслие, которое придавало ей какое-то простое благородство.

— Тебе даже не нравится девушка, которую ты любишь, Рэйф, — сказала она.

Ему пришлось улыбнуться. Она попала не в бровь, а в глаз.

— Придется смириться с этим, — сказал он. — Я не найду девушки лучше Китти Уайли. Я даже не знаю, что она такого во мне нашла.

— Возможно, она умнее, чем ты думаешь. Все эти парни из сообщества по ней сохнут, но ты лучше выглядишь, у тебя большой потенциал. Ты человек, который сам себя делает.

— Пока нет, — ответил Рэйфорд. — В будущем — может быть, но пока нет.

— Да ладно, Рэйф. Ты в шестнадцать лет уже летал без инструктора и получил частную лицензию еще до окончания школы. Ты работал на настоящей работе. Ты отличный ученик и во внеклассной деятельности первый. Так что не продай себя задешево.

— Тогда я должен хвататься напропалую.

— Да, кто-то должен был мне об этом сказать. Вполне возможно, что и ты.

— Хочешь рассмешу, Ирэн? Я ведь молюсь о Китти.

Это, как ему показалось, привлекло ее внимание.

— За нее или о ней?

— Я не молюсь ни за кого, кроме себя. Не верь.

— И о чем ты молишься?

— Спрашиваю, жениться ли мне на ней.

— Ты спрашиваешь Бога? И что Он тебе отвечает?

Рэй рассмеялся:

— Да ничего! Неудивительно. Последний раз я был в церкви, когда мы с Китти ездили к моим родителям. Они предложили нам туда пойти. Я был в церкви впервые за два года. А Китти сказала, что последний раз была в церкви в старших классах средней школы, когда какая-то подружка-святоша ее зазвала. — Он пропищал, изображая Китти: — «Больше никогда, клянусь!»

Ирэн на мгновение замолкла.

— Я больше не молюсь, — сказала она. — Мне этого очень недостает.

— Ты ходила в церковь?

Она кивнула:

— Меня так воспитывали. Хотя на меня это не особо повлияло. Я молилась и молилась о том, чего никогда так и не случилось. Не знаю. Может, это были слишком своекорыстные молитвы. Мой младший братик родился с врожденной спинно-мозговой грыжей. Тяжелый случай. Грыжа спинного мозга. Что он сделал, за что ему такое наказание? Я молилась — и упорно молилась, — чтобы он выздоровел. Некоторые доживают до совершеннолетия. Но он умер до того, как ему исполнилось десять лет.

— Мне очень жаль, Ирэн.

Она пожала плечами:

— Наверное, мне надо было усерднее молиться и за отца. Когда он отправился в зону боевых действий, мы почти все время молились. В церкви на базе постоянно молились о тех, кто там был, но никто не упоминал, что одним это поможет, а другим нет. Когда отцы и матери, сыновья и дочери возвращались, люди говорили, что Бог услышал их молитвы. Но когда солдаты возвращались в гробах, никто не говорил, что их молитвы не услышали. Вот так я себя чувствовала. Моя мать не сумела затащить меня обратно в церковь после похорон отца. И с тех пор я не молилась.

— Но тебе этого не хватает?

Она кивнула:

— Не знаю почему. Я никогда не получала ответа от Бога, но должна сказать, что когда я молилась, у меня было ощущение, будто я общаюсь каким-то образом с Богом. Я не могла Его слышать, и никогда не бывало так, чтобы то, о чем я просила, выполнялось, но иногда у меня было ощущение, что Он рядом и слушает.

— Вот так и со мной! — сказал Рэй. — То есть, как я сказал, не то чтобы я получал какой-то ответ, но, когда я спрашивал, жениться ли мне на Китти, мне, по крайней мере, казалось, что я чувствую что-то.

— И что?

— Я погано себя чувствовал, словно это будет неправильно, и я это сам знаю.

— Значит, Бог пытался сказать тебе то же самое, что и я. И твое собственное сознание-

тебе говорит то же самое. Может быть, это и есть Бог. Наше сознание.

— Может, ты и права, — сказал Рэй. — Я и правда все понимаю насчет Китти. И не надо было спрашивать.

Ирэн спросила, не хочет ли Рэй печенья. Почему-то ему показалось, что это самое лучшее предложение, которое он слышал за последнее время. Что такое с ним случилось? Ирэн пошла к складному столику и вернулась не только с его любимым печеньем — шоколадным, с выпеченным на нем шоколадным поцелуем, — но и со пластиковым стаканом с его любимым кофе.

Он поблагодарил ее.

— Но ты себе ничего не взяла?

Она покачала головой:

— Я не хочу есть. Просто подумала, что ты можешь проголодаться.

Рэя поразили не только предупредительность и бескорыстие Ирэн, но и осознание того, что Китти никогда такого не делала и не сделала бы, он был в этом уверен. Она сюсюкала с ним, манипулировала им с целью заставить его сделать то, чего ей хочется, и всегда вознаграждала его восторженным визгом. Но прислушаться к нему и его желаниям, выказать какое-то участие или даже заботу о его предпочтениях? Нет, это не входило в ее планы.

— Ты о чем задумался, Рэй? — спросила Ирэн.

Он наклонил голову набок:

— Значит, ты больше не веришь в Бога или как?

Она долго думала.

— Думаю, я по-прежнему в Него верю. Конечно, верю. Просто я не уверена, что очень люблю Его. Я просто не доверяю Ему.

Именно так Рэй мог подумать о том вечере, когда они с Китти поехали съесть пиццу. Оба были еще слишком молоды, чтобы заказать спиртное, но у него никогда не спрашивали документа, а у нее был фальшивый. И когда они запивали свои куски пиццы пивом, Рэй наклонился к ней и крикнул, перекрывая шум:

— Китти, ты в Бога веришь?

— Что? Конечно. Думаю, да. Высшее существо. Создал мир. То и дело вытаскивает меня из беды.

— Ты разговариваешь с Ним?

— С Ним? Не уверена, что Бог — Он, но да, иногда.

— Например?

Она странно посмотрела на него, словно уже утратила интерес к этой теме и не понимала, к чему он клонит.

— Ну... много о чем. Сам знаешь. Ну, когда я чего-то очень хочу. Или когда мне страшно, например, когда я не подготовилась к тесту.

— И Он откликается?

— В смысле, Она? — сказала она, улыбаясь. — Или Оно? Не-а, просто мне лучше становится. Бог помогает тем, кто сам себе помогает.

Так говорил отец Рэя.

— Ты когда-нибудь молилась обо мне? — спросил Рэй.

Она покраснела:

— Откуда ты знаешь?

— Просто спросил.

— Я действительно молилась. Я захотела тебя с той минуты, как увидела. Я пообещала Богу многое, если я заполучу тебя.

— Не шутишь?

Она кивнула:

— И Она ответила. — Китти вынужденно рассмеялась, но Рэй приписал это слишком большому количеству выпитого алкоголя.

— И что ты пообещала?

— Что я буду держать себя в форме, никогда не стану толстой, никогда не поставлю тебя в неудобное положение неряшливым видом или безвкусным платьем.

Рэй даже не смог заставить себя улыбнуться. Он выпрямился и уставился куда-то в пустоту, едва осознавая шум и движение вокруг. Она не пообещала ходить в церковь, стать лучше, сделать что-то для бедных или инвалидов? Ничего такого? Если Бог дал Китти то, что она хотела — самого Рэя, — то пообещала она в ответ быть еще более собой, то есть самолюбивым ничтожеством.

Она потянулась через стол и взяла его за руку.

— Ну и как я?

— А?

— Ну, сдержала я свое обещание?

Он кивнул.

— Что? — спросила она. — Что?

Может, дело было в выпивке, хотя он выпил только две кружки пива и обычно это ему

не вредило. Но после всех тревог, молитв, разговоров с собой за этот год Рэй понял, что час Х пробил. Он был готов сказать ей правду и теперь боялся, чем все это закончится. Хуже того, он представлял, чем это кончится. Китти впадет в истерику.

А правильное ли здесь место, чтобы говорить ей такое?

— Что творится в твоей красивой голове? — спросила она. — Ты гордишься мной? Гордишься, что ты мой парень, что тебя видят со мной? И выполняю я то, что обещала Богу? О чем ты думаешь?

Рэй представил, как говорит ей: «Извини, дорогая, я никогда не слышал ничего более тупого».

Но он уже на следующий день пожалел бы об этом. Он бы говорил, что это из-за выпивки, извинялся бы, заверял, что он ничего такого сказать не хотел, что берет свои слова назад — и попросил бы ее выйти за него замуж. Его от этого чуть не зашеломило.

— Поговори со мной, Рэй, — сказала она. — Ты меня пугаешь.

— Что?

— Мне надо, чтобы ты сказал мне, как я.

— Как ты? — сказал он, ненавидя себя. — Да кто может быть лучше тебя?

Это был не ответ, увиливание от щекотливой темы, но она наверняка услышала то, что хотела.

— Ты ведь любишь меня, правда, — сказала она. Это был даже не вопрос.

И, чувствуя себя самым большим лжецом на свете, Рэй наклонился к ней и притянул ее к себе через стол.

— Всем сердцем, — сказал он.

Когда Ирэн как-то раз появилась на военной подготовке с макияжем, Рэй был просто потрясен. Она была по-своему милостива. Она должна была понимать, что командир ее выругает — так и вышло. Правда, в форме подкола, что она, мол, на свидание собралась. Она хмыкнула в ответ.

«Сильная девушка», — подумал Рэй.

В тот день он поменялся с ней ролями. Когда они болтали в вестибюле, он, не спрашивая, принес ей ее любимый напиток — черный кофе с сахаром.

— И с чего это ты? — спросил он, очертя пальцем собственное лицо.

— Тебе нравится?

— Кончай говорить как Китти. Симпатично выглядит.

— Хорошо. Я просто пытаюсь произвести кое на кого впечатление.

Рэй невольно затаил дыхание. А вдруг она говорит о нем? А ему-то что за дело? Он никогда не рассматривал ее в таком свете. Как бы то ни было, он был сильно привязан к Китти. По крайней мере, так должно было быть. Но если кто и понимал, как все обстоит на самом деле, это была Ирэн.

— Ловлю на слове, — сказал он, но не так между прочим, как ему хотелось бы. — И кто же этот счастливчик?

— Ты его знаешь, — сказала она.

— Правда?

Она кивнула.

— Можно угадать? — сказал он.

— Двадцать попыток.

— Он здешний, из кампуса?

— Да.

— С военной подготовки?

— Мм.

— Насколько я его знаю?

— Это вопрос не на «да» или «нет».

— Я хорошо его знаю?

Она улыбнулась, пожала плечами:

— Достаточно хорошо. По имени ты его немедленно узнал бы.

— Ну, это слишком.

— Нет. На военной кафедре народу немного. Ты всех знаешь.

— Джейни? — сказал он.

Она рассмеялась:

— Ну да, я мальчик.

— Я-то знаю лучше всех, — сказал он.

— Да ну? И откуда?

— Я же с тобой танцевал, помнишь?

Она прищурилась.

— Это не заставляет меня поверить, что ты традиционной ориентации. Что я такого сделала, что ты догадался?

Ну да, она вела себя неловко, и у них не получилось контакта. Нет, она просто разгрызает его.

— Значит, я прав? Джейни? Она немного мужиковато себя ведет.

— А разве так ведут себя не все девушки с военной кафедры? Я вот всегда, например. Нет, это не Джейни. Так что не трать попытки — я не мальчик, и ты это знаешь.

Он знал, что заставит ее рассмеяться.

— Командир Ольссон! — сказал он. — Тебе нравится этот швед. Я прав или нет? Это же у вас с Бодилем сегодня вечером увольнительная.

— Откуда ты знаешь?

Очень забавно. Он раза в два старше ее, но все знали, что не женат. Третий раз уже не женат. К изумлению Рэя, румянец на щеках Ирэн показал ему, что он не сильно промахнулся.

— Но он поддразнивал тебя насчет ма-кияжа.

— Хорошее прикрытие, не правда ли?

— Что, и правда Ольссон?

Она кивнула:

— Он меня попросил, и я согласилась.

— Куда вы едете? И что будете делать?

— Ты моя мамочка? Поедем в кино и поужинаем.

Рэй покачал головой. Этот негодяй Ольссон! Кто бы мог подумать? Наверняка же есть какие-то правила, запрещающие это!

— У тебя с ним серьезно? — сказал он.

— Откуда мне знать? Это он мной интересуется.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ВТОРАЯ

Рэй убеждал себя, что свидание Ирэн с их командиром по вневойсковой военной подготовке Бодилем Ольссоном так его задевает исключительно потому, что он чувствует себя обязанным защитить друга. Ирэн была ему как сестра, и он не хотел, чтобы ей было плохо. Ольссон был хорошим человеком, хотя за плечами у него были два брака, и оба неудачных. По крайней мере, Рэй знал о двух. И он в буквальном смысле был в два раза старше Ирэн. У него не было ничего общего с ней, а у нее — с ним.

По сравнению с Китти Уайли и подобными ей Ирэн была простоватой. Рэй не мог не признать, что с макияжем она выглядела очень хорошо, а еще она хорошо сложена и спортивна. Умная. Веселая. Дружелюбная. Насколько он мог сказать, она не увлекалась свиданиями. Она никогда не говорила о ком-

либо еще, даже со старших курсов, и он никогда не видел ее с парнем на официальных мероприятиях. Черт возьми, а она, наверное, вообще девственница! Немудрено, что бедняжка так легко повелась на внимание со стороны старшего!

Но Рэю-то что за дело? Он что, не может просто порадоваться за нее? Она слишком умна, чтобы серьезно относиться к человеку, который ей в отцы годился. А если и так? Она девушка взрослая и сама способна принимать решения.

Но это было не похоже на нее ровно по одной причине. После всех их разговоров и всех советов, которые она ему давала, он не заметил в ней склонности к ошибкам вроде этой. С другой стороны, почему он думает, что это такая уж ошибка? Может, обе жены Ольссона были сущими мегерами, и он просто был несчастлив в браке. Может, он заслуживал женщины вроде Ирэн.

О чем Рэй думал? Что после одного свидания она сразу побежит под венец? Он просто сходил с ума от всего этого и не понимал почему. У Рэя оставался час до того, как забрать Китти, потому он стал рыться в Интернете, пока не нашел правила, касающиеся личных взаимоотношений командиров и курсантов. Это был чисто технический момент. Ирэн не была официально стипендиаткой, обязанной посещать курсы военной подготовки. Это делало ее гражданской и давало ей лазейку. Возможно, военные не могли указывать Ольссону — и

особенно Ирэн, что им делать в свободное время.

Все это занимало мысли Рэя, и потому позже он показался Китти каким-то отстраненным. Она приставала к нему с расспросами, что случилось, так что он, в конце концов, рассказал ей.

— Неряшка Ирэн? — сказала она. — Ну что же, ей повезло, разве не так?

— Нет, не так. Откуда нам знать, что ей повезло с таким стариком, как этот?

— А с кем ей еще встречаться, Рэй? Сам подумай. Да от одного ее имени парни бегут без оглядки.

— Словно она в этом виновата. Это семейное имя, и оно вовсе ее не тяготит.

— Да ладно, — сказала Китти. — Если бы у меня было такое имечко, я бы на подъезде к колледжу поменяла его.

— Может, и так, Кэтрин.

— Я давно так не зовусь. Кэтрин устарело еще до моего рождения, но Ирэн? Оно было не в моде еще при моих бабушках. Женщина сама решает, какое имя ей носить.

— Возможно, ей нравится имя Ирэн, — сказал Рэй.

— Ну и хорошо, я уже сказала.

Рэй по-прежнему не был столь уверен в этом именно потому, что Китти в этом споре была на другой стороне. Все, что, с ее точки зрения, было хорошо, было чревато проблемами.

Когда они прогуливались, Китти забежала вперед и обернулась к нему, идя спиной вперед.

— Знаешь, что я собираюсь сделать сегодня вечером, Рэй?

— Скажи, будь добра.

— Присмотреть кольца.

— Правда?

— Мы ведь можем это сделать? Ну, пожалуйста!

Он пожал плечами:

— Почему бы и нет?

На самом деле у Рэя было много доводов против. Он еще не сделал ей предложения, и с каждым днем ему все меньше этого хотелось. Китти по привычке шла своим путем, и сейчас она сделала первый шаг по очередной скользкой дорожке.

— Ой, спасибо! — сказала она, вцепляясь в его руку. — Я присмотрела несколько штук, из которых ты можешь выбрать. И все они подходят к моему платью!

— К твоему платью? У тебя уже есть платье?

— Ну нет, но я заказала.

— Ты заказала подвенечное платье?

— Я не хочу его упустить. Я увидела его в магазине и поняла, что оно должно быть моим. Все мои подружки согласны, что оно просто совершенство!

— Твои подружки?

— Ну да, я знаю, кто будет у меня подружками на свадьбе. Я им еще не говорила, но...

— И ты уже назначила день, да?

— Ну, мы думали о следующем лете, разве не так?

— Ты — наверное.

— Ой, Рэй, не будь таким противным! Давай порадуемся. Это же самое чудесное время в нашей жизни!

«В твоей — может быть».

Они вошли в маленький, эксклюзивный ювелирный магазинчик на Уэст-Лафайетт, и помощник директора — он настоял, чтобы Рэй называл его Билли, — поздоровался с Китти и назвал ее по имени. Это не предвещало ничего хорошего.

— Вы правы, за этими «маркизами» люди возвращаются, — сказал Билли, выдвигая ящичек с отобранными кольцами. — Заметьте, как они дополняют фото, которое вы мне показали.

Рэй сердито глянул на нее. Значит, этот чужак видел фото ее свадебного платья?

Китти быстро достала сложенную картинку из сумочки и разложила ее на прилавке, чтобы ее мог увидеть Рэй. Он не мог не согласиться, что оно было роскошным и очень пойдет ей.

Но от цены у него волосы встали дыбом, и, наверное, она это почувствовала.

— Мои папочки возьмут на себя половину расходов, — сказала она.

«Маркизы» были просто чудовищны — и цены тоже. Самое дешевое кольцо стоило в три раза дороже, чем рассчитывал Рэй — если он вообще на такое согласится. Он попытался скрыть свое смущение, но Китти, похоже, поняла его молчание.

— Я была бы совершенно счастлива вот от этого, — сказала она, надевая на пальчик перстень с камнем в два с половиной карата.

Рэй едва сдерживался, чтобы не выругаться.

— Это половина моего начального оклада, да и то, если я вдруг прямо завтра получу работу на аэробусе, — сказал он. — И мы оба знаем, что мне несколько лет придется добиваться этого места.

— О, Рэй! Мы все устроим. Это очень важно для меня! Ну, пожалуйста, мой медвежонок!

Медвежонок? Скорее, папик. Нет, невозможно.

— Дайте мне посмотреть что-нибудь в этом диапазоне цен, — сказал Рэй, украдкой написав цену и протягивая листочек Биллу.

Китти наклонилась было посмотреть, но Рэй убрал листок.

— Тебе не надо знать, — сказал он.

Продавец поднял брови и быстро окинул взглядом выставленные на витрине кольца.

— Возможно, что-нибудь есть в задних рядах. Но вряд ли это будет «маркиза».

— Постарайтесь, чтобы «маркиза». Даже если придется заказывать.

Китти уже начала краснеть. Она отняла свою руку у Рэя и сунула ее в карман. Подошла к витрине и стала ее рассматривать.

— Меня удовлетворит только одно из тех, что я тебе показала, — сказала она.

— Только такое же дорогое, ты это хочешь сказать?

— Ну да. Ты ведь не хочешь меня огорчить?

Ему с каждым разом все больше хотелось ее огорчить.

Билли так долго провозился в глубине магазинчика, что Рэй принял это за заявление. Невозможно, чтобы столько времени можно было подыскивать кольцо по более приемлемой цене.

Наконец, Билли появился с одним-единственным кольцом. Рэю оно все равно показалось огромным, но камень там был чуть меньше карата. Билли явно пытался делать хорошую мину при плохой игре, но с трудом скрывал презрение.

— Это действительно хороший камень, — сказал он, — для его размера.

— Прекрасный камень, — сказал Рэй. — Китти, глянь-ка.

— Минуточку, — сказала она.

Пока Китти лениво приближалась к ним с недоверчивым видом, Билли полировал кольцо. Он поднес его к свету, но она не протянула к нему руку.

— Ободок все равно не того цвета, — сказала она.

— Мы можем легко переставить камень, — предложил Билли.

— Несомненно. Оно миленькое, должна признать. Но мне оно не годится.

Рэй не сдержался — на сей раз он действительно выругался. Китти отвернулась от него и сделала вид, что рассматривает другую витрину.

— Хорошо, — сказал Билли. — Тогда почему бы вам это не обсудить и не сказать мне, чего бы вы хотели. Я могу заказать другие образцы, изготовить что-то специально для вас, по каталогу, что угодно.

— У вас есть кольцо, которое я хочу, — настаивала Китти, — и Рэй знает, о чем я говорю.

— Это уж точно.

— У нас есть хорошие предложения для покупки в рассрочку, — сказал Билли, — и мы можем найти варианты практически на каждый бюджет. Позвольте, я вам покажу, никаких обязательств.

— Нет, я не думаю...

— Но это же без обязательств, Рэй! — заявила Китти. — Тут ничего страшного нет! По крайней мере, давай его выслушаем. Может, тебе станет легче доставить мне удовольствие!

Вот радость-то! Но Рэй не хотел казаться неразумным.

— Это всего на минутку, — сказал Билли и показал Рэю на кресло.

Когда они сели, Китти встала за спиной Рэя и начала массировать ему плечи. Никакого давления, ага. Билли показал ламинированную диаграмму и провел пальцем по колонке, остановившись на розничной цене кольца.

— Если вы сможете покрыть десять процентов, причем плату мы можем принять по кредитной карте, но тут нам придется брать процент, так что, возможно, вы предпочтете оплатить чеком — вот ваш ежемесячный взнос с рассрочкой на шесть лет.

Рэй покачал головой, и Китти вздохнула.

— Более крупный первоначальный взнос, положим, двадцать процентов, — заявил Билли, — даст вам вот такую ежемесячную сумму.

— Все равно мне это не по карману, — ответил Рэй.

— Ты же не знаешь! — воскликнула Китти. — Ты можешь это потянуть! Твой папа даст тебе займы. Мой папа. Даже мой приемный папа, если будет необходимо! А потом немножко сэкономишь, ну, откажешься от чего-нибудь раз в месяц...

— Да, например, от выплаты за машину.

— ...и это будет тяжело, только пока ты не получишь ту работу, которую хочешь.

— Хватит даже пяти процентов, чтобы вы могли забрать это кольцо нынче вечером, — сказал Билли.

— Нет, я...

— Правда? О, Рэй! Если я смогу показать его сегодня девчонкам, это будет самый счастливый момент в моей жизни!

Билли улыбнулся.

— Выпишите чек на пять процентов. Мы активируем вашу карту и поставим дату выплаты остальных пятнадцать процентов через шестьдесят дней, начиная с нынешнего — вам не надо будет делать никаких взносов в течение тридцати дней после установленной даты, — и после этого вы начинаете ежемесячные выплаты. Проще некуда.

— О, Рэй! Я даже сказать не могу, как много это значит для меня!

«Зато я точно знаю, во сколько это обойдется мне. И это было слишком много».

Было девять вечера, и Рэй невольно поймал себя на том, что думает об Ирэн и ее свидании.

— Я не готов совершить эту транзакцию сегодня вечером, — сказал он.

Руки Китти соскользнули с его плеч. Замечательно!

Билли сунул таблицу в ящик и сказал:

— Конечно, сэр. Просто имейте в виду, что мы в любой момент к вашим услугам.

— Когда вы открываетесь? — спросила Китти.

— Я буду здесь к десяти утра. Послушайте, если вам поможет снижение первоначального взноса до четырех процентов, то я могу это устроить. Тогда потребуется внести на карту шестнадцать процентов через два месяца.

— Нет, — начал Рэй, — я...

— Рэй, четыре процента! Это же ничто!

— Не сегодня.

Китти вылетела из магазина.

— Извините, — сказал Рэй.

— Не проблема, — ответил Билли. — По крайней мере, вы знаете, сколько стоит ее счастье. — Это было очень правильно замечено. — Подозреваю, что вы еще вернетесь.

«И не рассчитывай».

Когда Рэй вышел, Китти уже была за полквартала от магазина. Он подумал было окликнуть ее, догнать — но зачем? Это все была игра, ничего больше. Вопреки себе, он

почувствовал себя негодяем. Он не хотел причинять ей боль, разочаровывать ее. Она упала на скамейку на углу и закрыла лицо руками. Рэй сказал себе, что не пойдет у нее на поводу.

Когда он подошел, она тихо плакала. Он сел рядом. Ему показалось, что она сдерживает дыхание, словно чтобы услышать, не говорит ли он что-то самому себе. Он молчал. Он положил руку ей на плечо. Она вырвалась.

— Значит, единственное, что сделает тебя счастливой, — это кольцо? — сказал он. Ему хотелось добавить — не я? Не осознание того, что я выбрал тебя в жены? Но ведь он даже еще не сделал ей предложения. Кольцо поставило бы это положение под вопрос.

— Да, — сказала она.

Он покачал головой. Поверить невозможно.

— Разве я многого прошу, Рэй? Ты не взял с собой чековой книжки или что?

— Конечно, не взял. Я ее с собой не ношу.

— У меня с собой моя.

— Ты сама хочешь купить себе кольцо?

— Но ты же можешь отдать мне деньги! Это же всего четыре процента!

— Всего четыре процента от всей стоимости.

— Значит, я столько не стою.

Он уже начал так думать.

— Позволь мне выписать чек, Рэй. Потом вернешь, и тебе целых три месяца ничего не

надо будет платить, И если надо, я попрошу папу или отчима...

— Нет. Если это наше дело, то и улаживать его мне.

— О, Рэй! Я люблю тебя! Я люблю тебя!

Ну да.

— Это самое большое счастье для меня!

Рэй не верил самому себе — он думал об этом деле. Неужели эта девушка так им завладела? Она поставила его в положение, где все, что он делает, становилось для нее средоточием мира. Он может сделать ее счастливой, купив ей личный мирок, пусть и дорогой.

— Пожалуйста, Рэй! Я никогда больше ни о чем тебя не попрошу, никогда! До конца жизни я буду оговаривать все покупки с тобой, и я обойдусь без самого необходимого, пока мы не станем на ноги. Пожалуйста, милый!

— И при тебе случайно оказалась чековая книжка.

— Я всегда беру ее с собой, Рэй.

— А ты уверена, что ты действительно этого хочешь?..

Она вскочила со скамьи, прыгая и визжа. Он так хотел, чтобы она сказала: «Я не хочу выклянчивать у тебя это кольцо. Я хочу, чтобы ты купил его мне, когда будешь в состоянии и когда тебя это действительно порадует». Но об этом, насколько он понимал, она думала в последнюю очередь. Она действительно выклянчивала у него кольцо, и ей было все рав-

но, что он думает сейчас на этот счет. Сделка была заключена. Она схватила его за руку и потащила со скамейки к магазину.

Рэй понимал, что вид у него идиотский, когда они ввалились в магазин, но Билли, который явно видывал такое и прежде, уже полировал колечко Китти.

— Я так и знал, — сказал он. — Вам его положить в коробочку и пакет или?..

— Я сразу его надену, — сказала Китти и сразу же потянулась к нему. Она даже не попросила Рэя надеть его ей на руку, не потребовала опуститься на колено и сделать предложение, не то чтобы попросить ее руки у одного из папочек.

Рэй стоял на краю пропасти. Он был уже почти готов просто покончить со всем — не только с покупкой кольца, но и со всеми их отношениями. Несмотря на все ее обещания, вся его жизнь будет такой, если он останется с этой женщиной.

Он представил себе, что говорит: «Я передумал. Я не хочу этого делать. Не сегодня. Никогда. Все кончено».

Но Китти стояла, с восхищением рассматривая кольцо, вертя его под люстрой так, что камень вспыхивал и лучился.

— Не хотите ли оплатить чеком, сэр, чтобы нам не пришлось брать пени или?..

Рэй достал кредитную карточку и посмотрел на Китти, ожидая, что она скажет, что это она подпишет чек. Но она ничего не сказала. А он не собирался ее просить.

- Спишите все отсюда, — сказал он.
 - Вы понимаете, что мы возьмем еще...
 - Все нормально, — сказал Рэй. — Это не проблема.
- Он еще никогда в жизни так не лгал.

Рэй не сказал ни слова, пока они шли к дому, где жила Китти. Ему и не надо было. Она была на взводе, она не могла успокоиться, не могла оторваться от него. Она останавливала его на каждом углу и оставляла на его щеке мокрый поцелуй, постоянно напоминая ему, что готова щедро отблагодарить его этой же ночью. Рэю оставалось гордиться только тем, что он никогда не платил за секс. А теперь ему предлагают ну очень дорогой секс... Меньше всего ему хотелось сегодня с ней спать.

На углу, когда они увидели ее дом, он остановился:

- Завтра встретимся.
 - Ты уверен? Но...
 - Уверен, Китти. А сегодня порадуйся тому, как твои соседки отреагируют на твое колечко, и скажи обо мне что-нибудь хорошее.
 - О, я скажу! — воскликнула она. — Клянусь! Ты станешь хитом кампуса! И завтра утром я тоже всем буду его показывать.
- «Что со мной такое? — подумал Рэй. — Какой же я трус!»

Он вернулся в общежитие, и хотелось ему только поговорить с Ирэн. Он позвонил в ее комнату. К его удивлению, она была уже дома.

— Ну, как все прошло? — спросил он. — Все нормально?

— Вообще-то нет, — сказала она.

— Надеюсь, Ольссон вел себя прилично?

— О да. Он настоящий джентльмен.

Рэй рассмеялся:

— Тогда почему не все нормально? Ты надеялась, что он тебя изнасилует?

— Навряд ли. Когда-нибудь расскажу.

— Как насчет того, чтобы рассказать прямо сегодня?

— По рукам. Если о своем свидании расскажешь, Рэйф. Ты уверен, что хочешь этого?

— Мне тоже есть что тебе рассказать.

— Правда?

— Да. Я обручен.

— Шутишь.

— Колечки и все такое. Но утром могу разоброчиться.

— Очень хотелось бы послушать.

— Ирэн, пообещай, что больше никогда не пойдешь на свидание с командиром, и я ради тебя брошу Китти. Идет?

Повисло долгое молчание, и Рэй испугался, уж не обидел ли он ее.

— Да, — хихикнула она наконец. — Больше мне ничего и не надо. Ты намерен завести новую интрижку, не закончив старую. Вот что я тебе скажу. Ты приходишь в себя и отказываешься от Богатой Девочки, доказываешь, что ты действительно намерен порвать с ней, оставшись один пару месяцев, и тогда я подумаю о твоём предложении.

— Обещаешь?

— Но сначала я кое-что тебе расскажу и жду, что ты тоже припас для меня интересную историю.

— Давай встретимся в штаб-квартире здания военной подготовки?

— Через двадцать минут, — сказала она.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ТРЕТЬЯ

Хотя и было поздно, несколько курсантов еще сидели в вестибюле, смотря телевизор, играя в компьютерные игры и разговаривая. Ирэн переоделась в свитер и джинсы. Она обняла Рэя.

— Ну, могу тебя поздравить? — спросила она.

— Едва ли. Я все расскажу тебе, но сначала ты.

Они сидели в плетеных креслах в углу и пили кофе.

— Все пошло не так, как я ожидала, — сказала она. — Короче, прямо как в церкви.

— То есть? Давай с самого начала.

— Ну, вышли мы отсюда, но все началось в его кабинете. Командир Ольссон — он все упрашивал меня назвать его Бодиль, но я просто не могла себя заставить — начал с того, что изложил правила игры. На самом деле

можно сказать, что он мне нахамил. Сначала заявил, что мне не нужно беспокоиться, поскольку, хотя это и настоящее свидание, он не ищет себе жену.

— Он так и сказал?

Она кивнула:

— Я сказала ему, что это хорошо, поскольку я, честно говоря, смотрю на него как на отца. Рэйф, он прямо сник!

— Так, значит, он все-таки ищет жену?

— О, я так не думаю. Мне кажется, что его задело то, что я намекнула на его возраст. То есть что я смотрю на него как на отца, поскольку он по возрасту мне в отцы годится.

— Ох ты.

— Да, мне было неприятно. Короче, он подвел черту, заставив меня подписать бумагу, в которой говорилось, что наши встречи будут совершенно гражданскими по сути и все, что он сделает или скажет, никак не будет связано с военной кафедрой или военной подготовкой.

— Тебя это не испугало? Что у него было на уме?

— Испугало. Так я ему и сказала. А он ответил: «Не волнуйся. Это моя забота. Я просто не хочу, чтобы ты говорила, что я воспользовался своим положением, чтобы добавить весу своим словам». Я сказала ему, что меня, скорее, беспокоит то, что он сделает, а не то, что он скажет. Он ответил: «Я уже тебе сказал. У нас речь идет даже не о потенциальных взаимоотношениях. Дело в том, что я

не уверен, что имею право снова жениться, пока мои бывшие жены еще живы».

— Я бы сбежал сразу, — ответил Рэй.

— Так я почти и сбежала. Я сказала ему: «Командир, может, это не такая хорошая идея. Вы меня пугаете». Ну, он начал извиняться, смеяться, сказал, что не подумал, как это может быть воспринято, и заверил меня в том, что у него нет преступных планов насчет меня и его бывших жен.

— Значит, вы поужинали и сходили в кино?

— Поужинали — да, а в кино не ходили. Я думала, что этот разговор никогда не кончится. Честно говоря, Рэй, это было действительно очень интересно.

— Я весь внимание.

— Он отвез меня в «Хулио» и...

— Вау! Здорово.

— И не говори. Он был куртуазен, открывал передо мной двери, пододвигал кресло, все такое. Но он взял с собой Библию.

— Шутишь! Он носит с собой Библию?

— Хочешь — верь, хочешь — нет. И вид у нее был весьма потрепанный.

Рэй покачал головой:

— Но он не стал читать ее тебе? На людях-то?

— Нет. Да я и не опасалась, что начнет. Он спросил, не буду ли я против, если он попросит Господа благословить пищу, когда принесут заказ. Я никогда в жизни не ощущала себя настолько выставленной на обозрение.

— А почему ты не отказала ему?

— Да я не была против. Это было забавно. Напоминало старые фильмы, когда семья молится перед едой.

— В твоей семье так было принято?

Она покачала головой:

— Только когда капеллан приходил. Мы немного отступали от принятых обычаев.

— Но Ольссон же не капеллан, верно? То есть у него же нет богословской подготовки или чего-то вроде?

— Я не знаю. Но он хочет им стать. Это его очередная цель.

— Я даже и не знал, что он в церковь ходит.

— А он и не ходил. В том-то и дело. У него такая история. Он спасся в прошлом году.

— Спасся?

— Ну, он так это называет. Он впал в депрессию после двух разводов, стал много пить, сходилась с женщинами на одну ночь, а потом и видеть их не желал, особенно когда был трезв. Короче, какой-то парень на улице сунул ему листовку насчет того, как найти новую жизнь в Боге, и Ольссон ее взял. Он сказал, что тот парень пытался поговорить с ним прямо тогда, но он был слишком расстроен и пошел себе дальше. Сказал, что пришел домой, прочел листовку, нашел Библию, нашел нужные стихи и спасся.

— От чего спасся?

— От своей ужасной жизни, полагаю. Это звучало слишком сурово по сравнению с тем, как я росла. То есть мы ходили в цер-

ковь на базе, но мы не были баптистами или кем-либо еще. Баптисты всегда говорят о спасении, разве не так?

— Я думал, баптисты говорят о том, что надо креститься, — сказал Рэй. — Ну и о спасении тоже, может быть.

— Ладно, что бы там ни было, командир заработал себе спасение. Помолился как-то особо и пошел искать того парня с листовками. Нашел его только через несколько дней, и тот парень сказал ему про какую-то церковь. Кстати, он меня пригласил.

— Ничего себе!

— Да-да, как и всех на курсах, не говоря уже об остальных своих знакомых. Понимаешь, Рэйф, я сказала ему, что не пойду, и объяснила почему. Но я должна сказать, что для него это благо. Он действительно выглядит счастливым и убежденным и с радостью готов рассказывать об этом другим людям. Он осторожен, и, наконец, до меня дошло, почему для него так важно, чтобы все разговоры оставались личными и неофициальными. Полагаю, если бы он стал использовать свое официальное положение в этом смысле, у него были бы неприятности.

— Несомненно. Значит, он пытался спасти тебя?

— Конечно. Я сказала ему, что однажды, возможно, вернусь в церковь, но у меня с Богом большие проблемы из-за моего отца и брата. Он пытался сказать мне, что Бог знает, что значит потерять члена семьи. Это было довольно изобретательно. Но я всегда дума-

ла, что если вся история о распятии Христа — правда, то Бог сам сделал свой выбор. Верно? И Он потом Своего Сына воскресил. А вот моему отцу не так повезло.

Командир сказал мне, что я должна поговорить с Богом об этом. Я сказала, что уже не раз это делала и что меня уже от этого тошнит. Он сказал, что Бог может понять это и что я должна быть с Ним честной, сказать ему, что я с Ним не согласна, ненавидела Его, высказать все, что я чувствую. Должна признаться, что никогда прежде я такого не слышала. Я сказала, что, возможно, подумаю о религии снова, если выйду замуж и нарожаю детей. То есть я не могу представить, как можно растить детей и не водить их в церковь. По крайней мере, это заставляет тебя стараться быть лучше.

Рэй кивнул:

— Не могу сказать, что я прямо горю желанием вернуться в церковь. Мои родители считают, что мы с Китти посещаем маленькую церковь неподалеку от кампуса.

— Уэйсайд-Чэпел? С чего они взяли?

— Я не стал бы лгать им. Ну, иногда, может, привирал немножко. Но моя мать спросила меня, как у меня дела с церковью. Я сказал ей, что самая ближняя церковь — Уэйсайд-Чэпел, и она спросила, нравится ли она мне. Я ничего определенного не сказал, я просто сказал ей: «Ну, она не центральная». В центральную они ходили, когда я рос. Это возвысило в ее глазах нашу старую церковь...

— И тебя.

— Наверное. Я просто должен четко знать, что они не приедут в воскресенье, чтобы они не попросили взять их с собой в нашу церковь. Они тогда поймут, что нас там никто ни разу не видел.

— А почему ты честно им сказать не мог?

— Сказать им, что я был в церкви только тогда, когда мы с Китти их навещали? Да уж, блестящая идея.

Ирэн пошла за очередной порцией кофе и принесла еще и Рэю.

— Тебе не кажется, что честность — лучшая политика?

— Это не из Библии?

— Возможно. Надо спросить Ольссона.

Рэй рассмеялся:

— Честность может повлечь за собой большие неприятности.

— Как и вранье, — сказала Ирэн. — У меня создается впечатление, что сегодня вечером ты сам с собой нечестен.

Он снова сел.

— Ладно, с Китти я не был честен. Согласен.

— Ты ведь правда обручен, с кольцами и все такое?

Он кивнул:

— Не то чтобы мы обручились, но она так думает, и все так будут считать. Кольцо их убедит.

— Ты не сделал ей предложения, дату не назначил, нет?

Он все ей рассказал.

— Мне интересно было, — сказала она, — что ты тут делаешь, если вы только что обручились.

— Китти, наверное, тоже задается этим вопросом.

Ирэн прижала пальцы к вискам.

— Ох, Рэйф, — сказала она, — ну ты и вляпался.

— Я знаю.

— И что? — сказала она.

— Что-что?

— Почему ты позволил, чтобы дело зашло так далеко? Ты же явно не созрел для нее. Может, и никогда не созреешь. Я уже тебе говорила — у тебя же на лбу написано, что она тебе не нравится. Неужели секс такая сладкая штука?

Он рассмеялся:

— Чертовски приятная!

— Это несмешно. Это не ты. Ну, может, и ты, раз даже своим родителям ты правду сказать не можешь.

— Удар прошел, — ответил он.

— Я с тобой сейчас не спаррингую, Рэйф. Что ты творишь? Ты мне дорог, как друг, а ты вот-вот сломаешь собственную жизнь. И как ты собираешься из всего этого выпутываться?

— Ты советуешь сказать правду?

— А как еще? Наврешь, что смертельно болен? Сбежишь? С собой покончишь?

— Не такой плохой выбор.

Ирэн встала и подошла к окну. Рэй понимал, что она не может ничего видеть, по-

сколько в центре комнаты был включен свет. Наверное, она смотрела на собственное отражение.

— Не отворачивайся сейчас от меня, Ирэн, — попросил он. — Я слушаю.

— Ладно, — сказала она. — Мы ведь друзья?

— Конечно.

— А друзья могут говорить друг другу правду?

— Ты — можешь.

— Тогда послушай меня, Рэйф. Ты видный парень. Высокий, спортивный, симпатичный и умный. У тебя есть амбиции, ты знаешь, чего ты хочешь, и знаешь, как своей цели добиться. Почему ты так боишься сказать правду? Тебе не нравится Китти, и ты ее не любишь. Может, она подлая по натуре — я ее не знаю, так что не мне об этом говорить, — но, как бы то ни было, она заслуживает знать, что ты о ней думаешь.

— Это было бы неприятно.

— Конечно, но ты сам в этом виноват! Ты же сам ее в такое положение поставил! Она думает, что ты ее обожаешь, а теперь считает, что ты связан с ней на всю жизнь. Ты не должен тянуть, пусть она узнает правду!

— О боже.

— Ты знаешь, что я права.

Он с жалким видом кивнул:

— Знаю.

— И что ты собираешься сделать, Рэйф?

— Надеюсь, жениться на тебе.

Она рассмеялась.

— Я уже сказала тебе — я не собираюсь быть запасным аэродромом.

— Я подожду и сделаю все, что должен.

— Будь серьезным.

— Я серьезно, Ирэн. Правда, серьезно. Мы будем замечательной парой. Ты будешь говорить правду и заставишь меня поступать так же.

— И как же с чистой дружбой?

Она вернулась к своему креслу и села. Несколько минут они молчали. Что случилось с ним? Она была права. Ему надо покончить с Китти, и как можно скорее. Неужели он действительно влюблен в Ирэн? Может, это совсем не то, чем кажется. Может, она для него просто тихая пристань среди бури, человек, к которому он может прийти, когда он сделает то, что должен, и его жизнь начнет давать течь. Рэй не мог представить себе масштаб крушения, когда все рухнет. Китти возненавидит его. Ее друзья возненавидят его. Ее семья возненавидит его.

— Это будет нелегко, — сказала Ирэн.

Рэй вздохнул:

— Не предлагай мне сделать это по электронной почте.

— Очень смешно. И не по телефону. Будь мужчиной, Рэйф. Ты обязан это сделать. И ей, и себе обязан.

— Ты перестала меня уважать, — сказал он.

Она ничего не ответила.

— Я думал, ты будешь это отрицать, Ирэн. Могла бы сказать, что по-прежнему восхищаешься мной.

— Да, я понимаю. Я уважаю тебя за то, что ты рассказал мне всю эту омерзительную историю, потому что ты все же честен, хотя выглядишь ты тут ну очень некрасиво. По большому счету, ты не должен был доводить до того, что случилось сегодня вечером, и ты сам это понимаешь.

Он взял ее за руку:

— Ты мне понадобишься — как друг, — когда все это случится.

— Я тебя не оставляю, — сказала она, но выпустила его руку. — Но я не шучу насчет твоих ухаживаний за мной.

— Ты думаешь, я серьезно?

— Я знаю, что с тобой происходит. Но мне нужен реальный рост, Рэйф. Я не могу честно читать нравоучения, если не буду честна с самой собой. Может, я и хотела бы поднять нашу дружбу на новый уровень, только не сейчас, пока ты не свернул с нынешнего пути. По твоим же собственным словам, ты ведь не влюбился в Китти по-настоящему после первого вашего танца. Все, что она говорила или делала, было тебе неприятно, кроме того момента, когда она была в твоих объятиях на танцплощадке.

— Неглубокое чувство, да?

— Ты сам это сказал. А потом все стало еще хуже. Она олицетворяла все, что ты привык презирать, а ты только углубил ваши

взаимоотношения, привез ее к себе домой, вместе с ней поехал к ней домой. Ты вел себя как животное.

— Хорошо, мне кажется, что для одного вечера этого достаточно, Ирэн.

— Извини.

— Нет, я это заслужил.

— Итак, что ты собираешься сделать и когда?

Он уставился в пол.

— Я должен позволить ей сохранить лицо, разве не так?

— Если ты сможешь при этом остаться честным.

— Я не могу ей сказать, что ненавижу все в ней и все, что она любит.

— Согласна. Возможно, тебе следует ей сказать, что ты врал и прикидывался, что глубоко ее любишь.

— А ей не станет легче. Если я скажу, что дело не в ней, а во мне? Это же так и есть, Ирэн. Она же не прикидывалась. Она была такой, какая она есть, была и всегда будет.

— Верно.

— Тогда почему мне не сказать ей, что да, я был нечестен с тобой и что нашел себе другую?

— Честность, Рэйфорд. Честность превыше всего.

— Но это правда!

— Рэйф!

— Я люблю тебя, Ирэн. Не смотри на меня так. Это правда. И Китти имеет право это знать.

— Вот меня в это дело не вмешивай. Ты знаешь мое мнение. И как это будет выглядеть, если ты скажешь, что разрываешь вашу помолвку — или что там у вас, короче, бросаешь ее — ради меня, хотя никто нас никогда вместе не видел?

— И сколько ты намерена заставлять меня ждать?

— Как минимум пару месяцев. И вот что — я не собираюсь становиться для тебя мамочкой. Я не хочу отношений, в которых ведущей буду я. Не хочу заставлять тебя играть по моим правилам. Я хочу, чтобы ты стал самим собой. Сильным. Уверенным, честным, понимающим себя. Человеком, который не поступает так, что сам в себе разочаровывается.

— Ты все обдумала, — сказал Рэй.

— На самом деле нет.

— Тогда ты очень умная.

— Ну, — ответила она, — это да.

Он рассмеялся:

— Позволь проводить тебя до общежития.

Она посмотрела на часы:

— О господи, да. Пошли.

— Ты поцелуешь меня на ночь?

— Да-да, в то время, как твоя невеста спит с твоим колечком на пальчике. Ты вообще соображаешь?

Рэй плохо спал, что неудивительно. Ну и дурак же он был! И как долго! Около трех часов утра он встал с постели, устав от теснящихся в голове мыслей. Глаза тоже не желали закрываться. Он сел на краю кровати,

глядя в окно, в темноту, прошитую точками уличных фонарей. Он облокотился о колени и подпер ладонями подбородок.

Одно дело — бояться встречи с Китти. Он мог просто составить план наступления и затем спокойно уснуть. Но его душу и мысли терзало другое. Он был влюблен — и не в Китти.

Когда Рэй пришел к такому заключению? И правда ли это? Или он просто ищет запасной аэродромчик, как и сказала Ирэн? Нет, это — настоящее. Он и не знал раньше, что такое любовь, говорил он сам себе. Он никогда не ощущал по отношению к женщине такого, что чувствовал сейчас к Ирэн.

Вдруг именно любовь заставляет его считать ее даже симпатичнее, чем Китти? Вряд ли кто-нибудь согласился бы с ним, но ему было все равно. Ему страстно хотелось обнять ее, поцеловать и заявить, что он ее любит. Одна мысль, что ему, наверное, придется поцеловать Китти на прощание, вызывала в нем отвращение.

Как он мог вляпаться в такое? Неужели он действительно верил, что собирается провести всю свою жизнь с такой жалкой личностью, как Китти Уайли? Но ведь это была и ее вина, не так ли? Что такого она увидела в нем? Он мог это понять по постным и злым взглядам парней из ее окружения, которые говорили об одном и том же — как же этот пилотик-никто-и-звать-никак сумел поймать

такую птичку, как она? Ничего, переживет. Это уж наверняка.

Рэй решил не говорить ей об этом, какой бы ни вышла их встреча. Здесь не может быть трусливого «дело не в тебе, а во мне», никакого намека на Ирэн. Ее имя не должно даже упоминаться. Он был дурак. Он был нечестен. Он был пустышкой. Он любил в Китти совсем не то, что надо бы, и она заслуживает лучшего.

Если говорить полностью откровенно, то часть груза ему придется переложить плечи Китти. Это она бежала впереди телеги — заказала свадебное платье, купила кольцо еще до того, как он сделал ей предложение. Вопрос был в том, насколько он сможет выразить то, что их жизненные ценности никогда не совпадали? Чья в этом вина? Если у него были проблемы в этом отношении, то вопрос он должен был поднять давным-давно. Как он и говорил Ирэн, Китти никогда не скрывала, что ценит в жизни.

Как бы то ни было, Рэй вел себя ничуть не лучше. Хотя теперь его привлекала Ирэн и ему нравился ее характер, прежде-то его сжигало желание стать кем-то, иметь многие вещи, подарить ей (ладно, себе, поскольку Ирэн, похоже, было все равно) красивый дом в хорошем районе, роскошную машину и доход, который может все это обеспечить. Но он намеревался быть открытым с Ирэн, если она серьезно намерена подумать о нем. Больше никаких игр. Никакого притвор-

ства. Он будет сильным, но он хочет того, что хочет, и она должна это знать наперед.

Наконец, сон все же свалил Рэя, и он проспал пару часов на рассвете. Его разбудил телефон.

— И что ты сейчас обо мне думаешь? — послышалось мурлыканье Китти.

— Я думаю, что нам надо поговорить.

— Что?

— Ты слышала меня, Китти.

— Не говори, что ты передумал.

— Я бы не сказал, что это так можно называть. Но нам правда надо поговорить.

— Рэй, не надо. Мы же помолвлены.

— С чего ты взяла? Я даже не сделал тебе предложение.

— Ты купил мне колечко!

— Это ты купила себе кольцо. Послушай, Китти, это не телефонный разговор. Я зайду за тобой.

Она бросила трубку.

К тому времени, когда он прошел весь путь до общежития Китти, всю дорогу жалея, что не уговорил кого-то пойти с ним — Ирэн, конечно, — он все-таки сумел уговорить себя быть сильным. Это будет непросто. Ему придется взять на себя почти всю вину за то, что произошло, но ему нельзя отступать, нельзя сдаваться. Он не сможет жить в мире с собой, если полностью не разорвет отношения с Китти. Иначе Ирэн никогда не

допустит его в свое будущее. Рэю придется держать на передовой линии своего разума, как бы Китти ни отреагировала.

Она будет пытаться договориться, будет умолять, упрашивать. Легче всего будет заставить ее пообещать измениться и дать ей этот шанс. Но это будет нечестно. Почему она должна измениться? Ее ценности были вполне стандартными и приемлемыми для большинства. Почему он должен быть арбитром ее жизни?

Рэй вошел в дом, и стало понятно, что слухи уже поползли. Вокруг толклось больше, чем обычно, девушек, и все делали равнодушный вид и злобно поглядывали на него. Он прямо читал их мысли. Как ты осмелился здесь показаться? Как ты смел так поступить? Приди в себя!

— Я скажу ей, что ты пришла, — сказала одна из них. — Жди здесь.

Она показала на комнату с телевизором, где они с Китти проводили много времени. Он невольно окинул комнату взглядом, подыскивая выход. Это было хуже, чем ждать наказания от отца.

Он сел. Его так и тянуло включить телевизор, чтобы отвлечься и снять напряжение, но это создаст неверный образ. Будет честнее, чтобы хотя бы его вид не так ее ранил.

Но ему было далеко до нее. Она пришла в длинном, в пол, платье. Волосы ее были собраны в пучок, она была не накрашена. Китти закрыла дверь, чтобы любопытные подружки

не заглядывали. Рэй был вынужден признать, что, несмотря ни на что, она выглядела прекрасно. Конечно, прежде бывало и лучше. Но вот что он мог бы навязать себе на всю оставшуюся жизнь — человека, которому вовсе не нужно часами торчать перед зеркалом, чтобы выглядеть презентабельно, но тем не менее готового тратить на это время.

— Привет, — сказал он.

Китти кивнула и села напротив. Ее щеки были прочерчены дорожками слез, нос покраснел, в руках она стискивала платочек. Кольца с бриллиантом на ней не было.

— Итак, что? — сказала она.

— Я не готов, — ответил он.

— Не готов к чему? К этому? Я ни минуты здесь не останусь, если ты немедленно не скажешь мне, что происходит.

— Я не готов жениться.

— Но мы не женимся, Рэй. Не сегодня, даже не в следующем месяце. У тебя много времени, чтобы подготовиться к свадьбе.

— Свадьбы не будет.

— О, — заскулила она, — не поступай со мной так! За что? Что заставило тебя передумать?

— Ну, во-первых, у меня не было шанса высказать свое мнение, Китти. Ты всегда забежала вперед. Ты делала предположения. Ты завела меня туда, где мне стало неприятно.

— Ты не хотел жениться? А ты не понимал, к чему ведут эти отношения? Ты думал,

я ради забавы с тобой сплю? Почему мы разговаривали о том, где мы будем жить, какая у нас будет машина, сколько мы заведем детей? Не хочешь же ты сказать, что думал о будущем, в котором нет меня?

— Согласен. Но ты не давала мне и слова сказать.

— Отлично, я еще и виновата. Хорошо, отыграем назад. Я верну кольцо, и мы можем немного притормозить. Извини. Я не хотела тебя обидеть. Я просто думала, что мы заодно.

— Нет.

— Но ведь мы можем, верно? Ты просто хочешь сконцентрироваться на учебе и полетах. Мы не будем заговаривать о свадьбе до окончания года.

— Нет, Китти. С меня хватит.

— Хватит чего? Меня?

— Нас. Я говорю тебе, что не готов, и не думаю, что... нет, будем откровенны. Я обязан быть с тобой откровенным.

— Да уж.

— Я и не собираюсь быть готовым. Я не хочу на тебе жениться.

Ее лицо скривилось, она с трудом говорила сквозь слезы.

— Но почему? Что я такого плохого сделала? Я забежала вперед? Прости меня за слишком большую любовь к тебе! Прости, что не заметила, что ты не в курсе. Я усвою этот урок, Рэй. Не бросай меня.

— Я уже бросил.

— Рэй!

— Я не хочу говорить жестоко, Китти, но я слишком долго притворялся. Я был не прав.

— Притворялся, что любишь меня?

— Да. То есть я любил тебя, правда. Но теперь нет. Я не вижу будущего для нас вдвоем. Ты должна это знать. Я понимаю, что тут моя вина. Если бы я не вел себя неправильно, мы не сидели бы сейчас здесь.

— Рэй, я умоляю тебя. Просто отступим немного. Дай мне немного времени. Подумай, мы прекрасно подходим друг к другу. Я никогда не любила никого так, как тебя!

— Китти, прекрати. Остановись! Мне очень жаль, правда, но все кончено. Не хочу быть грубым, но ты должна услышать меня. Легче всего в жизни пытаться, но это лишь отдаляет неизбежное.

— Ты так меня ненавидишь?

— Я вовсе не испытываю к тебе ненависти. Мне будет не хватать тебя. Правда. Но больше я притворяться не могу.

— Это значит «расстанемся друзьями»? Я просто не могу...

— Я тоже не могу, Китти. Мы были слишком близки, чтобы остаться друзьями. Так и должно быть, и мы должны остаться в памяти друг у друга как то, что почти сбылось.

Она закрыла лицо руками.

— Я просто не понимаю, — сказала она. Плечи ее поникли. Рэю хотелось обнять ее, поговорить с ней. Но он не имел права. — Что я людям скажу? Что меня бросили в тот

самый день, как я показала всем обручальное кольцо?

— Скажи им, что я оказался негодяем, не тем, кем ты меня считала. Я не хочу этого говорить, но у тебя лучше получится. Ребята сразу к тебе в очередь выстроятся на целый квартал.

— Ну, меня тут уже, может, и не будет, — ответила Китти, вытирая нос. Она вынула кольцо из кармана и протянула ему. — Я ничем не могу исправить дело?

Он покачал головой:

— Прости. Мне действительно, очень жаль.

— Если бы я могла сказать, что ненавижу тебя!

— Мне тоже этого хотелось бы. Пусть во всем буду виноват я, Китти.

— Это бессмысленно. Что-то заставило тебя разлюбить меня.

— Это не твоя вина, а моя, это звучит банально, но...

— Да, банально, — сказала она. — Так что, Рэй, пожалуйста, избавь меня от этой банальности.

Он кивнул:

— Мы не обязаны оставаться друзьями, но не будем желать друг другу зла, хорошо?

— Почему я должна желать тебе зла?

— Потому что ты злишься и у тебя есть на это право. Я понял бы. Но я не буду говорить о тебе ничего плохого. И мы, возможно, будем порой сталкиваться. Я бы хотел, что-

бы мы могли приветливо относиться друг к другу.

Она выдавила улыбку:

— Не могу пообещать, что не стану говорить о тебе плохого, Рэй. Но согласна: если мы вдруг встретимся, можешь быть уверен, что мы поздороваемся как хорошие друзья.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

Когда Николае Карпати исполнилось двенадцать лет, он уже был президентом международного общества молодых гуманистов, несмотря на то что по возрасту он был на два года моложе самого молодого члена общества. Он председательствовал на митингах в Люксембурге (где достаточно хорошо освоил местное наречие вдобавок к своему беглому французскому и немецкому) и выступал на двух международных конвентах — один был в США, где он выступал на английском, второй — в Гонконге, где он говорил уже по-китайски.

О нем написал журнал «Тайм», отметив, что он носит стильные костюмы и завязывает галстук в своей особой манере. Его спросили насчет его планов.

— Я хочу служить человечеству, — сказал он. — Я намерен обеспечивать себя при

помощи какого-нибудь бизнеса, поскольку я предприимчив по натуре, но карьере я буду делать на общественном поприще.

— Предприимчив? — сказал репортер. — И откуда такой молодой человек узнал такое слово?

— Оттуда же, откуда о нем узнал старик вроде вас, — без улыбки ответил Ник. — Из словаря.

Эта история сделала его самым популярным человеком в Клуж-Напоке и школе, но когда Бив Айвинз пыталась представить это великим достижением, он только хмыкнул:

— Все пустяк, если это не передовая статья.

Ирэн держала слово. Она заставила Рэя Стила дожидаться ровно два месяца прежде, чем согласилась прогуляться с ним. До того все разговоры в кампусе были только о Китти Уайли — по крайней мере, в ее сообществе. Она перестала посещать занятия, а через неделю покинула университет и вернулась домой.

Рэй с неохотой отвечал на звонки ее отца и матери, также ее отчима, перечисляя каждому цепочку событий, приведших к разрыву.

— Виноват я один, — говорил он. — Я все сделал не так. Она чудесная девушка, и я желаю ей всего наилучшего.

Похоже, его понимал только ее отец. Оно и понятно — он же сам бросил мать Китти, вероятно, пережив те же мучения, что и Рэй. Ее отчим и мать пытались пристыдить Рэя и рассказать ему, какой он негодяй.

Вскоре из Северной Индианы пришло известие, что Китти Уайли помолвлена.

Хотя Рэй и Ирэн еще не встречались официально, они, как и прежде, проводили вместе время, только теперь чаще, поскольку у него не было других «обязанностей» — так они называли Китти. К чести Ирэн, она не позволяла Рэю говорить ничего плохого о бывшей подружке.

— Она никогда не скрывала своей сущности, — напоминала ему Ирэн. — Ты сам знал, на что шел, и в вашем неудачном союзе ты виноват не меньше ее.

По правде, Рэй просто с ума сходил от ожидания. В лучшем случае она порой позволяла обнять себя и поцеловать в щечку. Она даже за руку его не брала.

А он не мог отвести от нее глаз, и его внимание, похоже, очень положительно влияло на нее. Шаг ее стал более упругим, и она всегда выглядела самым наилучшим образом. Чем ближе становилась дата их официального первого свидания, тем больше волновался Рэйфорд. Он хотел, чтобы оно прошло на высшем уровне, но она постоянно напоминала ему, что ей важно только то, что они будут рядом.

Первое свидание прошло без сучка, без задоринки, и скоро они по уши влюбились

друг в друга, но Ирэн сразу дала понять, что не собирается спать с ним до конца его курса. Сначала он с этим согласился, но чем больше времени они проводили вместе, тем больше он убеждал себя в том, что сумеет переубедить ее ослабить оборону, заставить ее подчиниться ее собственной любви и желаниям.

Но когда у него ничего не вышло, он стал угрюм. Наконец, она сказала ему:

— Если все дело в этом, то я перестану думать о жизни с тобой.

— Потому что я хочу тебя любить?

— Есть много способов показать свою любовь, Рэйфорд. Включая способность ждать. Мы поговорим об этом, поскольку для меня это важно. И то, что волнует меня, должно волновать и тебя, иначе у нас никогда ничего не получится.

— С каких пор ты стала девственницей, Ирэн? В смысле, в наше время и в твоем возрасте. Ты не говорила мне...

— Я не говорила, что я девственница. Но я и не говорила, что прежде была действительно влюблена. Я просто хочу, чтобы мы подождали. И если ты меня любишь...

— Понял, — сказал он. Временами он все равно старался переубедить ее, но вскоре понял, что она настроена решительно.

Рэйфорда давно уже раздражало его неуклюжее имя. Но Ирэн оно нравилось, и она никогда не называла его Рэй. И сокращала она его только до Рэйф. И потому он начал представляться как Рэйфорд, подписываться

этим именем, ставить его на метках на одежде и печатать на визитках.

Поскольку мать Ирэн сейчас переживала трудный период со своим новым мужем — профессиональным военным, как и ее покойный муж, — Рэйфорд решил, что проведет в составе ВВС как можно меньше времени. Он не был уверен, что именно окружение осложняет жизнь человеку, но рисковать он не хотел. Как бы то ни было, настоящие деньги можно было заработать только в коммерческой авиации, и к этому лежало его сердце.

Поскольку Ирэн была из семьи военно-служащих, то есть нигде не успела пустить корни, она была довольна тем, что после замужества они будут жить в Индиане. Они поженились весной последнего года Рэя в колледже, так что среди гостей в Уэйсайд-Чэпел были в основном студенты и друзья по военным курсам.

Рэйфорд с тревогой заметил у отца первые признаки старческого маразма. Он постоянно терялся в маленький церкви, рассказывал сыну по многу раз одни и те же истории. Когда Рэйфорд улучил минутку наедине с матерью, та расплакалась.

— Я теряю его, — сказала она.

Рэйфорд испугался, что и она на пределе. Его в юности всегда раздражало, что его родители старше, чем у его друзей. Теперь это стало настоящей проблемой.

— Я понимаю, что прошу слишком много, — сказала она, — но помоги отцу продать мастерскую.

Ничего себе подарочек в день свадьбы.

— Да, мама, это слишком много, — сказал он. — Я не знаю, как сворачивают бизнес. А раз я под рукой, ему в голову взбредет, что и продавать-то ничего не надо. Он каждый день будет пилить меня, чтобы я принял бразды правления, а меньше всего на свете этого хочу. Mam, если его разум утасует так быстро, как кажется, тебе надо требовать, чтобы я заработал по максимуму денег, чтобы ему помочь.

Рэйфорд понятия не имел, насколько пророческими оказались его слова. Не прошло и полугода, как Ирэн забеременела. Рэйфорд старался каждый день налетать как можно больше часов на маленькой базе ВВС неподалеку от аэропорта О'Хара в Чикаго.

И вот тогда их с Ирэн пригласили на тридцатилетие свадьбы его родителей. Это оказалось очень печальное событие. Живущие далеко члены семьи, которые по какой-то причине не доехали до их с Ирэн свадьбы, ради такого случая сумели добраться до Бельвидера. Некоторым было интересно посмотреть на жену Рэйфорда, но большинство — и он был в этом уверен — считали, что в последний раз увидят старшего Стила таким, каким они его знали.

Для Рэйфорда печальнее всего было видеть родителей, когда те уселись, чтобы сделать официальное фото. Он читал панику на лице матери — она уже постоянно присматривала за мужем, чтобы он не ушел куда-нибудь. Отец сдал даже по сравнению с днем

их свадьбы. Они поздно поженились и долго ждали возможности завести ребенка — Рэйфорда, — и теперь они перешагнули рубеж семидесятилетия, а выглядели еще старше.

Совершенно не похожи на молодых родителей сверстников Рэя. На лучшем снимке на лице мистера Стила играла детская восторженная улыбка, и Рэйфорд понимал, что отец даже не вспомнит, что улыбался для снимка.

В тот день Рэйфорд много раз слышал, как его отец просил своих старинных друзей и родственников «еще раз напомнить, как вас зовут». Мистер Стил трижды поздоровался с младшей сестрой, словно она только что вошла.

— Я вас знаю! — сказал он. — Я так рад, что вы приехали.

На праздничном торте было тридцать свечек, конечно же, и отец с любопытной улыбкой смотрел, как его жена задувает их в три приема.

— Сколько тебе лет? — спросил он. — Мы будем сегодня петь песенку в честь дня рождения?

Вечер был почти закончен. Отец Рэйфорда ушел спать еще до того, как гости начали разъезжаться. Мать затащила Рэйфорда в угол.

— Я хочу, чтобы ты кое о чем помолился вместе со мной, сын, — сказала она.

Его глаза забегались. Ведь не хочет же она, чтобы он молился прямо здесь и сейчас?

— Ты ведь по-прежнему молишься, да, Рэйфорд?

— Ну, да, конечно. — Он не мог припомнить, когда молился последний раз. И то, чему Бог разрешил случиться с его отцом, вряд ли изменит ситуацию. Ирэн обиделась на Бога за то, что Тот позволил, чтобы ее отца убили. А тут еще хуже. Легче было бы узнать, что его отца сбила машина или он умер во сне. — Не проси меня молиться за исцеление отца. Этого не слу...

— Нет, — сказала она, пытаясь держать себя в руках. — Просто у нас с папой была в жизни цель. Все было против нас, потому что мы были уже в возрасте, когда поженились, но мы говорили об этом с того самого дня, как полюбили друг друга.

Рэйфорда уже начал раздражать этот разговор, о чем бы он ни был. Он никогда не слышал, чтобы его родители говорили, что любят друг друга. Они очень хорошо относились друг к другу, почти не ругались, не ссорились, но никогда и не выражали особой привязанности друг к другу.

Его с матерью разговор постоянно прерывали люди, подходившие попрощаться.

— Мам, мы невежливо себя ведем. Разговор не может подождать?

— Мне вообще не надо было еще и это на тебя взваливать, — сказала она.

— Ты хозяйка. Ты должна...

— Хорошо, — сказала она и резко двинулась к двери.

Рэй не мог отрицать, что ему стало легче, но он чувствовал себя виноватым, глядя, как она, натянув на лицо улыбочивую маску, выполняет свой долг хозяйки. Лицо ее было красным, а глаза распухли.

Ирэн сунула руку ему в ладонь.

— Что случилось?

Когда он рассказал ей, она ответила:

— Рэйф, ты должен довести это до конца. Не надо, чтобы она к этому возвращалась. Убеди ее, что это главное в твоей жизни. Ты все, что у нее осталось. Она должна понимать, что может переложить этот груз на твои плечи.

— Ирэн, что бы там ни было, это потребует от меня того, чего я не могу дать. Мы с тобой пытаемся встать на ноги. Я хочу купить дом, приличную машину, а то и две, найти хорошую работу...

— Ты веришь в карму?

— В карму? Вряд ли.

— Наверняка веришь. Ты ведь согласен с тем, что твои дела возвращаются к тебе, правда?

Он чуть подался назад и, прищурившись, посмотрел на нее.

— Не смотри на меня так, Рэйф. Я просто хочу сказать, что если ты дурно обойдешься с родителями, то когда-нибудь так же обойдутся и с тобой.

Когда все ушли, Рэйфорд заметил, что его мать целенаправленно игнорирует его. Он подошел к ней и сказал:

— Мам, я хочу вернуться к разговору.

— Нет, не хочешь.

Он посмотрел на Ирэн, которая кивнула ему и показала на другую комнату.

— Хочу. Сядь-ка. Теперь ты расскажешь мне, что так важно для вас с папой.

Он увидел по ее глазам, что она поверила его лжи. Он хотел, чтобы этот разговор прошел так, как если бы он сидел днем в баре, когда по телевизору передают матч с участием «Медведей».

Она взяла его за руки и повела к кушетке в гостиной.

— Вот о чем я хотела бы сегодня помолиться вместе с тобой, Рэй. Хотя понятно, что папа, скорее всего, страдает болезнью Альцгеймера, врач говорит, что во всем остальном он здоров, как лошадь. Я не знаю, почему они всегда именно так говорят, словно лошади здоровее других животных. Ведь это не так? Я никогда не слышала, чтобы они болели меньше остальных.

— Не знаю, мама. Но ты продолжай.

— Извини. Как бы то ни было, мы с папой всегда говорили, что хотим отметить вместе золотую свадьбу.

— Золотую свадьбу?

Она кивнула.

— Может, он даже и не помнит уже, что хотел этого, — сказал Рэйфорд, сразу же пожалев о своих словах.

— Не будь жесток.

— Нет, я просто говорю... если и есть что хорошее в его болезни, так это то, что он не

будет страдать, если его надежды так и не оправдаются.

— Да, но я на это надеюсь, понимаешь?

Это было так в ее духе. И Рэйфорду от этого стало плохо.

— Доктор говорит, что он может прожить еще двадцать лет, — сказала она. — Мы должны будем, в конце концов, поместить его в больницу. Так мне будет легче прожить оставшиеся двадцать лет.

— Но почему это так важно, мам? Я ни в коем разе не хочу принизить значение этого события, я действительно хочу понять.

Он промокнула глаза платочком.

— Потому что нашей целью было вырастить хорошего сына, дать тебе все самое лучшее и прожить в браке пятьдесят лет. Я до сих пор хотела бы, чтобы это сбылось, понимает это он или нет.

Рэйфорд мог только представить себе, как они будут выглядеть на своей фотографии в день золотой свадьбы.

— Так ты помолишься со мной об этом? — сказала она. — Может, когда будешь вечером ложиться спать.

Он кивнул, не желая вкладывать ложь в слова.

— Ты ведь по-прежнему молишься перед сном, Рэй?

— Иногда.

— Я верю в молитвы, — сказала она.

«А я — нет».

Нетерпеливое стремление Рэйфорда к хорошей жизни сменилось разочарованием,

пока они с Ирэн влачили дни в крохотной квартирке. Конечно, он с восторгом ждал рождения ребенка, но хотя он по-прежнему любил летать, жизнь ползла еле-еле. Ирэн все сильнее уставала и становилась все более раздражительной по мере того, как ребенок рос внутри нее. Мать Рэйфорда стала нуждаться, когда отца поместили в больницу. Туда уходил почти весь ежемесячный заработок Рэйфорда, чтобы покрыть разницу между стоимостью содержания и страховкой родителей.

Рэйфорд был не против помогать им. Но теперь с его собственными мечтами придется подождать. Как он может позволить себе дом, машины, все, ради чего стоит жить?

Хотя рождение их дочери, Хлои, озарило их жизнь, Рэйфорд был вынужден признать, что и эта радость начала блекнуть. Любовь к ней переполняла его, но он думал о жизни более по-отцовски, не просто о том, чтобы помогать Ирэн с домашней работой, перепеленывать ребенка и вынимать ее из кровати по ночам, чтобы Ирэн могла ее покормить. Рэйфорд ненавидел себя за эти мысли. Он по-прежнему любил дочь и жену, конечно же, но ему было тяжело сознавать, что его жизнь вовсе не такова, о какой он мечтал.

А тут еще Ирэн вдруг снова захотела посещать церковь.

— Я думал, ты уже усвоила тот урок, — сказал Рэйфорд.

— Я усвоила только то, что слишком мало знаю, — сказала она. — Я пропустила

самое лучшее в религии и уже много лет назад тебе говорила, что не хочу растить дочь вне религии.

И потому они начали посещать большую церковь, в которой Рэйфорд легко мог затеряться в толпе и улизнуть, как только служба кончалась.

Ирэн казалась удовлетворенной. Ей нравилось быть женой и матерью, проводить время с Рэйфордом и помогать ему в продвижении по карьерной лестнице. Но ему этого было недостаточно. Рэйфорд обращался во все крупные авиалинии и посвящал все время обучению на все более и более крупных самолетах.

Но суть была в том, что жизнь оказалась не столь приятной, как он думал. Он был уверен, что деньги все изменят. Ну и престиж, который придет, когда он станет капитаном авиалайнера.

Самым счастливым днем в жизни Рэйфорда Стила — хотя он не признавался Ирэн, что он оказался счастливее даже дня их свадьбы, первой ночи или рождения дочери, — был тот день, когда он получил предложение от «Пан-Континентал Эйрлайнз». Ему предлагали должность бортинженера для полетов на «Боингах-747-200». Он учился летать на этих монстрах в ВВС, и начальство «Пан-Континентал» впечатлилось его успехами.

Стоя перед зеркалом в своей новенькой, синей с белым форме вместе с Ирэн и

Хлоей, когда все они хлопотали вокруг него, Рэйфорд никак не мог перестать улыбаться. Высокий, шесть футов четыре дюйма, двадцать фунтов веса. В форме с блестящими пуговицами и золотым галуном — сейчас он мог думать только о доме в пригороде и отличной новой машине. В течение месяца он был весь в мечтах и в радости — и в долгах, насколько мог себе позволить.

Ирэн предупредила, что они купили дом гораздо больше, чем им надо, но Рэй по глазам видел, что дом ей нравится. Она была придирчивой домохозяйкой еще в их крохотной квартирке, но теперь она стала просто одержима хозяйством. Изобретательная, скрупулезная, их новый дом она сделала опрятным и великолепным. Настоящей тихой гаванью.

Осложняла жизнь Рэйфорду, однако, полная недееспособность отца. Он находился теперь под постоянным присмотром, что стоило вдвое дороже, чем обычное содержание. Мать Рэйфорда тоже начала сдавать. Она стала казаться старше и слабее, чем прежде. То, что муж не узнавал ее и даже не вспоминал, казалось, сокрушило ее дух.

Но гораздо хуже было то, что он заметил у матери те же симптомы, что и у отца перед тем, как ему поставили окончательный диагноз. Хотя Рэю не хотелось в это верить.

— Скажи мне, что это просто старость, Ирэн, — говорил он.

— Если бы я могла, — отвечала она.

Следующие несколько лет Стили жили на грани платежеспособности. Когда мать тоже поместили в лечебницу, Рэйфорду пришлось заняться тягомотным процессом продажи семейного дома, попыткой выручить что-то за мастерскую и остаться на плаву. Несмотря на то что он каждый раз называл «излишком месяца в конце денег», доход разрешал ему брать больше кредитов, чем он мог себе позволить. Он не мог отказаться от БМВ с откидным верхом и седана для жены.

— Мне ничего этого не надо, — сказала Ирэн. — Разве нам это по карману?

— Конечно, — сказал он. — Не лишай меня удовольствия купить тебе что-нибудь хорошенькое.

Рэйфорд начал желать родителям смерти, хотя это и наполняло его ощущением вины. Он говорил, что для них это будет лучше. Его отец по факту уже давно был мертв. Он не осознавал ничего вокруг и вряд ли был способен радоваться даже такому подобию жизни. И мать не сильно от него в этом отношении отставала. Лучше бы им умереть — и для Рэйфорда с его семьей это тоже будет лучшим исходом.

* * *

Ник Карпати каким-то образом сумел избежать типичных проблем взросления. Он никогда не был долговязым или неуклю-

жим. Его идеальная кожа никогда не покрывалась угрями. К шестнадцати годам он настолько превосходил своих сверстников, что мог спокойно сдать экзамены за весь школьный курс. Но прежде всего он хотел произвести на выпускном вечере речь от своего класса. Как только он это сделал, он сразу же был зачислен в Румынский университет в Бухаресте, который намеревался закончить за два года.

— Я хочу жить в «ИнтерКонтинентале», — сказал он тете Вив.

— Это будет уж слишком, — сказала она.

— И я хочу, чтобы Алмазный Светик находился как можно ближе.

— Я посмотрю, что можно сделать.

Конечно, она, видимо, и была послана на землю, чтобы выполнять желания Ника. Она казалась ему забавной. Ему нравилось приходить на ее семинары и показывать свое превосходство. Казалось, что иной мир сначала связывался с ним, и он был не против разъяснять ей послания или даже выкрикивать их прежде, чем они доходили до нее.

* * *

Ирэн Стил начала поговаривать о том, чтобы завести второго ребенка, но Рэйфорд и слышать ничего не хотел. Он не хотел рассказывать ей, в какой непростой финансовой ситуации они находятся, но, похоже, она

сама догадалась. Когда Хлое исполнилось семь лет, Ирэн осторожно поведала Рэю новость — она ждет второго ребенка.

Он попытался изобразить, что он в восторге, но нужной степени энтузиазма вызвать в себе не получилось. Это повергло Ирэн в хандру, и эта хандра тянулась до тех пор, пока она не смогла сказать Рэю, что у них будет сын и что она надеется, что Рэйфорд согласится, чтобы малыша назвали в его честь. Это польстило самолюбию Рэйфорда, и он даже стал подумывать о том, чтобы переехать в район попрестижнее, пока Ирэн не положила этому конец.

— Ты думаешь, я не способна разобраться в банковских счетах? — сказала она. — Я восхищена тем, что ты делаешь для родителей, но пока это будет продолжаться, мы будем жить здесь.

Рэйфорду нравилось быстро идти по коридорам главного аэропорта графства. Он уже начал сесть, но ему нравилась его новая внешность, да и Ирэн говорила, что седина делает его более незаурядным.

* * *

В девятнадцать лет Ник Карпати потребовал встречи с Райшем Планшеттом.

— Мне пора узнать историю своего происхождения, — сказал он.

— В смысле?

— Вы понимаете, о чем я, Райш. — Он видел, что Райшу не нравится, когда его называют по имени, особенно юнец. — Я хочу знать, кто мой отец.

— Невозможно. Это совершенно конфиденциальная информация.

— К завтрашнему дню, — продолжил Ник.

— Я посмотрю, что можно сделать.

На другой день Планшетт приехал к Нику с толстой папкой.

— Надеюсь, незачем напоминать, насколько это секретная информация?

— Тогда зачем напоминаете, Райш? Просто дайте мне посмотреть.

— Я не могу оставить ее у тебя. Ее нельзя...

— У вас есть копии.

— Конечно, но...

— Я верну их вам завтра.

— Хорошо.

На другой день Ник появился в маленьком кабинете Планшетта в неказистом доме в центре Бухареста.

— Этот кабинет — оскорбление для ассоциации, — сказал Ник.

— Мы тратим все наши деньги на оплату твоего жилья и исполнение твоих прихотей, Ник.

Юный Карпати уставился на него:

— Мне кажется, что я слышу негодование, Райш?

— Возможно. Тебе знакома фраза высокие расходы?

Ник потер глаза и запрокинул голову:

— Ох, Райш. А вам знаком термин «безработный»?

Планшетт встал:

— Я достаточно давно верно служу ассоциации, чтобы не подвергаться...

— Да сядьте. У меня есть вопросы по материалам из этой папки.

— Не могу себе представить, Ник. Там все.

— Значит, я чудовище. У меня два отца.

— Верно. То есть не чудовище, но два отца.

— И они получили все эти деньги?

— Да, от мистера Стонагала.

— И вы еще жалуетесь на мои расходы?

— Ну...

— У Стонагала денег куры не клюют, Райш. Я бы сказал, что хотел бы заключить сделку. Я хочу две вещи: долю в международном бизнесе по импорту/экспорту. Скажем, для начала десять миллионов евро.

— Десять миллионов!

— И хочу, чтобы эти два оппортуниста были уволены.

— Невозможно.

— Невозможно, если их не устранить.

— Они твои отцы. Мы не моем просто...

— Я неясно выражаюсь, Райш?

— Я передам твои слова, Ник.

Карпати бросил папку на стол Райша, и та снесла на пол несколько листов.

— Кстати, вспомнил. Еще одно — хочу, чтобы ко мне обращались по моему полному имени.

— Николае? Ты...

— Вы верно догадались, Райш.

— Ты слишком молод...

— Чтобы зарабатывать больше вас? Вы это хотели сказать?

— Нет. Я просто...

— Потому что скоро так и будет? Так или нет?

— Ну, я... я хотел сказать, что начальство будет решать, стать ли тебе бизнесменом, в интересах ли это...

Николае встал:

— Пожалуйста, Райш, не тратьте зря мое время, хорошо?

Планшетт вздохнул и, нахмурившись, взял папку.

— Вы ведь не захотите работать на меня, не так ли, Райш?

Планшетт склонил голову набок.

— Я?

— Откажетесь или будете работать на меня? Последнее — не вопрос, единственный вопрос — первый.

— Я верный солдат, Ник... олае. Я сделаю то, что должен.

— Я знаю, что вы сделаете. Скажите мне вот что. Когда человек получает привилегию говорить с большой шишкой, главой, начальством?

— Стонагалом?

Николае рассмеялся:

— Вы думаете, это он главный? Возможно, именно потому вы скоро будете работать на меня. Вы знаете, о ком я говорю.

— О высшем духе? Это привилегия. Редкая привилегия.

— А вы, Райш? Вам выпадала такая привилегия?

— Пару раз, много лет назад. Госпоже Авинцевой тоже. Один раз. Но я вот что тебе скажу: это не ты с ним разговариваешь, это он разговаривает с тобой.

— Но ведь вы можете ответить, верно?

— Конечно.

— Не могу дождаться.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ПЯТАЯ

Когда Рэйфорд наконец стал капитаном, он поверил, что цель в жизни достигнута. Он хоть немного теперь мог контролировать свои финансы и уже начал предвкушать рождение Рэйфорда-младшего, которого Ирэн уже начала называть Рэйми.

— Почему это, если он Рэйфорд-младший? — сказал Рэйфорд, но имя ему очень понравилось.

Он обожал летать, быть главным, руководить командой, разговаривать с пассажирами, он был доволен своим безупречным послужным списком. Но когда Рэйфорд давал себе время оценить свою жизнь, он был вынужден признаваться, что живет для себя, больше ни для кого. О да, он делал много для Ирэн и Хлои, а скоро будет делать все и для Рэйми. Но центром жизни был он сам.

Рэйфорд гордился тем, что никогда не позволял алкоголю мешать его работе. Как-то раз в декабре, днем, сразу после полета аэропорт О'Хара закрыли из-за сильного снегопада. Прогноз был неутешительный, и он предположил, что его скоро отошлют домой. Потому он с коллегами выпили по паре martinis, а затем слонялись по комнате отдыха для пилотов, ожидая, когда их отпустят домой.

Но внезапно снег прекратился, трактора занялись расчисткой взлетно-посадочных полос, и объявили, что через полтора часа самолетам снова позволят взлет. Рэйфорд спросил товарищей по экипажу, согласны ли они на полет после выпивки. Все до единого сказали, что выпили всего-то по чуть-чуть и чувствуют себя нормально.

Рэйфорд тоже чувствовал себя прекрасно, но считал, что рисковать не стоит. Он вызвал своего инспектора Эрла Холлидэя.

— Спиши с меня сколько хочешь, Эрл, — сказал он, — но я выпил пару стаканов martinis, потому что думал, что мы уже сегодня не полетим, и теперь я опасаюсь, что лучше бы мне сегодня не летать.

— Да где я найду тебе замену в такой час, Стил? — сказал Холлидэй. — Думаешь, пара martinis хоть как-то повлияет на здоровья вроде тебя?

— Извини, Эрл. Но я нынче вечером не поведу тяжелый самолет, забитый пассажирами.

Холлидэй бросил трубку, но когда Рэй уже ехал домой — за себя он не боялся, но

отвечать за сотни пассажиров не хотел, — он получил звонок от Эрла.

— Если тебе интересно, я нашел замену.

— Слава богу. Извини, шеф. Больше такого не допущу. Сколько мне это будет стоить?

— Нисколько.

— Повтори?

— Ты поступил правильно, Стил, и я тобой горжусь. Конечно, геморрой ты мне устроил, но в противном случае мог получиться сущий кошмар, так что спасибо тебе.

Ирэн любила пересказывать эту историю. Рэйфорду даже пришлось просить не называть его «мой добродетельный капитан», хотя в душе он был в восторге от того, что она им гордится. Вот потому его легкая измена могла раздавить ее. Он никогда не рассказывал об этом Ирэн и жил с ощущением вины — хотя, честно говоря, он уже сто лет как по-настоящему не посматривал на сторону.

Это случилось ровно через две недели после того, как он добровольно отказался вылетать. Они с Ирэн собирались поехать на рождественскую вечеринку, которую устраивал для своего персонала Эрл Холлидэй. И вдруг в последнюю минуту Ирэн сказала, что не сможет поехать. Ей оставалось две недели до родов, и она не очень хорошо себя чувствовала, но настояла, чтобы он поехал развлечься и поздравил всех от ее имени. В ту ночь ему не надо было лететь, ко-

нечно же, и, зная, что назад он поедет на такси, Рэйфорд не стал ограничивать себя. Конечно, на столе он не плясал, но чем дольше тянулась вечеринка, тем громче и развязнее он становился. Триш, красивая молоденькая специалистка, работавшая в офисе Эрла, — та, которая всегда улыбалась ему, когда он заглядывал, — флиртowała с ним весь вечер. Ее парня не было в городе, и когда она очередной раз повторила, что с удовольствием побеседовала бы с Рэйфордом наедине, он ответил:

— Если ты ничего не продаешь, то кончай рекламу.

— Почему? Продаю, — сказала она, — если покупаешь.

Пока одни орали во все горло под фортепиано, а другие танцевали, Триш схватила Рэйфорда за руку и потащила в укромную комнатку.

Спустя пять минут, после страстных поцелуев, Рэйфорд отстранился.

— Я не хочу, — сказал он.

— Да ладно, капитан, я никому не скажу.

— Я тоже. Но я буду знать. И мне хотелось бы утром не стыдиться себя. Ирэн...

— Я знаю, — сказала она. — Ну так иди домой к своей беременной жене. Таких, как ты, на мою долю тут хватит.

Через два дня, терзаемый угрызениями совести и чувством вины, которое так и не смог полностью приглушить, Рэйфорд со страхом ждал визита в кабинет Эрла. У бос-

са к нему были какие-то рутинные вопросы, но Рэйфорду не хотелось встречаться с Триш. Но ему не повезло. Она попалась ему по дороге, поздоровалась с ним и спросила, не найдется ли у него пара минут.

Когда он вышел из кабинета, она подождала его в угол, где их никто не мог увидеть или услышать.

— Хочу перед тобой извиниться за тот вечер, — сказала она.

— Не бери в голову, — ответил он. — Мы оба были выпивши.

— Не настолько, как я потом набралась, думая о моем парне. Он стал бы задавать вопросы, и я чувствовала себя ужасно.

— А мне-то каково было, Триш.

— Извини меня, — сказала она.

— Ничего не было, — сказал он.

Но последующие несколько лет это воспоминание не раз возвращалось к нему. Укор совести настигал его в самый неподходящий момент. Например, когда он веселился вместе с Рэйми, или играл с Хлоей, или даже разговаривал с Ирэн. Порой он чувствовал такую тягу повиниться перед женой, что приходилось чем-то отвлекать себя.

На самом деле ведь ничего не случилось. Хотя это было глупо, но он взбесился бы, если бы Ирэн проделала такое с каким-нибудь парнем. Он понимал, что, если он все ей расскажет, это причинит ей боль и не приведет ни к чему хорошему, разве что он со своей души камень снимет. Триш давно уже ушла с авиалиний, вышла замуж и уехала.

Так почему он ощущает эту вину? Церковь тут была явно ни при чем, хотя он как раз такого и опасался, когда они снова начали туда ходить. Он даже любил общее настраивание служб. Никто не ощущал себя бесполезным грешником. Было много душевного подъема и дружелюбия. Немудрено, что люди любили туда ходить.

Странно, но в последние несколько месяцев Ирэн начала испытывать какое-то беспокойство.

— Должно быть что-то еще, — не раз говорила она. — Ты когда-нибудь ощущаешь, что находишься на связи с Богом, Рэйфорд? Лично?

Ему пришлось задуматься.

— Это подразумевает, что мы хоть раз должны были быть на связи.

— А разве у тебя ни разу так не было? У меня-то было, пока Он не проигнорировал мои молитвы.

Рэйфорд покачал головой:

— Я никогда по-настоящему в это дело не входил. В смысле, я не против церкви. И я верю в Бога, не пойми меня неверно. Но я не хочу становиться фундаменталистом, буквоедом, или как там еще называют тех, кто день-деньской говорит с Богом и думает, что Он тоже с ними говорит.

— Я тоже не хочу быть странной, Рэйф, — сказала Ирэн. — Но ощущать, что ты и вправду говоришь с Богом и Он слышит тебя? Что может быть лучше?

* * *

Когда Николае Карпати исполнилось двадцать один год, он почти окончил университет и руководил империей по импорту-экспорту, и Райш Планшетт был у него на побегушках. Карпати красовался на обложках всех европейских деловых журналов, и хотя он еще не попал в «Тайм» или «Глобал уикли», ждать оставалось недолго.

Он жил в частном доме на окраине Бухареста, примерно в полумиле от того места, где несколько лет назад были убиты его биологические отцы. Вив Айвинз с удовольствием заняла апартаменты на верхнем этаже. Она занималась его личными делами. Она управляла его слугами, водителями, домашней прислугой и садовниками. Она заботилась обо всех его нуждах.

Николае занимался двумя проектами — тайным наймом неофициального штата профессиональных исполнителей, которые обеспечат, чтобы те, кто не слишком охотно идет на сотрудничество с ним, встретили ту же судьбу, что и его отцы и мать. Второй его целью было окружить себя политически сообразительными людьми. Следующей его ступенькой было правительство. Сначала он сделает так, чтобы его выбрали в румынский парламент. Затем нацелится на кресло президента. Следующий шаг — Европа. Окончательная цель — весь мир.

Конечно, еще не существовало такого поста, как мировой лидер. Но к моменту его возвышения он будет. Он просто знал это.

Настал день, когда Рэйфорду Стилу пришлось предпринять отчаянную попытку докричаться до Бога. Они с Ирэн были женаты уже двенадцать лет. Хлое было одиннадцать, Рэйми — три года. Рэйфорд только что был назначен капитаном «Боинга-747-400» компании «Пан-Континентал» и готовился к вылету из аэропорта О'Хара в Лос-Анджелес с первым пилотом по имени Кристофер Смит.

— Зовите меня Смит, — сказал он.

Он был на пару лет моложе Рэйфорда. Как он рассказывал, был женат, и у него было двое мальчиков, ходивших в начальную школу. Он казался опытным, серьезным парнем. Рэйфорд ценил таких людей. Ему еще придется привыкать к тому, что в кабине тяжелого лайнера, кроме него, только двое мужчин.

Единственным новичком в команде была молодая бортпроводница по имени Хэтти Дюрхем, которая была очень похожа на злополучную Триш, так что Рэйфорду снова пришлось выбивать из памяти то свое фиаско на рождественской вечеринке. Хэтти

представила ему его любимая старшая бортпроводница, Дженет Аллен. Отправив Хэтти выполнять работу, Дженет прошептала:

— Только между нами, капитан, но она немножко глуповата. Но амбициозна, этого у нее не отнимешь. Хочет получить мое место на каком-нибудь из международных рейсов.

— Думаешь, она справится?

— Думаю, что сейчас она не разберет, летим мы или на земле стоим.

Когда они с Крисом Смитом уселись в кабине, Рэйфорд сказал:

— Люблю летать на этих машинах. Они хорошо слушаются и устойчивы при посадке благодаря своему весу.

— Расскажи-ка, — сказал Смит. — Ведь ветер их не очень сносит, верно?

— Они отлично планируют, — сказал Рэйфорд. — Обратная сторона в том, что маневрировать быстро не получится. Это не реактивный истребитель.

Рэй сунул руку за спинку своего кресла, чтобы достать журнал обслуживания и осмотра самолета. Прежде чем выдвинуться из гейта, он собирался прочесть последние записи. Он уже почти половину прочел, когда его отвлекла Дженет с документами дополнительного пассажира — пилота с другой авиалинии, который искал попутный самолет для бесплатного полета.

Пока Рэйфорд просматривал документы и ставил подпись, было уже пора лететь.

Оказавшись в воздухе, первый помощник Смит попеременно то читал «Чикаго

трибьюн», то наблюдал за показаниями приборов, отвечая на все радиовыводы от диспетчера воздушного движения. Рэй был приверженцем выполнения правил и отвлекаться на чтение в воздухе не стал бы, но поскольку Смит казался человеком опытным и ничего не упускал, Рэй ничего ему и не сказал.

Солнце висело прямо под краем солнцезащитного щитка, заставляя Рэйфорда Стила жмуриться, невзирая на темно-серые линзы. Когда Смит в очередной раз оторвался от чтения, он сказал:

— Упс! И как давно эта штука горит?

— Что?

— Вот это сообщение, — показал пальцем Смит. Он бросил газету на боковое сиденье и выпрямился.

Рэйфорд прикрыл глаза рукой и увидел, что на экране горит «ДВИГАТЕЛЬ 1. МАСЛЯНЫЙ ФИЛЬТР».

Его нижний монитор, как правило черный, сейчас показывал данные по двигателю. Давление масла было нормальным, даже у подозрительного двигателя — самого левого.

— Контрольный лист по масляному фильтру двигателя номер один, — сказал он.

— Понял, — ответил Крис, копаясь в правом боковом кармане в поисках аварийной инструкции.

Рэйфорд не помнил этой процедуры во время последнего полета на симуляторе, потому решил, что дело несерьезное. С другой

стороны, он ведь не дочитал до конца записи в журнале.

Пока Крис искал нужный раздел, Рэйфорд схватил журнал и быстро просмотрел его. Ну вот, двигателю номер один требовалась замена масляного фильтра еще в Майами, перед полетом до О'Хары. В старом фильтре были замечена металлическая стружка. Однако все это должно еще было находиться в допустимых пределах, поскольку механик подписал протокол и самолет долетел до Чикаго без проблем.

— «Медленно убирать обороты до тех пор, пока сообщение не исчезнет с экрана», — прочел Крис.

Рэйфорд последовал инструкции, следя за экраном сообщений. Обороты были убраны до нуля, но сообщение не исчезало. Через минуту он сказал:

— Не помогает. Что дальше?

— «Если сообщение МАСЛЯНЫЙ ФИЛЬТР ДВИГАТЕЛЯ не исчезает на холостом ходу, ПЕРЕКЛЮЧАТЕЛЬ УРОВНЯ ТОПЛИВА... ПЕРЕВЕСТИ В ПОЛОЖЕНИЕ ВЫКЛЮЧИТЬ».

Рэйфорд схватился за переключатель и сказал:

— Подтвердить отключение контроля уровня топлива номер один.

— Подтверждаю.

Рэйфорд плавно двинул рычаг в сторону и вниз, одновременно увеличивая нажим на правую педаль руля. Двигатель номер один отключился, и автомат управления тягой

увеличил мощность оставшихся трех. Скорость полета медленно снижалась, и вряд ли кто-то, кроме Дженет, это заметил, подумал Рэйфорд.

Они с Крисом решили идти на другой высоте, и он приказал ему запросить диспетчера воздушного движения в Альбукерке, чтобы им дали разрешение снизиться до 32 000 футов. Затем они установили автоответчик, чтобы предупредить остальных участников воздушного движения о том, что они, возможно, не смогут набрать высоту или маневрировать, если возникнет аварийная обстановка.

Рэйфорд не сомневался, что они теперь доберутся до аэропорта Лос-Анджелеса без проблем. Он вызвал Дженет.

— Ты, наверное, заметила, что мы недавно снизились?

— Да. Мне показалось, что рановато для захода на посадку в Лос-Анджелесе.

— Верно. Я отключил двигатель номер один из-за небольшой проблемы с маслом. Вскоре сделаю объявление.

Рэйфорд ощутил, что правую стопу сводит, и вспомнил, что ему пришлось увеличить нажим, чтобы скомпенсировать неравномерную тягу оставшихся двигателей.

«Давай, Рэйфорд. Веди машину».

— Ты не против взять управление на себя на минутку, Крис? Мне надо позвонить в компанию.

— Взял, — сказал Крис.

Следуя протоколу, Рэйфорд подтвердил:
— Ты ведешь самолет.

После того как Рэйфорд проинформировал «Пан-Континентал» о ситуации, диспетчер сообщил ему о плохой видимости в аэропорту Лос-Анджелеса.

— Когда подойдете ближе, проверьте сводку погоды.

— У нас достаточно топлива, если придется отклониться от курса, — сказал Рэй. — Вообще-то было бы даже лучше, будь его меньше. Приземлимся тяжело.

— Понял.

Рэйфорд объявил пассажирам, что он отключил двигатель номер один, но это ничем не грозит и посадка в Лос-Анджелесе будет обычной. Однако чем ниже шел самолет, тем отчетливей он мог сказать, что запас мощности чрезмерен. Ему не хотелось заходить на второй круг, поскольку переход с холостого хода на полную мощность на трех моторах потребовал бы большой работы рулевым управлением, чтобы компенсировать разницу в тяге.

Диспетчерская Лос-Анджелеса была в курсе ситуации с двигателем и дала тяжелому самолету «Пан-Континентал» очередность на посадку. На высоте 10 000 футов Рэйфорд начал сверять цифры снижения.

— Тормоза в автомате, — сказал Крис.

— Уровень три, — ответил Рэйфорд

Это заставило самолет тормозить на средней скорости, если только Рэйфорд не

прервет процесс вручную. Контроль подлета Лос-Анджелеса снова соединил Рэя и Криса с диспетчерской, которая дала им разрешение приземлиться на левую полосу номер двадцать пять и сообщила о скорости ветра и дальности видимости на полосе.

Рэйфорд включил рулежные фары и приказал Крису установить нулевой триммер руля. Рэйфорд ощутил, как увеличивается давление под его правой стопой. Ему придется следовать за автоматом тяги, когда будет меняться мощность, и подстраивать под нее давление на руль. Никогда при посадке ему не приходилось так туго, да и погода еще не способствовала. Низкая облачность мешала ему видеть полосу.

— Пошла глиссада, — сказал Крис.

— Выпускай шасси, — сказал Рэйфорд. — Закрывки тридцать.

Рэйфорд с Крисом подгоняли скорость под положение закрылков, чувствуя, как автомат тяги отвечает, снижая мощность для торможения самолета.

— Вошли в глиссаду, — сказал он, — закрылки тридцать, контроль посадки.

Он установил 148 узлов, приборную скорость для снижения с закрылками на 30 градусах при таком весе.

Крис следовал указаниям. Он вытащил список проверки из-за щитка.

— Шасси, — сказал он.

— Пошли, — ответил Рэйфорд.

— Закрывки.

— Тридцать.

— Воздушные тормоза.

— Готовы.

— Посадочная проверка завершена, — сказал Крис.

Теперь самолет мог сесть сам, но Рэйфорд решил на всякий случай не оставлять управления. Так гораздо проще садиться на автопилоте, чем перехватывать управление, если тот вдруг отключится.

— Крайний заход на посадку. Начинаем, — сказал Крис

Когда Рэйфорд отключил автопилот и тягу, раздался громкий гудок.

— Автопилот отключен, — произнес он.

— Тысяча футов, — отозвался Крис.

— Понял.

Они были в самой середине облаков и вряд ли увидят землю до момента приземления.

Механической голос объявил:

— Пятьсот футов.

Он объявит еще пятьдесят, тридцать, двадцать и десять. До приземления оставалось девяносто секунд.

Внезапно Рэйфорд услышал радиопереговоры:

— Запрещаю, Ю-Эс Эйр 21! — говорил диспетчер. — Взлет запрещаю!

— Прием, башня, — послышался ответ. — Перебой со связью. Вас понял. Ю-Эс Эйр-21, взлет разрешен.

— Нет! — ответила диспетчерская. — Ю-Эс Эйр 21! Взлет запрещен!

— Пятьдесят футов, — отсчитывал механический голос. — Тридцать.

Рэйфорд вышел из облаков.

— Разворот, кэп! — заорал Крис. — На полосу выруливает «Боинг-757»! Уходим на второй круг! Уходим!

Рэйфорд не видел, как они могут не столкнуться с семьсот пятьдесят седьмым. Время замедлилось, перед глазами как наяву встали Ирэн, Хлоя, Рэйми. Он увидел, как они скорбят, почувствовал вину за то, что оставляет их. И вину перед пассажирами. И командой. И теми, кто находился на борту самолета компании «Ю-Эс Эйр».

Медленно повернувшись, он заметил красную точку в центре экрана на панели инструментов, рядом с которой светилась цифра 2. Механический голос продолжал отсчет. Крис кричал, диспетчерская орала:

— Вверх! Вверх!

Рэйфорд ударил по кнопкам захода на второй круг дважды для максимальной мощности и крикнул:

— Господи, пронеси!

— Аминь! — взвыл Крис Смит. — А теперь летим!

Рэйфорд ощутил, что снижение прекратилось, но вряд ли этого было достаточно. Он представил себе вытаращенные глаза пассажиров «Ю-Эс Эйр», стоявшего на земле.

— Закрывки на двадцать! — рявкнул он. — Набор высоты. Убрать шасси.

Руки Смита порхали над приборной доской, но расстояние все сокращалось.

«Теперь до конца жизни не пропущу ни единой воскресной службы. И буду молиться каждый день».

Самолет внезапно нырнул влево — три работающих двигателя создали небольшой крен. Рэйфорд не успел компенсировать его рулем. Оставалась какая-то доля секунды до столкновения с хвостом семьсот пятьдесят седьмого — который был высотой почти с четырехэтажный дом, — и они перевернутся. Рэйфорд закрыл глаза и приготовился к столкновению. Он слышал ругань диспетчера и Криса. Какая дурацкая гибель!..

Тяжелый самолет компании «Пан-Континентал» прошел в каких-то дюймах от «Ю-Эс Эйр», а конец левого крыла прошел на еще меньшем расстоянии от земли. Весь взмокший и наверняка бледный как смерть, Рэй медленно поднимал самолет.

— Как мы их не зацепили, Крис?

— Наверное, твоя молитва была услышана, кэп. Поблагодари Господа и дай мне памперс.

Диспетчерская все еще что-то орала, перебиваемая рубкой «Ю-Эс Эйр». У Рэйфорда побелели костяшки пальцев, и, наконец, осознав, что он жив, он сел и взялся за управление. Он хотел только одного — чтобы этот полет кончился. Когда диспетчерская дала окончательный вектор, Рэйфорд объявил посадку по автопилоту.

— Согласен! — сказал Крис.

Пилоты конфигурировали самолет снова и провели посадочную проверку. На экране появилось сообщение «ПОСАДКА 3», пока-

зывавшее, что все три автопилота функционируют нормально. Они приземлились без инцидентов.

Рэйфорд услышал аплодисменты из салона, но никто не испытал такого облегчения, как он. Он знал, что его ждут сообщения от местного представителя с просьбой связаться с оперативным центром и диспетчерской. Вот только этого ему не хватало — заново переживать этот кошмар.

Отозвался ли Бог на его молитву, заставив его ошибиться при компенсации рулем и вызвать небольшой крен, который не дал правому крылу зацепить «Ю-Эс Эйр»? Станный способ божественного вмешательства, подумал Рэйфорд, но сделка была заключена. И теперь он просто обязан ее выполнить.

ГЛАВА ДВАДЦАТЬ ШЕСТАЯ

Николае Карпати очнулся от глубокого сна. По крайней мере, он решил, что проснулся. Возможно, он все еще спал. Не было ни звука, ни света. Просто глаза его вдруг распахнулись — и все.

Как всегда, когда сон казался чересчур реальным, он сунул руку под шелковую пижаму и ущипнул себя. Сильно. Он не спал. Полностью проснулся. Он сел на кровати в темной комнате и уставился в окно.

Кто там? Кто-то сидит на крыше? Туда не взобраться без хорошей приставной лестницы. Еще десяток футов, и темная фигура доберется до этажа тети Вив. Николае прямо так и тянуло указать незнакомцу — туда, туда! Если у него злые намерения, то уж лучше она, чем он, и у него тогда будет время сбежать.

Но темная фигура не шевелилась. Затаив дыхание, Николае соскользнул с постели,

тихо выдвинул ящик прикроватной тумбочки и достал оттуда тяжелый «глок». Когда он снова подкрался к окну, темная фигура повернулась к нему, и Николае замер, хотя в комнате не было света, так что его не могли увидеть.

Трясущимися руками он поднял «глок» на уровень глаз. Но прежде чем он сумел нажать на спуск, фигура подняла палец и покачала головой, словно говоря, что не надо этого делать.

— Я не причиню тебе зла, — услышал Николае беззвучный голос. — Опusti оружие.

Николае положил «глок» на бюро и установился в окно. Сердце его перестало бешено колотиться, но он не знал, что делать. Открыть окно и поднять раму? Позвать это существо внутрь? В следующее мгновение его вдруг перенесло наружу — как был, в пижаме, и теперь он и эта фигура — мужчина — стояли в безлюдной пустыне. Николае напрягся, услышав вой, рычание и скулеж зверей. Он снова ущипнул себя. Все было реальностью.

Фигуру с ног до головы скрывал черный плащ с капюшоном. Его лицо, руки и ноги были скрыты.

— Жди здесь, — сказал мужчина. — Я вернусь за тобой через сорок дней.

— Я тут не выживу! Что я есть буду?

— Ты не будешь есть.

— Где я буду жить? Здесь никакого укрытия!

— Сорок дней.

— Подожди! Мои люди...

— Твоих людей проинформируют.

С этими словами незнакомец исчез.

Николае отчаянно хотел, чтобы время ускорилося, как в тот момент, когда его перенесли из его спальни в это место. Но время не слушалось. Он осознавал каждую тягучую секунду, жар дня, пронзительный холод ночи. Николае привык к комфорту. Он не привык к голоду, страху, темноте. Можно было бы попытаться вернуться пешком домой, если бы только он знал, куда идти. Во все стороны тянулась одна пустота.

* * *

Ирэн Стил пыталась бороться с пустячным беспокойством, говоря себе, что она живет жизнью большинства молодых матерей. У нее была дочь-школьница и сын, который еще не достиг детсадовского возраста, не говоря уже о муже, которого часто не бывало дома. Дни ее были долгими, трудными, и скучать ей было некогда. Вся беда была в деньгах, конечно же, но она не могла отрицать, что с самого начала знала о материальных устремлениях Рэйфорда. Возможно, он тоже пытался заполнить какую-то дырку в своей жизни. Все казалось недостаточным. Желание получить новый гаджет или игрушку тоже быстро проходило.

Ирэн старалась привнести более глубокий смысл в их жизнь. Но Рэйфорда, казалось, раздражали семейные пикники, утом-

ляли прогулки, которые обычно кончались тем, что он разнимал детей или не давал им убежать слишком далеко. Рэйфорд очень хорошо относился к Хлое и Рэйми, но его свободные от работы дни были отданы гольфу и телевизору.

Примерно в то время, когда Ирэн успокоила себя диагнозом «депривация сна», одна из молодых матерей, живших по соседству, приподняла завесу того, о существовании чего Ирэн даже не подозревала. Она и Джеки — симпатичная спортивная брюнетка — сидели и болтали, пока их дошколята играли в парке. Они уже где-то с год как были знакомы, но никогда не бывали в гостях друг у друга и не встречались где-либо помимо парка.

Вот почему Ирэн всполошилась, когда ей показалось, что Джеки нервничает.

— Я хочу кое о чем тебя спросить, Ириска. — Она дала Ирэн такое прозвище.

Рэйми забрался на самый верх шведской стенки, так что Ирэн не могла отвести от него взгляда.

— Конечно, давай.

— Тебе хорошо в твоей церкви?

«Моей церкви»? Ирэн не знала, что и ответить. Она пожала плечами:

— Думаю, да. Наверное. Она большая. Там много всякого для детей.

— Вы с мужем действительно вовлечены в церковную жизнь?

— Нет. Мы просто ходим на службы по воскресеньям. Рэйф несколько раз вместе с

другими мужчинами выезжал на рыбалку. На игру «Медведей». На турнир по гольфу.

— А ты?

— У женщин есть кружки по интересам, — сказала Ирэн. — Мы собираем вещи для мам из старого центра. — Рэйми уже спустился на землю, так что Ирэн глянула на Джеки, которая по-прежнему выглядела какой-то робкой. — А что, Джеки?

— Да нет, ничего. Я просто подумала, что, если ты недовольна своей церковью, если ты ищешь чего-то большего, чего-то иного, ты могла бы пойти в нашу. Она называется церковь Новой Надежды.

Интересное название, подумала Ирэн.

— Она маленькая, — сказала Джеки. — Там нас всего пара сотен прихожан. Мы принимаем людей всех конфессий. Просто группа утвердившихся в вере христиан, пытающихся открыть другим дорогу в небеса.

А, вот оно что. Немудрено, что Джеки обеспокоена. Она сказала, что они не принадлежат ни к какой конфессии, но говорила точно как баптистка.

— Нет, — сказала Ирэн. — Мы счастливы. Но я рада, что тебе нравится твоя церковь.

Джеки вроде как расслабилась, словно выполнила какую-то обязанность и может теперь просто по-дружески общаться с Ирэн. Да, Джеки снова вернулась к религиозной теме, но теперь ей было, видимо, проще говорить. Она рассказала о том, как она, наконец, обрела мир в душе, смысл жизни, поняла, почему она «оказалась на этой зем-

ле. Я знаю, зачем здесь, в чем моя цель и куда иду».

Ирэн не хотела продолжать разговор, не смотря на то что ей до смерти хотелось найти собственные ответы на эти вопросы.

* * *

Спустя несколько дней Николае решил, что сходит с ума. Он пытался отмечать время, выдалбливая в земле палочкой отметину после каждого восхода солнца. У него отросли волосы и борода, его пижама обтрепалась. Он боялся, что медленно умирает. То и дело он взывал к незнакомцу, под конец уже безумно вопя часами напролет:

— Я умираю от голода!

Николае утратил всякое понятие о времени. Он не был уверен в том, что не упустил день-два или, наоборот, слишком часто ставил отметины. К концу месяца он уже лежал, свернувшись клубком. Кости его выпирали, зубы покрылись пленкой. Он раскачивался и выл, желая смерти.

Прошло уже много часов и дней после того, как сорок суток истекли — или так ему казалось. Он потерял надежду, что его спасут. Он долго спал, просыпаясь в ничтожестве, грязи, дрожа, совершенно сдавшись своей судьбе. Он хорошо начал карьеру, сказал он себе. В двадцать четыре года он был одним из самых многообещающих, по-

читаемых людей в мире. Он не заслуживает такого.

* * *

Ирэн должна была признать, что ее отношения с Джеки — хотя и ограниченные парком — начали остывать. Джеки была довольно приятной и, несомненно, говорила серьезно. Но теперь она каждый день говорила о духовных вопросах, и только вежливость Ирэн приободряла Джеки и убеждала ее, что все в порядке.

Но не все было в порядке. Она теперь вмешивалась не в свое дело, вторгалась в личное пространство Ирэн. Да, кое-что из того, что говорила Джеки, задевало ее за живое. Но по большей части, она ощущала себя униженной и оскорбленной. С этими людьми, которые воспринимают все слишком серьезно, всегда проблемы. Как будто только их путь единственно правильный. Им не хватает того, что вы христианин и посещаете церковь. Вы должны веровать так, как веруют они. Оглянуться не успеешь, как ты уже среди толпы, забившей проход, впадаешь в религиозный экстаз и исцеляешься.

Ирэн начала отмалчиваться, когда Джеки переходила к этой теме, и, наконец — наконец! — Джеки это заметила.

— Ты не обязана ходить в мою церковь, Ириска, — сказала она. — Просто знай, что

тебя там всегда ждут. Наш пастор учит нас точно по Библии. Твоя церковь ведь учит спасению, верно?

Ирэн пожала плечами, не скрывая раздражения.

— Мы ходим в церковь потому, что верим в Бога и хотим попасть на небо.

— Но ведь попадают на небеса не так, — сказала Джеки. — Этого нельзя заслужить. Это дар.

Снова здорово. Ирэн сменила тему. Джеки отступила, по крайней мере на время. Однако, оказавшись дома, в те немногие свободные минуты, которые выпадали ей на долю, Ирэн не могла думать ни о чем другом. Неужели это так? Небеса — подарок, а не заслуга? Это было совершенно бессмысленно, но это было так...

Ирэн поняла, что приятельница поняла ее, и потому в последующие дни в разговорах с Ирэн не затрагивала этой темы. Ирэн решила тоже не поднимать этого вопроса, несмотря на свое любопытство. Нет, не то слово. Это был голод, жажда. Хотя Ирэн могла бы прочесть Джеки лекцию о дружбе, манерах, дипломатии, Ирэн оставила эту мысль и думала только о потенциальной правоте своей приятельницы.

Дело было в том, что церковь Ирэн не слишком останавливалась на вопросе спасения. Априори полагалось, что все они христиане, все попадут на небо, все делают что могут в современном мире. Но тут было нечто большее, более личное, путь к общению

с Богом... Ирэн могла только молиться, чтобы Джеки вернулась к этому разговору. Если Ирэн сама заговорит, то она откроет шлюз горячей проповеди, поток которой просто снесет ее.

Джеки каким-то образом все же усвоила некоторую деликатность. Потому что, когда она вернулась к этому вопросу, она четко понимала, в каком сейчас положении находится Ирэн.

— Я забочусь о тебе, Ириска, — сказала она. — И меньше всего я хочу тебя обидеть или оттолкнуть. Если я пообещаю никогда больше об этом не заговаривать, пока ты сама меня не попросишь, могу я просто дать тебе кое-какую литературу, и на этом покончим?

Ирэн это тронуло. Новый подход Джеки ее очень растрогал, так что она решила не перегибать. Ей очень хотелось сказать приятельнице, что она вовсе не обижена, что она ценит ее заботу и, да, у нее к ней тысяча вопросов.

А вдруг ей мешает гордыня? Она не знала. Ирэн изобразила настороженность.

— Хорошо, — тихо сказала она. — Это честно. — Она взяла брошюрку. Вообще-то ей не терпелось вернуться домой и прочесть ее.

* * *

Наконец, спустя очень долгое время, появился человек в плаще. Николае хотел было

собрать все свои силы и напасть на него, наброситься с руганью, но призрак снова поднял палец и покачал головой.

— Ты избранный? — сказала фигура.

Николае кивнул. Он по-прежнему был в этом уверен.

— Посмотри вокруг себя. Хлеб.

— Тут одни камни, — хрипло выдохнул Николае, проклиная незнакомца.

— Если ты тот, кем себя считаешь, прикажи этим камням стать хлебом.

— Ты смеешься надо мной, — сказал Николае.

Призрак не шевельнулся и не произнес ни слова.

— Хорошо же! — крикнул Николае. — Камни! Станьте хлебом!

Тут же камни вокруг него стали золотисто-коричневыми и ароматными. Он упал на колени, схватил один из них, обеими руками поднес к носу. Он вгрызся в него и стал жадно пожирать.

— Я бог! — воскликнул он с набитым ртом.

* * *

Рэйфорд был в ночном полете. Хлоя осталась у подруги на ночь. Рэйми уже пару часов как спал. Ирэн сидела перед телевизором. Шла ее любимая передача, но Ирэн она была неинтересна, поскольку она листала брошюрку, которую дала ей Джеки. Она

была небольшой, написана простым языком. Звучно-религиозным. Напичкана стихами из Библии. И все же ей казалось, что в ней есть ответы. Она обманывала себя? Это были игры разума?

Брошюрка предлагала личное общение с Богом через Его Сына. Она слышала такие слова всю свою жизнь и бежала от них. Они звучали странно, не имели смысла. Но теперь по какой-то причине они привлекали ее. Она не ощущала близости с Богом.

Ирэн чувствовала себя недостойной. Мысль о том, что она рождена в грехе, сама грешница, всегда отталкивала ее. Но теперь она привлекала ее. Что-то в глубине ее души говорило ей, что нечестно винить Бога в том, что случилось с ее братом и отцом. А что, если то, что Библия говорила о ней, — правда и что она не заслуживает лучшего? Она сама заслуживала смерти.

Стихи Библии задели ее душу. Она отключила телевизор и снова начала вновь и вновь перечитывать первую главу Евангелия от Иоанна: «В мире был, и мир через Него начал быть, и мир Его не познал. Пришел к своим, и свои Его не приняли. А тем, которые приняли Его, верующим во имя Его, дал власть быть чадами Божиими, которые ни от крови, ни от хотения плоти, ни от хотения мужа, но от Бога родились»¹.

Брошюрка побуждала читателя принять это возрождение и спастись от греха. Ирэн

¹ Евангелие от Иоанна, 1: 10—13.

вдруг захотелось этого как ничего другого в жизни. «Веруй в Господа Иисуса Христа, и спасешься ты и весь дом твой», — сказали ей Деяния Апостолов¹.

* * *

— Ты бог? — спросил дух.

Внезапно Николае оказался на вершине купола храма в Иерусалиме, все еще с теплым хлебом в руках.

— Аз есмь, — сказал он. — Я есть то, что я есть.

— Если ты бог, то бросайся вниз, и будешь спасен.

Дрожащий, одуревший, босой, в рваной шелковой пижаме, Николае ощущал себя насытившимся хлебом и исполненным собой. Он улыбнулся. И бросился с купола храма.

Летя навстречу камням Храмовой горы, он ни разу не утратил веры в себя или в обещание духа. В двадцати футах от земли он начал парить и опустился на ноги, словно кошка.

* * *

Ирэн не могла сдержать слез. Как ей это сделать? Она снова и снова перечитывала

¹ Деяния Апостолов, 16: 31.

брошюру. «Неужели это так просто? При-
знайся Богу, что ты грешник. Проси Его
спасти тебя. Прими Его дар спасения через
смерть Христа на кресте. И после этого ты
спасен?»

Она вздрогнула, выкинув из разума про-
тиворечивые мысли и сомнения. Ирэн была
достаточно разумной, чтобы не поддаваться
одним эмоциям, но с ней что-то творилось.
Она была практически уверена, что Бог кос-
нулся ее. Она сползла с кресла на пол и вста-
ла на колени — такого она не делала никогда
в жизни.

Внезапно Николае и дух очутились на
вершине горы. Он стоял босым в снегу.
Воздух был морозным и разреженным, и
грудь Николае вздымалась, он пытался на-
брать достаточно кислорода, чтобы остаться
в живых.

— Отсюда ты можешь увидеть все цар-
ства мира.

— Да, — сказал Николае. — Я вижу их
все.

— Они твои, если ты преклонишь пере-
до мной колени и поклонись мне как хо-
зяину.

Николае упал на колени перед духом.

— Господин и господь мой, — сказал он.

* * *

Ирэн слышала только тиканье часов на полке над камином. Она представляла, как сейчас войдет Рэйфорд или кто-то из детей и застанет ее. Ей было все равно.

— Господи, — вслух сказала она. — Я знаю, что я грешница, и мне нужно Твое прощение и Твое спасение. Я принимаю Христа.

* * *

Когда Николае открыл глаза, он снова лежал в постели. То, что все случившееся было реально, подтверждали его собственная вонь, грязь и рваная одежда. Он выбрался из постели и увидел листок бумаги под дверью. Это был почерк Вив Айвинз:

«Сходи в душ, переоденься и спускайся вниз, милый. Парикмахер, маникюрша, массажистка и повар — к твоим услугам».

ОБ АВТОРАХ

Джерри Б. Дженкинс (www.jerryjenkins.com) — автор серии романов «Left Behind®». Он возглавляет Гильдию христианских писателей Джерри Б. Дженкинса (www.ChristianWritersGuild.com), организацию, занимающуюся воспитанием молодых писателей, а также кинокомпанию Jenkins Entertainment (www.Jenkins-Entertainment.com). В прошлом вице-президент издательства при Библейском институте имени Дуайта Муди, Чикаго, он также долгое время работал редактором журнала Moody и теперь является постоянным автором этого журнала.

Его статьи появлялись в таких изданиях, как журнал Time, Reader's Digest, Parade, Guideposts, в журналах для авиапассажиров и десятках других периодических изданий. «Послужной список» Дженкинса включает книги, написанные, в частности, в соавторстве с Билли Грэмом, Хэнком Аароном, Биллом Гайтером, Луисом Палау, Уолтером Пэйтоном, Орелом Херишером и Ноланом Райаном.

Его книги регулярно появляются в списке бестселлеров New York Times, USA Today, Wall Street Journal и Publishers Weekly.

Имеет две почетные ученые степени доктора, присвоенные Колледжем Бетель (Индиана) и Международным университетом Тринити.

Доктор Тим ЛаХэй (www.timlahaye.com), которому принадлежит идея серии романов по мотивам Откровения Иоанна Богослова, является популярным писателем, священнослужителем и широко известным в США исследователем библейских пророчеств. Он основатель Союза духовенства Тима ЛаХэя и Исследовательского центра ожидания времени Скорби.

Также недавно он стал сооснователем Школы откровения Тима ЛаХэя при Университете Либерти. Доктор ЛаХэй выступает с докладами на многих крупных конференциях, посвященных библейским пророчествам, в США и Канаде, где его исследования пророчеств весьма популярны.

Тим ЛаХэй получил степень доктора богословия в Западной теологической семинарии и почетную степень доктора филологических наук, присвоенную Университетом Либерти. В течение двадцати пяти лет он служил проповедником в одной из наиболее известных в Америке церковных общин в Сан-Диего, которая теперь имеет три филиала.

За это время он основал две аккредитованные христианские школы, сеть христианских школ, включающую десять учреждений, и Колледж Христианского Наследия.

Пятьдесят нехудожественных сочинений авторства доктора ЛаХэя были опубликованы более чем на тридцати семи иностранных языках и разошлись тиражом свыше 13 миллионов экземпляров. Он писал книги на множество тем, таких как семейная жизнь, человеческий характер, библейские пророчества. Его последние художественные произведения, романы из серии «Left Behind®», написанные в соавторстве с Джерри Б. Дженкинсом, продолжают входить в списки бестселлеров Ассоциации христианских книготорговцев, Publishers Weekly, Wall Street Journal, USA Today и New York Times.

Другая серия пророческих романов ЛаХэя включает «Восстание Вавилона», «Тайну Арарата», «Европейский заговор» и «На краю тьмы», которые попали в список бестселлеров New York Times. Действие в этой серии романов, включающей в себя четыре остросюжетных триллера, в отличие от «Left Behind®», начинается не с момента Восхищения, а в наши дни.

РЕЖИМ

ВТОРОЙ РОМАН ИЗ ТРИЛОГИИ
ПРИКВЕЛОВ К СЕРИИ «LEFT BEHIND®»

В романе «Режим», второй книге из трилогии приквелов к серии «LEFT BEHIND®», повествуется о судьбах людей, которым вскоре суждено встретиться в битве за человечество. Румынский миллионер Николае Карпати уверенно завоевывает влияние на политической арене своей страны. Юный Кэмерон Уильямс начинает свою журналистскую карьеру. А израильский ученый Хаим Розенцвейг ведет работу над секретной формулой, которая должна изменить мир.

Заказать книгу «РЕЖИМ» можно:
по телефону (495) 737-04-80 (по будням);
по e-mail: club@knigovek.ru;
по почте: 127206, Москва, а/я 24

Тим ЛаХэй
Джерри Б. Дженкинс

ВОСХОЖДЕНИЕ

Редактор *Н. Занозина*
Художественный редактор *А. Балашова*
Консультант *А. Коныхова*
Технический редактор *О. Стоскова*
Корректор *О. Бубликова*
Компьютерная верстка *И. Немцева*

Подписано в печать 18.09.12 г.
Формат 84 × 108¹/₃₂. Бумага офсетная. Гарнитура «Балтика».
Печать офсетная. Тираж 30 000 экз.
Усл. печ. л. 24,36. Уч.-изд. л. 15,91.

Книжный Клуб Книговек.
127206, Москва, Чуксин тупик, 9.
www.terra.su

Отпечатано BALTO print
www.balto.lt
www.baltoprint.ru

ВОСХОЖДЕНИЕ — первый роман из трилогии приквелов, посвященных событиям, произошедшим до Восхищения. Какой была жизнь до всемирных исчезновений у Рэйфорда Стила? Как появился на свет Антихрист Николае Карпати? И почему Вив Айвинз играет настолько важную роль в его жизни?

ДЖЕРРИ Б. ДЖЕНКИНС

ТИМ ЛАХЭЙ

Писатель, соавтор серии «LEFT BEHIND®», автор более сотни романов. Его книги регулярно появляются в списке бестселлеров «New York Times», «USA Today», «Wall Street Journal» и «Publishers Weekly».

Создатель и идейный вдохновитель серии романов «LEFT BEHIND®». В Америке широко известен не только как писатель, но и как исследователь библейских пророчеств. Написал более 50 книг, переведенных на 37 языков мира. Имеет несколько ученых степеней.

«Самый успешный литературный тандем всех времен и народов».

NEWSWEEK

«Как ни назови серию «LEFT BEHIND®», очевидно одно — сейчас она пользуется огромным успехом, как настоящий блокбастер. Ее создатели даже представить такого не могли».

ENTERTAINMENT WEEKLY

«Саспенс в духе Тома Клэнси, чуть-чуть романтики, отблеск Hi-Tech и ссылки на Библию — в одном флаконе!»

THE NEW YORK TIMES

ISBN 978-5-4224-0577-0

9 785422 405770

www.Leftbehind.ru